

ПОДАЧІ

РАБОТА
ДЛЯ
ВАС

ГУСЕВ Валерій

ШЕРИФ СИНЕРЕЧЬЯ

ШТОКМАН Урог

ПУТЕМ ЗЕРНА

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

ВАЛЕРИЙ ГУСЕВ

ШЕРИФ СИНЕРЕЧЬЯ

- Крокодил в реке появился, - уронил вполголоса подошедший Мишка. - Участковый говорил: из зоопарка приплыл. От голода спастись.

Корзинкин был не только доверчив, но и туповат.

- Как же? Ить он-то в реке, а лом...

- В реке, - хмыкнул Мишка, - Это он днем в реке, а ночью по дворам шастает. Подъедается.

- Железка-то длинная. Как же он ее заглотил-то?

- Вдоль. - Мишка подумал: - Молча.

Игорь ШТОКМАН

ПУТЕМ ЗЕРНА

Женька стала сниться часто, всегда в какой-то беде, Олег рвался к ней на помощь, спешил изо всех сил, но ноги плохо слушались. Вокруг Женьки появлялись мерзкие хари с сальными улыбочками, с жадными длинными руками... Он добегал наконец и вдруг пораженно видел, что Женьке хорошо среди этих харь, что нравится ей быть с ними и привлекать их жадное внимание.

0011

Падви

ИЗДАЕТСЯ С 1950 ГОДА

ГЕРОИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕТЕКТИВ

МОСКВА

Валерий
ГУСЕВ

ШЕРИФ

СИНЕРЕЧЬЯ

РОМАН

стр. 4

Игорь
ШТОКМАН

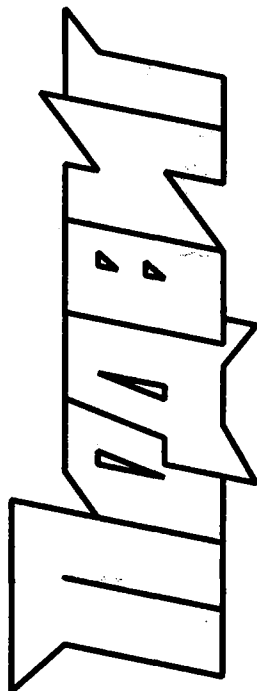
ПУТЕМ ЗЕРНА

РЕТРО-РАССКАЗ

стр. 228

ОБ АВТОРАХ

стр. 276

1

2005

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ "ПОДВИГ"

ВАЛЕРИЙ ГУСЕВ

ШЕРИФ СИНЕРЕЧЬЯ

РОМАН

ПРОЛОГ

...Главное, парень, что ты теперь — всегда и везде — милиционер. Это вот, к примеру, токарь — так он токарь у станка, а тракторист, к примеру, — он только в поле пахарь. Но вот дома, в бане или там в кино — они оба просто люди, граждане. А ты теперь всегда и везде — милиционер. И в бане, и в поле, и днем, и ночью, и дома, и в пути, и в будни, и в праздники, и зимой, и летом. И во все времена года...

(Наставления старого мента молодому)

Видно, тому, кто первым назвал этот край Синеречьем, довелось испытать редкое счастье увидеть его с высоты птичьего полета. Старики уверяют, что так оно и было: в давние годы поднялся над глухим раздольем простой деревенский кузнец Савелий. Долгой слепой зимой, нетерпеливо меняя в затейливом светце лучину за лучиной, ладил он большие крылья из «воронова пера», а по весне, в самый разлив, велел мужикам вкатить на горку, которую с той поры и зовут Савельевкой, пустую телегу с подвязанными оглоблями. С затаенным вздохом перекрестивши чумазый лоб, положил кузнец на тележные борта доску, стал на нее в рост, сложив по бокам руки, плотно вдетые в черные мягкие крылья, свистнул залиvisto, — и помчалась телега, гремя и подпрыгивая, давя тяжелым колесом первую траву, прямо к крутому обрыву, каким кончается над затопленным лугом ровный скат горы.

Ахнули мужики, обомлели. И которые покрепче, которые не прижмурили глаза в великом испуге, те видели: грянулась телега на мокрый луг, взлетела обломками вместе с солнечными брызгами к самому небу. И в последний миг простой русский кузнец широко, рывком разбросил руки-крылья, блеснувшие серебром в весеннем свете, взмыл, поднятый неведомой упругой силой, и закружил по-над черным лесом. А мужики стояли, заслонясь от солнца корявыми ладонями, и молча смотрели, как носится над ними черная бесшумная тень, забирая все выше и выше.

Долго бы в тот день летал Савелий, да какой-то дремучий охотник, выходя из лесу и, увидав над собой невиданную птицу, сильно испугался, сбил его каленой стрелой. Взмахивая торопливо одним крылом, кувыркаясь, с треском врезался Савелий в верхушку черной ели, откуда бережно, с великим трудом сняли его мужики. Вылезая из помятых крыльев, кузнец, округлив глаза и морща губы, шептал: «Реки, братцы, кругом нас — синие-синие. Все вокруг синевой разлилось. А в самую даль гляну — реки с небушком сливаются, в один — лазоревый — цвет идут».

Ошалевший охотник, повинившись, забрал Савелия в свою избу и усердно отпаивал горячей медовухой. Оправившись, кузнец поверил в силу своих крыльев и много раз еще поднимался к небу. Да, видать, живя у охотника, пристрастился к вину и уж без доброй чарки крыльев своих не надевал, и как-то в сумерках налетел на колокольню. «Господь покарал», — вслед за попом твердили мужики, а кто посмелее ворчал: «Вино кузнеца сгубило. Не иначе». Оно и верно — народ в Синеречье хоть и непростой — головы светлые, руки умелые, но и гулять не дурак: вся деревня завьется — не остановишь. Многим, многим синереченцам вино крылья подрезало. Старики говорят: испокон веку так велось...

Савелия схоронили, крылья его, чтоб ребятишкам соблазна не было, сожгли, выпили за упокой «светлой души» и часто потом вспоминали: «Реки-то, братцы, кругом нас — синие-синие...»

...Ты, парень, не забывай, для чего тебе власть дана. Долг твой простой: заботиться о людях, оберегать их жизнь, честь, покой и имущество...

У участкового уполномоченного дел всегда неупро-
рот, особенно на селе. Недаром говорят знающие люди, что
сельский участковый — это целое отделение милиции по
обязанностям. Он и пожарник, и автоинспектор, и эксперт,
и дознаватель, и врач, и воспитатель. А придется — и
группа захвата в одном лице.

Отслужив в десантных войсках, окончив школу мили-
ции, Андрей Ратников получил звание и назначение на
службу в родные места. С одной стороны — хорошо,
местность знакомая, народ кругом известный, гадать не
надо — кто на что способен, а кто на что — нет. А с другой
стороны — люди близкие, родней можно по всей округе
считаться. Как тут действовать, чтобы долг служебный не
нарушить и ненароком близкого не обидеть?

В первое время службы не раз случались у Андрея
минуты растерянности: за что хвататься, чтобы главное не
упустить? И чтобы все успевать? И чтобы ошибок не
наделать? Работа ведь с людьми — не с железками. Да и
люди те не просты. Как говорится, каждый со своей приду-
рью и чужинкой — у кого тараканы в голове, у кого в душе
изюминка. И порой одно от другого не враз и отличишь: где
наивность, а где хитрость; где глупая шутка, а где злое
хулиганство; где невольная ошибка, а где и прямое пре-
ступление.

К тому же вернулся Ратников не совсем в то село, откуда
в армию уходил. Не совсем к тем людям, которые его
проводжали. Много изменилось за годы отсутствия. Тре-
вожные перемены, тяжелые времена. Неуверенность и оби-
да. Недоверие и зависть. Старые беды и новые напасти.
Непонятки кругом.

Колхоз почти развалился, остался небольшой частью в
виде акционерного общества. Сохранил Иван Макарыч,
бывший председатель колхоза, а ныне директор АО, одну

бригаду, обслуживавшую одну ферму да кузню, где каждый день раздувал горн и позвякивал молотком бывший колхозный кузнец Федор. А что он там настукивал — Бог весть.

Заработки упали, да и те все больше приобретали характер случайных. Хорошо еще Иван Макарыч догадался помещение одной из прежних ферм передать в аренду под пилораму. Тем и жили.

Однако не сдавались. Приспосабливались. Технику растащили по дворам, в лично-подсобное пользование: кто на своей земле работал, кто дачников обслуживал. И до сих пор тащат все, что под руку попадется, так или иначе сгодится. Понять народ можно: запасают на еще более лихие времена.

Это тревожило, вызывало у Андрея протест, до поры еще глухой, неосознанный.

В первый день своей милицейской службы, свежим утром Андрей Ратников шел по селу в новом обмундировании, при фуражке и кобуре, щедро бросая вокруг солнечных зайцев начищенными сапогами и яркими пуговицами.

Из палисадников ломились к нему кусты зацветающей сирени, подрагивая от холодного утреннего ветерка. В старых ветлах сустились скворцы, занятые своими важными делами. Из-под крыш домов и сараев, как камни, пущенные из рогатки умелой мальчишеской рукой, вылетали ласточки. Где-то далеко в поле ровно, деловито урчал трактор. Была хорошая пора конца весны, начала лета...

Навстречу Андрею, не видя его в упор, выскочил с почты и протрусил мимо озабоченный дядька Паршутин.

В каждой деревне, наверное, наряду со своим дурачком, и такая напасть имеется — в виде Паршутина. Суматошный сплетник, ярый пьяница, с вечным синяком под левым глазом. Он Андрею с раннего детства помнился. Любой разговор сельчан завершался ссылкой на вездесущую вредность невидного в целом Паршутина.

— На рыбалку, сосед?

— Да, вот, зорьку посижу на Макеевском.

— И не ходи зазря. Паршутин вчера всего караса вычерпал.

— От прохвост.

И так во всем. Паршутин все грибы собрал. Паршутин все магазинное вино выпил. Паршутин инструмент в кузне попер. В Аленкиной пойме всех диких уток перебил. Во всей округе всех девок перепортил — но последнее давненько было, уж и сам Паршутин про это забыл...

Зажав что-то в кулаке, поспешил Паршутин свернуть в проулок и растворился там, будто его и не было.

«К Алевтине, — догадался участковый, — с утра пораньше. Где он только деньги достал, ведь кругом должен?» — но останавливать его пока постеснялся: вдруг по какому делу бежит? А вот с продавщицей поговорить надо будет сегодня же. Несмотря на строгости, держит она дешевую водку в доме. Немного, но держит. Для постоянного клиента.

У Василия Кружка, бригадира косарей, громко хлопнула дверь, и на всю улицу застрекотала его жена, весьма голосистая на ругань баба. Спасаясь, выскочил Василий за калитку и зашпешил, застенчиво оборачиваясь.

— Вот тебе, а не четвертной! — кричала Нюрка и совала ему вслед острые, злые кукиши. — Вот тебе — покуда лужок не выкосишь. С завтрава колхозное начнешь косить — дозовешься тебя тогда, как же!

Шел Андрей не спеша, старался выглядеть посolidнее, постарше, поувереннее и, главное, не смешным. Язычки у синереченских остренькие на редкость, таких больше нигде искать не надо — все равно не найдешь.

Шел Андрей и здоровался, прикладывая руку к козырьку, сдержанно, но приветливо улыбаясь. Шел и радовался хорошему утру, своей новой жизни...

А навстречу ему тихо шла и тихо плакала одинокая старушка Зотова. Дочь ее единственная жила в городе, жила плохо — муж (бывший) все время бегал от алиментов, девочка росла слабенькая и часто болела. Зотова помогала дочери, как могла, со своей невеликой пенсии и с огородика, который возделывать как следует сил уже не было.

— Что ты, Елена Петровна, — тронул ее за плечо участковый. — Обидел кто?

— Сама себя и дочку с внучкой обидела, Андрюша, — она и говорила тихо и все так же тихо продолжала пла-

кать. — Собралась Анютке денежек послать, ведь ейный алиментщик обратно пропал, да где-то кошелек обронила — вся пенсия в нем была, нераспечатанная. Все семьсот рубликов. — Зотова промокнула концами платка щеки и пошла было дальше.

— Постой-ка, — остановил ее Андрей. — Пойдем ко мне, разберемся.

Но разобраться сразу не успел. Записал только — какая точно сумма была в кошельке и сам он какого вида, успокоил немного бабушку Зотову, — и тут с истошным воплем ворвалась к нему шустрая, как девчонка, семидесятилетняя старуха Чашкина с нелепым именем Афродита Евменовна. Почему и зачем ее так прозвали — это особый рассказ, да и не о том сейчас речь.

«Не иначе пожар или инопланетяне на ее огород сели, — решил Андрей. — Либо опять Венерка что-нибудь выкинула».

Венеркой односельчане с безошибочным коллективным юмором прозвали взбалмошную корову Евменовны. Она в хозяйку была, со странностями, мягко говоря. Частенько шлялась по лесам, жрала грибы, была, как гордилась Афродита Евменовна, большая охотница до вареной колбасы. Бабка Афродита уверяла также, что натура у Венерки нежная, чувствительная, что грубого слова она не переносит, а в жару у нее случается солнечный удар: тогда Венерка, пока не оправится, доится не молоком, а простоквашей. И потому при сильном солнце старуха Чашкина напоялила на буйную Венеркину голову старую соломенную шляпу с тряпичным цветком. Вид от этого у Венерки делался глупейший.

Не ошибся Ратников — пропала Венерка. В положенный час домой не пришла, оставила стариков без молока и, считай, без ужина. Потому что глухой дед Пидя (законный Евменовны супруг) одним молоком уж лет десять перебивался: и в щи его не жалел, и чай забеливал, и в чистом виде потреблял.

Сперва старики не обеспокоились. Немошные они стали, хотя и старались это скрыть, особенно Евменовна — бодрилась, суежилась, а потому как накосить Венерке к

вечеру охапку травы или еще чем к дому привадить, сил уже не было, то оправдывалась бабка тем, что перевела корову на прогрессивное когда-то беспривязное содержание. Вот и шлялась Венерка по полям да чужим огородам — в своем-то старики давно уже почти ничего не садили — и часто домой являлась, когда уже немоготу без дойки было.

Но вот Венерка и в ночь не пришла, и утром под окном не замычала. Тут и всполошилась Евменовна — куда бежать, где искать, кого о помощи просить? Хорошо, враз вспомнила, что свой милиционер теперь в селе, отсюда родом, на глазах Андрейка рос — не прогонит, подскажет старухе, что ей в трудный час делать, как поступить.

Храбрилась по привычке Евменовна, шутила через силу, что, видно, мол, ее старая Венерка в полюбовники лося взяла и на полный кураж с ним загуляла, а на сердце тяжесть легла: куда им без коровы? — ежели пропала она, вслед за ней им со стариком тоже пропадать. На новую уже ни сил, ни денег не собрать, да и к этой больно привыкли — другой и даром не надо.

Андрей ее слушал, вопросы задавал, в блокнотике пометки черкал, а сам внутри себя изо всех сил соображал — что делать: как и бабке помочь, и честь мундира в первый же день не уронить?

Только когда ушла Евменовна, он успокоился немного, собрался с мыслями, стал вспоминать, чему его в милицмейской школе учили. Да никак не вспоминалось подходящее к случаю — все науки преподали, такие тонкие штуки разъясняли — одними названиями голову сломишь, а вот как корову пропавшую найти, да еще с характером, — никто не учил.

«Эх, — как бы махнул рукой Андрей. — Розыск — так розыск. По всем правилам». И начал с опроса свидетелей.

Пошел по селу с блокнотиком. Ребятишек поспрашивал, мужиков, кто в лесу чаще других бывал, и, составив такую схемку — кто, где и в какое время Венерку видел, — разложил на столе карту своего участка.

Вот теперь намечался, как в теории, «стройный, последовательный розыск» заблудшей коровы. Как великий пол-

ководец, стоял Андрей над столом, постукивая карандашом по губам и напевая бодрый марш «Прощание славянки», намечая предполагаемые перемещения войск противника, наиболее вероятный маршрут и теперешнюю дислокацию шалой Венерки. Проложил на карте линию на основе обработанных данных, и получилась у него почти прямая — на север корова стремилась — напрямик да покорооче. Что ей там надо было, какое добро там оставила, — никогда и никому не узнать. А может, — кто скажет? — вспомнила Венерка щедрое и сочное разнотравье Аленкиной поймы, куда в спокойные колхозные годы гоняли синереченцы все свое дойное стадо.

Аленкина пойма примыкала к правой стороне горы Савельевки, левый склон которой плавно спускался в Степанов лужок. В Синеречье издавна бытовал обычай: каждая молодая невеста утром в день свадьбы купалась в обильных луговых росах. Синереченские бабы свято верили: если окунешься на заре в росные травы поймы, родишь девочку, а если поваляешься на лужке — мальчонку. Лет пятьдесят назад — об этом до сей поры помнят — одна бойкая строптивая бабенка, которой все бы делать поперек, пробежала нагишом по высоким холодным травам лужка, а потом трепанулась и на пойму. И что же? Родила двойню: мальчик чернявый, дочка — светленькая. «От разных отцов», — ехидно шутили мужики.

Пробираясь на мотоцикле, в коляску которого бросил подойник, то пыльной дорогой, то залитыми тропками, Андрей думал об обычае, который сложился уже на его памяти: парни, навсегда возвращавшиеся в родные края — с учебы, отслужив в армии, а то и «хлебнув города», — шли домой непременно через Савельевку и, скинув на ее верхушке одежду, вбегали, как в воду, в сверкающий травостой Степанова лужка, а уж потом, смыв с себя пыль дальних дорог, освеженные родными росами, входили в деревню начинать новую жизнь. Сам Андрей дважды омылся живительными соками Синеречья.

С сожалением оторвался он от земли. И хотя новая работа захватила его, хотя умом твердо понимал, что делает нужное, достойное мужчины дело, все же тосковал по

привычному, извечному труду земледельца. Тянуло его порой и косою позвенеть, и покидать, наметывая скирду, тяжелые навильники пряно-пахучего сена. Да куда уж теперь...

Расчет оказался верным. На краю Красного бора, где начинался густой подлесок, сбежавший к Аленкиной пойме, которая уже взялась сорным кустарником, вышел Андрей, как и предполагал, наперерез блудливой корове и в намеченной точке лазил по кустам, громко брэнча подойником.

Венерка сама сначала замычала, а потом и вышла на знакомый, долгожданный звук. Андрей погладил ее, почесал между рогами, подоил и стал думать, как дальше быть. К мотоциклу ведь не привяжешь, на буксир скотинку не возьмешь. Загнал он тогда свой транспорт где погуще, свечи на всякий случай вывернул и замаскировал ветками. После выбрал хворостину и погнал худосочную заблудшую Венерку короткой дорогой к селу.

Дело-то, в общем, было знакомое, привычное с детства, но сейчас, в новой фуражке и при пистолете, с подойником и хворостиной в руке, было Андрею неловко — ведь только начинал свою службу. Весть разлетелась быстро, и все село выстроилось по обочинам, разве что аплодисментов не было. Шел, смущенный вниманием Ратников, как сквозь строй.

— Эй, милиция! — закричал ему бывший друг, хулиган Сенька-Ковбой. — Ты теперь что, пастушком подрабатываешь?

Выскочил на дорогу злой, по-обычному пьяный, побабьи любопытный и трепливый Паршутин:

— За что же он ее, братцы? И какое же ей, родимой, теперь наказание выйдет? В район, что ли, повезешь, на отсидку? — выкрикнул он с нескрываемой ехидцей.

Кто из сельчан улыбался, кто смеялся в голос, а Андрей краснел.

Но вот когда выскочила со двора обрадованная Евменовна и Венерка, замычав ей навстречу, побежала, болтая выменем, лизнула руку, щеку и, вздохнув, положила голову

на плечо, роняя густую слюну на потерявшую цвет от дождей и солнца жалкую бабкину телогрейку, односельчане присмирели, призадумались, а кто-то откровенно вздохнул и молвил: «Соскучилась, бедная...»

Про кого так молвили — про Афродиту или Венерку — не в этом суть...

Вечером пошел Андрей на собрание, посвященное предстоящему сенокосу. Собственно, собраться-то должны были лишь косари, да не отвык еще народ от общего, скучал по нему, никак до конца заботами разделиться не мог.

По хорошей погоде, собрались не в клубном зале, где вот-вот потолок обвалится, а перед правлением, на зеленом футбольном поле, которое не успели еще истоптать ребята и изглодать козы.

Вышел председатель (директор теперь) — в кепке, свитере и кроссовках — и стал в воротах, прислонившись к штанге. Пробежал среди собравшихся смешок, мол, а мячик где? — началось собрание.

Обсудили, наметили, поругались малость для дела, а потом Иван Макарыч сказал:

— Вопрос, товарищи акционеры, мы рассмотрели важный. Работать предстоит ударно, как раньше бывало. И тем более обиден такой факт — единственная наша бригада косарей, в которую даже лентяй Паршутин просится, устроила нынче утром во главе с бригадиром незапланированную пьянку. Это дело мы так не оставим. И при выведении итоговых сумм учтем. А сейчас выступит наш новый участковый. Слушайте его внимательно.

Ратников поднялся с травы и тоже стал в ворота:

— Я, товарищи, первый день сегодня работаю и молодой еще. Так что, извините заранее, если неправильно что-нибудь скажу...

Пожилые мужики, что сидели поближе, довольно закивали, бабы одобрительно платочки подзатянули — понравилось такое начало. Уважительное.

— Вы меня хорошо знаете, — продолжал Андрей. — И я всех знаю с детских лет. А сегодня будто по-новому на вас посмотрел и удивился. Народ у нас в селе всегда добрый

был — и на слово, и на дело, заботливый к соседу. От вас же я слышал, как бедовали в войну, как делились коркой хлеба, и за столом своих и чужих детей не было, все были — одна семья. А вспомните, после войны — сколько семей под одного оставшегося мужика собиралось, как последнее друг другу отдавали...

— А сейчас хуже, что ли, стали? — обидчиво перебил кто-то.

— Не знаю. Отвечу примером. Вот я сегодня, когда Венерку искал, шестерых наших пацанов опросил. Все они ее видели в лесу, и ни один не догадался домой пригнать. А ведь хорошие ребята, если их попросить, той же Евменовне и дров наколют, и воды наносят. — Андрей помолчал. — Ну ладно ребята — нам их еще воспитывать. А вот ты, Тимофей Елкин, почему не задумался слабой старухе помочь? Шляться днями без работы можешь, а на простое доброе дело сил да времени нет?

— Побоялся, — пробурчал Тимофей. — Показалось, лось это. Вот и побоялся.

— Знаю я, как ты лосей боишься, — намекнул Андрей под понятливые смешки. — А ты, Степаныч, ведь ближайший сосед Чашкиным...

— Да что я, Андрей Сергеич, кружку молока, что ли, не налью им? Завсегда.

— Нальешь. А вот охапку травы разок-другой накосить старикам — руки отвалятся.

Не понравился бывшим колхозникам разговор, обидным показался. Тем более что прав был участковый.

А он еще добавил, к главному подбираясь:

— Странно вы ведете себя, односельчане. То соседу свое последнее отдавали, а то вам и лишнего жалко. Вот ты, Трофимыч... Что тебе с чужой тележки без колес, которую ты в огороде прячешь? Какая тебе с нее корысть, если у тебя «жигули» собственные во дворе?

— Так хозяйство ведь, пригодится, — растерялся Трофимыч.

А Нюрка во весь голос завопила:

— Вот она где, а я-то обыскалась, думала, ребята ее сволокли. Ну, гляди теперь, сам чего-нибудь недосчитаешься!

— А я в милицию заявлю, — пригрозил Трофимыч под общий смех.

Иван Макарыч грозно повел бровями, и все снова стихли.

— Сегодня, товарищи, у нас еще одна неприятность случилась. Потеряла гражданка Зотова свою пенсию, скорее всего, на почте. Это черная беда ей.

Стало еще тише, даже комаров перестали хлопать.

— Как она перебивается — вам хорошо известно. И, думаю, известно, что за черная душа подобрала тот кошелек. Но не об этом негодяе речь. А о вас, которые знают и молчат.

Не успел Ратников свет в комнате зажечь, планшетку на крючок повесить и окно отворить, как влетел через это окно и шлепнулся прямо на стол кошелек. Участковый даже на улицу не выглянул — и так знал, чья работа. Пошел он к Зотовой и вручил ей кошелек. Она опять заплакала одними глазами и сказала:

— Кошелек-то, сынок, мой, а деньги — нет. Тут больше получается, и другими бумажками.

Андрей разницу у нее забрал и снова к себе вернулся. А уж на крыльце его Паршутин ждал, держась за щеку.

— Заявить пришел, — сказал он жалобно. — На грубое избиение и нанесение телесных повреждений и материального ущерба.

Паршутин отнял руку и показал заплывающий глаз и оторванные с рубашки пуговицы.

— Давай, жалуйся, — согласился участковый. — Только ведь и на тебя я протокол составляю. И уголовное дело заведу.

— Это за что же? — удивился и испугался Паршутин.

— За кошелек, — отрезал Андрей, входя в дом и приглашая туда Паршутину.

Неизвестно, о чем они говорили. Лишь вездесущая Нюрка ухватила самый конец их разговора на крыльце, когда участковый запирает свою резиденцию, а Паршутин топтался рядом и все порывался пожать ему руку, не решаясь уйти.

— Так что заявление ты напиши, — Андрей сунул в карман ключи. — Напиши. Я меры приму.

— Конечно, Андрей Сергеич, это не метод воспитания, что они ко мне применили. Но в данном случае он носил справедливый характер. Что заработал, то и получил. Будем считать, что состоялся присяжный суд и вынес мне законную резолюцию в верхнюю область лица. Три раза.

Они попрощались.

— Сдачу заberi, — сказал участковый. — Тут лишнее оказалось. Сам ребятам отдашь. Если возьмут.

— Уговорю. Я на них сердца не держу, Сергеич. Понял — иной раз нелишне и нос набок своротить, чтобы кривую душу поправить.

Вот так и закончился этот первый рабочий день участкового Ратникова.

СЛЕДСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Да, парень, строгость в нашем деле ой как нужна. Но и доброта не меньше. Строгость без доброты — вред один. Оступился человек, ты постарайся понять, почему такое случилось. И тебе на следующий раз польза, и ему самому, чтобы под ноги впредь глядел, и другим поучительно — чтоб неповадно было.

Василий Кондратьев с детства сильно мечтал о мотоцикле. И непременно с коляской. Сначала — чтобы хвастаться перед друзьями-школьниками, затем — чтобы склонить Клавдию к взаимности и совместному ведению хозяйства, потом — чтобы сбежать от Клавдии куда глаза глядят, лучше всего — на самый край света.

За долгие годы сумел Василий купить «горшок» на голову с прозрачным козырьком и пару черных перчаток с отворотами до локтей. Да еще собственноручно обшил сзади старые брюки коричневой кожей и оклеил горницу картинками из журналов, на которых яркими красками сверкали мотоциклы всех стран и народов. Вот и все. А своего мотоцикла не было. По лотерее выиграть никак не удавалось, а скопить — тем более. Жили они, правда, в прежнее время неплохо. Василий

парень был добрый, не ленивый, от работы не бегал. Но жена его Клавдия, женщина скандальная и бдительная, взяла манеру сама его зарплату получать, мол, как бы не пропил. И куда она ее девала, никто, кроме нее, не знал. Василий жены боялся и активно и открыто не протестовал, но уж если заводился случайный рублик с левого или сверхурочного заработка, пропивал его безжалостно с друзьями — быстро, не раздумывая. Пьяницей-то он не был, но, по его собственным словам, которые он где-то вычитал, и они ему очень нравились своей деликатностью, «был подвержен слабости, свойственной всякому человеку, а русскому в особенности». Выпив же, Василий начинал вслух мечтать о том, какой мотоцикл он скоро купит, как за ним будет ухаживать и куда на нем станет ездить.

Все его сверстники обзавелись техникой — и простой, и с колясками, и даже машинами. А Васька и велосипеда с моторчиком не имел. Над ним смеялись, его дразнили, приклеили ему дурацкую кличку — «Паровоз», после того, как дотошный и ехидный бухгалтер Коровушкин подсчитал Васькины доходы и объявил, что тот, если бы и правда хотел, да не пил, давно мог бы купить себе не то что мотоцикл с коляской, а целый паровоз с тендером.

Время шло. Годы настали трудные. С «горшка» облупилась краска, кожа на специальных штанах заскорузла и потрескалась, а перчатками Клавдия пользовалась, когда воевала у русской печки. Да и сам Василий заматерел, голова сединой взялась, походка затяжелела. Но мечта его все жила, не сдавалась.

Рано утром, едва участковый инспектор Андрей Ратников вышел на крыльцо, как стукнула калитка и подбежала к нему Клавдия, жена Василия. Растрепанная, платок сбился, телогрейка распахнута, в глазах — злые слезы. Клавдия была женщина вздорная, не очень умная, но упрямая. Говорить с ней было трудно.

— Андрюша! — закричала она, прижимая руки к груди. — Беда у нас, Ваську ночью украли!

— Ну уж, — недоверчиво усмехнулся участковый. — Кому он нужен?

— Да не мужа — кабанчика увели. Что же теперь делать-то? Как дальше быть? Я ведь на него хотела холодильник справить, погреб-то, знаешь ведь, обвалился. А Ваську разве допросишься? Ему одно дело: глаза налить да сидеть на завалинке, про мотоциклу мечтать. Ну я ему покажу! На одну ночь дом оставила — и вот тебе! Радость! А кабанчик-то какой славный был, — захныкала Клавдия, — ласковый, как котенок, и глазки такие смышленные. А за Васькой-то собачонкой бегал, только что не лаял. И прибавлял быстро — чем ни корми!

— Ну, пойдем, Клавдия, — сказал участковый, спускаясь с крыльца. — По дороге расскажешь.

Клавдия заторопилась рядом — забежала вперед, рассказывая, заглядывала Андрею в лицо, успевала здороваться и перекинуться словом со всеми, кто попадался навстречу, и без конца, как заведенная, поправляла платок.

— К мамаше я вчера ездила, у них и ночевала... Здравствуй, Петро, обокрали нас, слышал?.. Как уходить, я Ваську покормила и заперла...

— Кабанчика? — уточнил Андрей.

— Его. Значит, заперла его — мужик-то хоть и дурак, но как чуял: третьего дня замок навесил — ну и подалась к мамаше. А нынче во двор вхожу — тишина. Сердце сразу замерло... Доброго здоровья, Иван Макарыч, беда у нас — в сарай залезли... Вот, замерло сердце: он, Васька...

— Муж?

— Кабанчик. Он всегда визжит, радуется, как мои шаги слышит, а тут тишь. Я к сараю — дверь враспашку, замок валяется сломанный, а внутри — пусто. Я в дом, а Васька...

— Мужик?

— Паразит, — уточнила Клавдия деловито. — Спит, как младенец, с вечера нажрамшись. Растолкала, конечно, он лыка не вяжет. Где, говорю, кабанчик?

— А он?

Клавдия было замаялась, потом пересилила себя:

— Обругал меня, оттолкнул и обратно захрапел. Ну, ничего, он у меня попоет и попляшет... Здорово, Марья, заходи — кабанчика у нас ночью покрали.

К дому Василия подошли уже толпой. Андрей Клавдию пропустил в калитку, а перед остальными ее захлопнул, никого во двор не пустил.

Василий — небритый, лохматый, в нижней рубашке — сидел на крыльце, сжав опущенную голову руками, — то ли переживал, то ли похмельем мучился.

Участковый положил ему руку на плечо. Василий поднял голову, покачал ею, тяжело вздохнул:

— Вишь, как получилось, Андрей Сергеич...

Клавдия с ненавистью взглянула на него (у, дурноглазый!) и, сильно толкнув коленом, поднялась в избу, загремела там посудой.

Андрей подошел к сараю. Подобрал замок, осмотрел: дужка его была ровно перепилена на две почти одинаковые части, свежие спилы весело блестели на солнце. Андрей завернул замок в бумажку и втиснул его в планшетку.

— Ты отпечатки на замке проверь, — посоветовал знающим тоном Василий. — Должны они быть.

— Проверю, — сказал Андрей и заглянул в сарай, не заходя внутрь.

Слева, сразу за дверью было отгорожено место для поросенка, в загородке — дверца на кожаных петлях, с вертушкой, распахнутая настежь. На влажной, грязной земле — четкие следы: большие и маленькие. Андрей сел на корточки и присмотрелся к ним.

— Вы когда заходили сюда последний раз?

— Кланька — с вечера, Ваську кормить ходила. А я вовсе дня два уж не заглядывал.

— Точно? Припомни.

— Да знаю я. Как замок повесил, так и не заглядывал — чего я там не видел?

— А что это тебе взбрело замок вешать?

Василий поскреб лохматую голову, почесал под мышкой:

— Да вот мечтал сарайчик под гараж приспособить, для мотоциклета. Он, вишь, какой серьезной постройки, со старых времен еще. Думал, Ваську продадим и мотоциклетку поставим: не на дворе же машину держать!

— Что, накопил уже? — серьезно спросил участковый. — Молодец!

— Набрал, — солидно ответил Василий. — Немножко осталось.

— Сколько же?

— Трояка не хватает, — он засмеялся.

— А где деньги держишь?

— Грамотный небось, — на книжке.

— Покажи, пожалуйста, — попросил Андрей.

Васька опять засмеялся:

— Спрятал далеко — от Кланьки в секрете держу. Ты уж не выдавай.

— Это уж как получится, — в тон ему ответил Андрей. — Зайди-ка сюда, посмотри.

Он посторонился, пропуская Василия в сарай.

— Чего там глядеть? — спросил тот, нехотя входя в сарай. — Глядеть раньше надо было, теперь нечего.

— Вон там, что у вас в углу? — Андрей словно ненароком подтолкнул его к влажному месту рядом с большим следом резинового сапога.

Василий приложил руку ко лбу, будто смотрел против солнца.

— Чего? Корзина там, бидон и мешки. Под слемой — косы. Вот и все богатство. Все как было. Ничего больше не взяли.

— Да? Ну, ладно, теперь меня пусти.

Андрей снова присел и стал разглядывать землю.

— Чего ты? — вдруг обиженно забеспокоился Василий. — Чего ты там ползаешь?

— Да, ерунда, — отмахнулся Андрей. — Найдем твоего кабанчика. Сегодня вечером.

— Как же! Вы найдете! — усмехнулся Василий.

— Особенно если ты поможешь...

— И помогу — я их видел позавчера.

— Ну? Что ж ты молчишь?

— Боязно — вдруг ошибусь, чего зря на людей врать? Расскажу, что знаю, а ты уж решай.

Они вышли из сарая, сели на лавочку под ветелкой. Василий закурил.

— Дело так было. Вышел я ближе к ночи — только-только кино в телевизоре кончилось — по нужде. Тихо так,

темно. Гляжу, на той стороне, прямо у Корзинкиных под окнами, двое стоят, папиросками светят. Хотел было окликнуть, думал, знакомые, да поостерегся. Прислушался. Один говорит: вон в том сарайчике, под деревом. А другой — сарайчик, мол, запирается? А что нам замок, этот отвечает. Засмеялись и ушли.

— Что же ты меня не предупредил? Я бы их с поличным взял.

— Засомневался — мало об чем люди говорили. Я и сам тогда ничего такого не подумал.

— Ты их разглядел?

— А как же! Под самым окном стояли, а из окна — свет прямо на них. Один — высокий такой, худой...

— А другой, — перебил Андрей, — низенький, толстый?

— Точно! Ты их знаешь, что ли? Приметил уже?

— Приметил. У тебя ножовка по металлу есть?

— Откуда? Отродясь не держал. На кой она мне?

— Ну ладно, — Андрей встал, опечатал сарай. — Ты на работу не ходи сегодня, будешь мне помогать.

В магазине Андрей подозвал Алевтину — продавщицу, выложил на прилавок замок.

— У тебя есть такие?

Алевтина взглянула мельком:

— Только такие и есть.

— Не помнишь, кто их брал?

— Помню, как же. Их не больно-то берут. Силантьев брал, давно уже. Лешка Козырьков и Васька-Паровоз.

— Дай-ка и мне один. Сколько он стоит? Оботри только от смазки, ладно?

Выйдя на улицу, взглянул на часы — настало время приема населения — и пошел в свою «резиденцию».

На крыльце уже терпеливо топталась, ждала участкового Афродита Евменовна Чашкина. Это сейчас она — чистая Баба Яга обликом, безмятежно откликается на Фроньку, а в молодости была хороша на редкость. Давно как-то заезжий землемер, образованный, видно, человек, подглядел, как на-

кануне свадьбы, искупавшись в живых росах Аленкиной поймы, выходила молодая красавица из мокрых трав, словно из волны морской, облитая блестящими при луне каплями, и с восторгом назвал ее Афродитой, стал с той поры, несмотря на замужество, оказывать ей непристойное внимание.

Землемер ездил на велосипеде со звонком, носил коротенькие пузырчатые брючки гольф с застежками под коленками и занимался редким по тем местам спортом — боксом; прыгал в длинных трусах по двору, приседал и махал руками. Муж Евменовны, тихий простой паренек с древним именем Елпидифор (Пидя — по-уличному), долго терпел такое нахальство, лестное его молодой взбалмошной супруге, и наконец по-мужицки просто и добротнo, без разговоров и выяснений, отлупил землемера, несмотря на весь его бокс. Тот быстро собрался и уехал на своем велосипеде, но долго потом слал письма, адрес в которых указывал правильно, а милого сердцу адресата подписывал неизменно: несравненной Афродите Синереченской. О романе, конечно, знало все село, и сверстницы ехидно до сей поры звали Афродиту Евменовну «Фронькой-землемершей».

До глубокой старости оставалась она взбалмошной по характеру, фантазеркой. Вот и сейчас, дожидаясь, когда участковый отопрет дверь, таинственно и боязливо поглядывала по сторонам и все приговаривала: «Ой, важное дело до тебя, Сергеич. Ой и важное».

Едва Андрей открыл дверь, шмыгнула в нее, на цыпочках подобралась к столу, села, оглядываясь.

— Ну, — вздохнул Андрей. — Выкладывайте, гражданка Чашкина, свое важное дело.

— За что я тебя хвалю, Сергеич, — усевшись и скинув на плечи платок, с удовольствием начала бабка, — за уважительность. Нет в тебе того, чтобы крикнуть, сгрубить, а то и по столу кулаком собачить, чтоб карандаши прыгали... — и без дальнейших предисловий распахнула сумку. Выложила на стол нехитрый овощ и лихо стукнула мутной бутылкой, заткнутой обструганной капустной кочерыжкой, — и выпивка, и закуска в одном флаконе.

— Гонорар, Сергеич, — расплылась в беззубой улыбке. — За Венерку.

Андрей мрачно отставил бутылку и кивнул на зелень:

— Убери сейчас же!

— Милый, ты что же — без закуски ее жрешь, или брезгаешь подношением? — по-своему поняла его бабка.

— Убирай, убирай. А на бутылку, — скрывая улыбку, отчеканил он, — на бутылку сейчас акт составляю — как на предмет предложения взятки должностному лицу.

Бабке бы с ее прытью впору в цирке работать. Андрей и глазом не моргнул — стол уже был пуст, а Евменовна топталась у дверей и фальшиво пела:

— Дай, думаю, зайду навестить. Попроведаю, как он тут управляется, не след ли в чем помочь?.. Ну, прощайте, Андрей Сергеич, пошла я, корову надо подоить, да и старика обиходить. — И бабка умелась.

Андрей снял телефонную трубку, позвонил в горотдел, следователю Платонову. Тот на первых порах очень помогал Андрею советом опытного профессионала, а более всего — своим мнением, своей реакцией на ту или иную ситуацию. Потому как человек он был независимый в своих суждениях, принципиальный, честный и доброжелательный.

За последнее время они даже сдружились, насколько это было возможно при их оторванности друг от друга.

— Платоныч, — зашептал в трубку Ратников. — Край, как твой совет нужен.

— Право советовать надо заслужить, — шутливо отозвался Платонов. — Однако слушаю тебя, Андрюша.

И Ратников горячо поделился своими сомнениями, заключив:

— Честное слово, не знаю, что делать.

Платонов помолчал, а потом ответил:

— Вот и я не знаю. Этот вопрос только один человек правильно решить сможет.

— Кто же, Платоныч?

— Участковый оперуполномоченный Ратников. — И положил трубку.

Андрей вышел на улицу, присел на скамейку.

В селе было тихо. Изредка гремело ведро, падая в колодец, слышался где-то на дальнем конце стук топора.

Сильно пахло горьким дымом — во дворах сжигали прошлогодние листья.

Во дворе у председателя во всю мочь заорал запоздалый петух. Он был большой охотник до соседских кур, и потому, видно, утомленный дневными похождениями, бессовестно просыпал свою утреннюю смену. Когда он, спохватившись среди дня, горланил на все село, ему злобно, коротко, будто взлаивали молодые псы, отвечали в других дворах обманутые, оскорбленные соперники.

Андрей встал, поправил фуражку, пошел в кузницу.

Федор сидел в полутьме, у погасшего горна, на старой, брошенной наземь наковальне, неторопливо покуривал.

Пахло немного угольной гарью, железом.

— Что за нужда, Сергеич? — приветливо улыбнулся кузнец. — Иль коня твоего подковать?

Андрей попросил у него ножовку.

— Тебе какую?

Андрей показал перепиленную дужку замка.

— Эта — с большим полотном, по срезу видно. Васька-Паровоз тоже недавно такую же просил. Балбес — мотоциклу хочет иметь, а инструментом не запасся. Когда вернешь? Она одна у меня.

— Вечерком, ладно?

Ближе к вечеру, управившись с другими делами, договорившись с понятыми и побывав у Корзинкиных, участковый инспектор Андрей Ратников снова пошел к Василию, на место происшествия.

— Много непонятного в этом деле, Василий, — сказал Андрей, присаживаясь на лавочку. — Ну да разберемся. Вместе.

— Что уж тут непонятного? — недовольно спросил Василий. — Украли — и все. Найти сперва надо жуликов, а потом разбираться.

— Давай искать, — согласился участковый. — Пойдем-ка следы посмотрим в сарае. Видишь — тут только две ноги: большая и маленькая. Верно?

Василий сумрачно кивнул.

— Маленький след — это галоши твоей Клавдии, а большой — от твоих резиновых сапог. Верно? Чего молчишь? А чужих следов нет.

— И правда, — удивился Василий. — Вот ловкачи. И ты молодец, Сергеич, — разглядел. Удивительно!

— Удивительно не это, Вася. Удивительно вот что: здесь и здесь твои следы накладываются на Клавдины, видишь?

— Не шибко.

— ...А это значит, что ты запомнил, — выходит, был ты после Клавдии в сарае. Когда? И зачем?

— Разве я помню? Ты же знаешь, поддатый я частенько бываю. Может, спьяну и забрел...

Андрей вздохнул, ему стало скучно.

— Ладно, пусть так. А вот откуда здесь, на дворе, твоего кабанчика следы? Рядом с твоими, а? Гулять водили?

— Так выпускаем иногда, он забавный был, по двору любил побегать. Иной раз палку в зубы — и скачет вдоль забора. По штакетинам трещит, нравилось ему... А чего ты меня все расспрашиваешь? Вот пристал.

Андрей вышел из сарая, достал из планшетки новый замок, развернул газету, в которой была ножовка.

Василий настороженно, с сердитым интересом наблюдал за ним.

Андрей закрыл дверь, навесил замок и запер его.

— Ну-ка, Василий, проведем с тобой следственный эксперимент. Посмотрим, как дело было. Бери ножовку, пили дужку. Нет, нет, не здесь — посередке. А вас, граждане, — пригласил Андрей топтавшихся за калиткой понятых — братьев Ванюшку и Григория, — попрошу наблюдать за действиями потерпевшего Василия Кондратьева.

Василий сдвинул замок, приладили, попробовал пилить дужку — не получилось.

— Обратите внимание, граждане: при таком положении замка сделать пропил, идентичный проверяемому, практически невозможно, так как ход ножовки слишком мал, она упирается в доску дверной коробки.

Вспотевший Василий приспособился по-другому, присел на корточки и стал пилить. Дело пошло.

— До конца пилить, Сергеич?

— Достаточно. Прошу присмотреться, граждане: при единственной возможности перепилить дужку замка ножовка верхним краем оставляет заметный характерный след на двери в виде глубоких, ярко выраженных бороздок, чего не наблюдалось в первом случае. Так, Василий? И как же нам с тобой объяснить эти странные факты?

— Откуда мне знать? Я, что ли, этот замок распиливал?

— Объяснение простое: замок сначала был распилен, а затем навешен на дверь...

— Зачем? — вылупил Василий глаза.

— ...Навешен на дверь с целью создания впечатления взлома.

— Ну, ловкачи, — восхитился тот, хлопая себя по бедрам. — Умельцы! Но милицию не проведешь, верно, Сергеич?

— Верно, Василий, — согласился участковый и присел на лавочку. — Садитесь, ребята, отдыхайте.

Сидели долго. Пока совсем не стемнело. Василий курил, ёрзал, цыкнул на жену, которая позвала его ужинать. Клавдия погрозила ему кулаком и хлопнула дверью.

— Для чего сидим? — наконец не выдержал он.

— Для чистоты эксперимента, — ответил Андрей. — Однако пора. Идите, ребята.

Андрей поднялся на крыльцо, поманил Василия. Другинники тем временем перешли улицу, стали под окнами Корзинкиных: Ванюшка — худой и длинный, Григорий, хоть и родной брат, — маленький и толстый.

— Так все было, Вася?

— В точности.

— Ну, тогда слушай, что они говорят.

Андрей свистнул — подал знак.

Понятые стояли в полосе света из окна избы, было хорошо видно, как они жестикулируют, разговаривая, были видны огоньки и дымки их папирос, но... не было слышно ни слова.

— Так что они говорят, Вася? — спросил Андрей. — Я что-то не разберу.

Василий молчал.

— Они говорят, что в тот вечер у Корзинкиных света не было: они на другом конце села гостили. Так что и не слышал ты ничего, и видеть не мог, верно, Вася?

Василий молчал, выдавливал каблуком ямку в земле.

— Так кому ты продал кабанчика?

Василий вздохнул.

— Степке Моховых, из Оглядкина. Он сына на неделе женит. Кланьке только не говори. Больно мне мотоциклу хотелось. Посадишь?

— Обязательно, — усмехнулся Андрей.

— Так за что? Свое ведь продал.

— За введение органов милиции в заблуждение. За дачу ложных показаний...

— Ого!

— «Ого» тебе Клавдия еще устроит. Деньги у тебя где?

Василий хлопнул по сапогу.

— Здесь. Надежно упрятал.

Андрей сошел с крыльца, отпустил понятых и завел мотоцикл.

— Садись, Вася, поедem кабанчика твоего выручать. Может, успеем еще.

Василий снова вздохнул и залез в коляску.

— Ну ладно, хоть на твоем мотоцикле покатаюсь...

Здесь можно было бы закончить этот немного грустный, немного смешной рассказ о непутевом Ваське-Паровозе. Но он имел неожиданное продолжение. Встала перед участковым трудная задача: как дальше быть, каким путем Василия наказывать? Кража ведь была, преступление совершено... Но кража-то у самого себя!

Не захотел ему хитрец Платонов подсказать решение. Да и правильно. Самому надо решать. Кто ж лучше его своих односельчан знает?

А тут, кстати, зашел к участковому бывший председатель Иван Макарыч. Стал прошлое время вспоминать — как дружно в колхозе жилось, как славno работалось...

— И пили, Сергеич, не в пример меньше. А если что — сейчас же товарищеский суд...

А вот это, пожалуй, неплохо. И Ратников рассказал Макарычу эту печально-смешную историю. Поддержал его бывший председатель. Даже пообещал место в дирекции для суда предоставить.

— Прочешут Ваську как следует, — говорил Иван Макарыч, — надолго запомнит!

А вот в суде-то все обернулось вдруг иной стороной.

Поначалу, однако, все шло как надо: выбрали «присяжных» — директора, бухгалтера и учителя; осуждали и стыдили Василия за нерадивость и лень, за пьянство, но когда вышла к столу Клавдия и стала честить при народе своего мужика, настроение в зале изменилось.

Клавдия, ради такого события, где она главной была, принарядилась — покрылась алым платком, надела желтую кофту и зеленую юбку — издалека, из зала, была она похожа на испорченный светофор, у которого все огни горят разом. А Васька пришел с работы в затрапезе, сидел, неловко повернувшись боком, чтобы односельчане не видели под глазом синяка, навешенного Василию запальчивой женой.

Общее мнение выразил бригадир полеводов по фамилии Кружок, испортив всю назидательность важного мероприятия:

— Это же надо, граждане, довести собственного мужика, опору и надежу семьи, до такой позорной крайности. Васька тоже хорош, не спорю. Гордости в нем мужской ни на чих не осталось. Обидно для всей нашей половины человечества, что он такую мужскую несостоятельность проявляет...

Народ засмеялся.

— ...Я не об этом говорю, этого я не касаюсь. Этого я не знаю. Я говорю об том, что на месте Василия за такое повседневное издевательство не только кабанчика — всю скотину со двора свел бы и пропил. Не Ваську надо судить, а главного в этом деле подстрекателя. Ты, Клавдия, самый близкий ему человек после отца и матери. Что же ты мужика родного понять не можешь? Ведь живете вы на одну твою зарплату, а все, что Васька добудет, ты на книжку положишь, и он даже не знает, где ты ее держишь и сколько на ей денег. Унижаешь мужика. Ты сколько ему на обед даешь? То-то. А ведь он курить бросил через то, что ему стыдно стрелять папироски у товарищей. — И завершил решительно: — Вот что, Васька, у меня в сарае старая «Ява» есть, не на ходу, врать не стану, но хорошая еще, если руки приложить. Забирай ее себе, ремонтирувай и уезжай на ней от своей змеи Клавдии на край света!

Опять засмеялись и захлопали. Клавдия заголосила, Васька встал и выпрямился, развернув плечи и задрал голову.

Суд с улыбками и шутками вынес частное определение в Клавдин адрес, а Ваське порицание, и, в общем, сработал как надо. Разобрался в причинах, постарался их устранить, выразил общее мнение коллектива.

Андрей видел, что Клавдия и Василий вышли из суда вместе. Клавдия цепко держала мужа под руку, семенила рядом, даже немного опережала его и заглядывала ему в лицо. Василий шагал торжественно и величаво, на жену поглядывал снисходительно.

Улыбнулся участковый и пошел домой. Не спеша, темной уже улицей, отдыхая.

Но тут позади гулко и дробно сапоги в тишине застучали — бежал кто-то следом, догонял.

Василий, оказалось.

— Сергеич, — задыхливо начал, — я маленько виноват против тебя, с кражей этой. Не держи зла, ладно?

Андрей молча кивнул.

— И это... — Василий полез в карман, вытащил замок. — Забери, это твой, следственный.

Андрей подержал в руке замок, зачем-то разглядывая. На дужке, зарубкой на память, виднелась неглубокая бороздка от ножовки. Вернул Василию замок.

— Возьми себе. Чтобы помнилось.

Теперь и Василий понятно кивнул.

— Я ведь не злой, Сергеич, я — глупый.

Было по-вечернему свежо. И тихо. Вернее, не тихо, а затихало перед ночью. Где-то обиженно скулила собака, зазвенела в чьем-то дворе на колодце цепь, гулко застучало по срубу пустое ведро. Застрекотали громче, чем днем, бессонные кузнечики. Сонно попискивали в гнездах угомнившиеся птицы...

Ночь наступала. Какой она у участкового будет — кто знает? На всякий случай завернул к «резиденции», глянул на крыльцо — не сидит ли уже в потемках неугомонная Афродита с каким-нибудь «важным делом»?..

...Мелочей в нашем деле, парень, не бывает. Иной раз за такой мелочью такая пакость прячется!..

Синереченские старушки очень полюбили молодому участковому жаловаться. Одна за другой к нему ходили. Он их выслушивал уважительно, терпеливо и, если не вздор несли, а такое тоже случалось, всегда находил время помочь и советом, и делом, а надо — и на защиту вставал. То приходилось непутевого сына усовестить или забулдыгузятя приструнить, то директору АО напомнить про обещание дровишками помочь, либо насчет трактора с кем-нибудь договориться — огород вспахать...

Михайловна пришла как-то вечером, в приемные часы. Потопталась у порога, послушно села к столу и принялась рассматривать плакаты с румяными милиционерами, висевшие за спиной участкового.

Ратников ее не торопил, терпеливо ждал — листал свой рабочий блокнот, намечал дела на завтра.

Старушка поправила платок, вздохнула поглубже и без дальнейшей подготовки бросилась в рев.

— Андрюша, помог бы ты... Замучил он меня совсем. Раньше-то я с ним еще кой-как ладила, а теперь — не приведи Господь — такой нахальный, такой бессовестный сделался... Одолеl вконец.

Ратников дал ей воды, сел рядом, придвинул блокнот, раскрыл ручку.

— Давай с тобой, Мария Михайловна, договоримся: рассказывать будешь не торопясь, толково и без слез.

Старушка закивала, черной, узловатой ладошкой торопливо, словно собрала в горстку, убрала ручейки со щек, промокнула их концами головного платка.

— Так к кому же будем меры принимать? Кто тебя одолел?

Михайловна воровато оглянулась, перекрестилась и брякнула:

— Домовой! Чтоб он споткнулся!

— Кто? — упавшим голосом переспросил участковый и отбросил ручку. — Домовой? Так ты бы к батюшке, к отцу Леониду, с этим сходила. Его задача — с нечистой силой **воевать**.

Андрей с детства привык, что синереченские бабки не такие, как в других краях. С ярой чудинкой, как говорится, со своими тараканами в голове. Ну а уж Михайловна — та и среди своих подружек из ряда выходила: Бога-то она не больно боялась и потому, видно, люто верила во всякую темную силу, знала великое множество дурных примет и даже новые придумывала. На все у нее своя примета была. На каждое дело и безделье. До того дошла, что как-то раз, когда надо было сына с поезда встречать, она так за калитку и не высунулась: и проснулась, видишь ли, не на том боку, что в среду просыпаться положено, и петух у нее не в ту сторону и не вовремя заорал, и солнце не с той руки взошло, чтобы можно было без опаски порог переступить. Да к тому же черный таракан, когда бабка со стола его погнала, на левую среднюю лапку оступился и грозно усами за то на нее повел. И надо же, чтобы так совпало: поезд почти на сутки задержался. После этого Михайловна всерьез в газету писать собралась о своих приметах, опытом поделиться.

Участковый прошелся по комнате, в затылке почесал.

— И чем же этот домовый тебя обидел? Курицу сглазил? Или яблоки оборвал?

— Ты не смейся над старой, ты послушай, — настаивала Михайловна. И рассказала...

Где-то с месяц-два назад пошла она утром корову доить, вошла в сарай и глаза вытаращила — корова уже подоена, а на березовом чурбачке рядом с подойником лежит корочка хлеба. Озадачилась бабка, долго голову ломала, да ничего путного, чтобы объяснить такое чудо, не придумала. Вечерком, у Евменовны на завалинке, с подружками совет устроила. Судили, рядили, шамкали, но ни к чему не пришли, чуть не передрались только: одна так толкует, другая — по-своему, и всякая за свое стоит. Тут как раз

проходил мимо хулиган Игоряшка Петелин, по-местному, — Пенек. Он и подсказал: это, бабка, с тобой домовый шалит. Он тебе обещается за харчи корову доить.

Напугалась Михайловна, да делать нечего. Так и повелось — неделю на чурбачок то пирожок клала, то котлетку или кусочек сала. А дальше — больше: обнаглел домовый — рядом с подойником удумал чарку пустую поставить. Наполнила ее бабка из старых еще запасов — на растирку берегла. Раз, другой, третий. А потом — глядь — четвертинка порожняя блестит. Михайловна аж заплакала — где взять-то? Опять консилиум собрала, в дому на этот раз, за чаем. Разомлели бабульки, подобрили. И тут Евменовна здравый смысл проявила и подсказала авторитетно:

— Раз, Михална, дело с коровой связано, ты к участковому иди. Поможет. Сергеич, он по коровам — специалист. Как он мою Венерку-то обнаружил? Аж на севере области задержал. Ему это дело знакомое.

— И то, — поддержала ее бабушка Зотова. — Я уж было тоже к нему собралась, Тимка мой загулял, три дня дома не было...

— Кот, что ли?

— Котьяра. Гулена навроде Паршутина в молодости. Однако вчера вернулся — худой да драный. У Корзинкиных, с ихней Муркой свадьбу правил.

— Смотри, Ленк, — хихикнула Евменовна, — кабы Корзинкин алименты с тебя не требовал.

Посмеялись дружно.

— Энтот может. Он надясь мне претензию вчинил, мол, что ж твои скворцы с мово огорода червей таскают!

— Во жлоб-то! А ты что ж?

— А... За грабли взялась! Токо его и видела.

— Нет, а что, бабоньки, — вернула разговор на нужную тропку Пантюхина, — а ежели ему заявление на мою Люську написать? Примет ай нет?

— Должон принять. Спасу нет от твоей Люськи. Она у тебя какой-то горной породы коза.

Это точно замечено. Самое большое счастье для Люськи — чужие крыши покорять.

— Давеча на баньку мою забралась. Я ей: «Кыш!» — не реагирует. Уставилась на меня, глаза выпучила, жует что-то и бородашкой трясет.

— На нее «кыш» не действует, она «брысь» хорошо знает.

— «Брысь»... Палку она хорошо понимает, по хребтине.

И не вздумай, соседка! — испугалась Пантюхина. — Тута Паршутин ей наподдал, так она его три дня караулила. И в зад ему лбом-то впарила. Ведь он всю улицу на четвереньках пролетел, до се хромает.

— Паршутина не жалко... А вот ты, Михална, сходи к Сергеичу. Он найдет средство.

Слышал бы участковый этот разговор...

Ну что ж... И на этот раз консилиум к консенсусу не пришел. А вот уж сегодня, когда на чурбачке гривенник оказался (намек такой, мол, деньгой, старуха, зарплату домовому гони), пошла в милицию.

— Ну, где же мне, Андрюша, скажи, со своих доходов еще и поить-то его, ненасытного, и жалованье выдавать? — Михайловна сильно крепилась, чтобы слезу снова не выпустить. — И ведь скотину, считай, испортил. Хоть и наш домовой, деревенский, а выдаивал Милку плохо, непривычный, видать, к этому делу, безобразник.

Ратников, слушая старую женщину, которая ради такого случая приделась во все лучшее, что у нее было (а было-то это лучшее — слезы одни), сперва потемнел лицом, а потом — в первый раз с той поры, как погоны надел, — грохнул, не сдержавшись, кулаком по столу. Так грохнул, что карандаши из стаканчика прыгнули и во все стороны раскатились. Михайловна на это даже не вздрогнула, поняла, что не в нее участковый гнев мечет. Карандаши собрала и в стаканчик аккуратно составила.

— Ты видала его, Михайловна? На кого он похож?

— Да разве домового можно видать? — изумилась бабка. — Его только слышать положено: под печкой, бывает, кряхтит или на чердаке шебуршит, а то в трубу завоет — вот и все его присутствие. А как же?

— Ну, в сарай-то ты утром ходишь? Неужели ни разу не застала?

— Так он ведь хитрый. Когда его очередь корову доить, он нечистым словом или другим каким наговором дверь в избу прижимает. Толкаюсь, толкаюсь, а дверь — никуда, ровно на замке. Потом, глядишь, шумок на дворе, калитка стукнет — тогда и выхожу.

— Значит, он что, не каждый день к тебе на дойку ходит?

— То-то, что не каждый. Аккурат через два дня на третий. Иначе бы уж совсем по миру Михайловна пошла.

— Ну ладно, Михайловна, иди домой. Поймаю я твоего нечистого дояра, не сомневайся.

— И к бабушке не ходить?

— Не ходи, сам управлюсь.

Михайловна направилась к двери — у порога на мгновение замялась: вспоминала, какой ногой его в четверг к вечеру переступить положено. Чтоб надежу не спугнуть.

Ратников вздохнул, растворил пошире окно, присел, задумался. Краем уха слышал чуть ли не все село, догадывался о том, что происходит почти в каждом дворе.

— Зорька, Зоренька! — это ласково и истошно зовет зачем-то свою коровенку тетка Куманькова, сильно вздорная женщина. — Куды прешь, зараза! — это она уже на мужа: значит, Куманьков-старший опять где-то хватил через меру.

Часто хлопали двери, стучали калитки, по селу слышались велосипедные звонки, смех и веселые разговоры, вспыхивали девичьи песни, чей-то телевизор на все село принялся очередной сериал рассказывать.

Андрей, посмотрев на часы, закрыл окно, запер ящики стола и сейф, махнул щеткой по сапогам, надел перед зеркалом фуражку и пошел домой все с той же тяжелой душой: что же за нечисть такая в селе завелась? И как ее вывести?

На чистую воду...

Следующим утром участковый у Михайловны по двору побродил, в сарай заглянул и особо на крыльце задержался. И не зря — разглядел на подгнившей доске заметный след от подпорки, которой предусмотрительный домовой, вид-

но, не шибко надеясь на свое наговорное слово, заклинивал дверь в избу.

Затем зашел Ратников к Ивану Макаровичу, на пилораму зачем-то заглянул, с кем-то побеседовал и после всех разговоров составил для себя список сельчан, которые на работу не всякий раз выходили, а через день или через два на третий.

Тех, что нерадивые были, он сразу отбросил — они свое расписание не соблюдали. Оставил несколько человек, кто работал по графику, — сторожей, дежурных на фермах, пилорамщиков.

Всего набралось человек десять таких. И среди них, конечно, Паршутин. Но этого участковый отбросил сразу. Паршутин, тот больше языком вредный: сплетню пустить, ославить кого, наврать незнамо зачем — тут он годится, тут он первый. А вот делом обидеть — побаивается. Про него, вообще-то, как разобрался участковый, хоть слава худая и ходила, но больше выдумки. Ну натура такая, скучный человек, неинтересный другим людям — и лицом не красен, и душой пуст. Да и руки кривые. А внимания хочется, вот он и привирает:

«Надо же — Манька Храброва, холостая-незамужняя, вчерась в погребке четырьмя разом опросталась да всех в колодце утопила».

— Иди ты! Кто сказал?

— Паршутин.

Про Маньку вранье скоро забудется, а то, что Паршутин эти враки пустил, долго будут помнить. Ему и лестно.

Теперь разобраться в заявлении Михайловны участковому вовсе несложно стало. Нужно только еще одно условие соблюсти — выбрать из оставшихся в списке того, который был бы на такое нехорошее дело способный, — подлого, иначе говоря, человека. Подумал Андрей, так и сяк прикинул и уже точно «вычислил» не только фамилию домового, но и когда его на очередную дойку ждать.

А пока надо было другими делами заниматься.

Дел-то инспектору доставало. И странно выходило — чем больше он работал, тем больше новых забот у него

появлялось. Все шире становился круг его деятельности, все чаще шли люди к нему за помощью. Иной раз он и сам удивлялся — с чем только к нему ни обращались, но никому не отказывал, даже мысли такой не допускал: ведь каждому, у кого беда, она самой горькой кажется, и уж если человек милицию просит, значит, не только сильная в том у него нужда, но и крепкая надежда на помощь.

Особого внимания участкового требовали те, кто уже раз-другой прошелся кривой дорожкой, отбыл заслуженное наказание. Внимательно за ними Ратников присматривал. Но не обидно, не с подозрением, а по-доброму — чтобы вовремя остановить, поддержать, поправить. Имелись среди них, конечно, и такие, что вот-вот опять загреметь могли, ходили по краешку, случая искали. Этих участковый не жалел и глаз с них не спускал, чтобы не успели большую беду сделать, обиду кому нанести.

Из таких в Оглядкине один жил — хулиган Игоряшка Петелин. Его Ратников знал, как себя помнил. Они и учились вместе — с первого класса до последнего. В школе Петелина не любили; за явную тупость к наукам и безобразную лень прозвали Пеньком. Даже собственный Игоряшкин родитель в сердцах называл его этой кличкой: «Дурень ты у меня неповоротливый. На тебе только баклуши бить!»

После учебы их дороги разошлись: Андрей пошел в армию, а потом в школу милиции, Игоряшка — сразу в тюрьму. Потому что тугим на ум и ленивым на дело был Петелин только в учебе и в работе. А вот где касалось вредности какой, злобной шутки, — тут он проявлял редкую, беспримерную сообразительность. И ведь баловал и шкодил не для смеха, не со скуки, не интереса ради, а зло, жестоко, чтобы больно или горько человеку сделать. За эту вредность, конечно, доставалось ему, но злорадство сильнее страха было, и, в конце концов, получил Петелин ровно столько, сколько заслужил. Но отсидев, как говорится, на путь исправления не стал. Шкодил, правда, уже помене и осторожнее, подворовывал порой, но пока не попадался. Работать пристроился на пилораму, сторожем — сутки — трое, за смешные деньги.

Не любили его в селе, кто побаивался, кто поколачивал. Даже собаки деревенские драли при каждом удобном случае. Потому и завел себе Игоряшка красивую ореховую палку, которую сам вырезал и источил довольно приятными для глаз узорами. Так и гулял с ней по селу, помахивал, как тросточкой, поглядывая по сторонам — какую бы пакость осторожненько сотворить, на чужую беду порадоваться и наказания за это избежать. И, надо сказать, удавалось это ему, многое пока с рук сходило.

Правда, Ратников, как должность участкового принял, с Петелиным особо не церемонился, но был уверен — долго с таким дурным характером тот на свободе не будет. Игоряшка же со своей стороны все старался показать, что в Андрее он власть не признаёт и никогда не признает, и часто приставал к нему на людях с одним и тем же глупым вопросом: «И чего ты, Андрюха, в милицию пошел? Или боишься, что на другую работу тебе ума не хватит?..»

Вот к этому Петелину Андрей, приехав в Оглядкино, к первому постучался. Поздоровался, руку к козырьку приложив, и сказал то, зачем, собственно, и зашел:

— Ты вчера в Березках чуть драку не устроил. Делаю тебе предупреждение, Петелин. При повторном нарушении приму другие меры, более строгие. Тебе это, сам знаешь, ни к чему.

Игоряшка — толстый, потный, в белой сетчатой рубашке, сквозь которую густо пробивались на груди черные волосы, — старательно, с шумом и свистом, пил чай, мотая нечесаной головой. Приходу Андрея он не обрадовался, но и не удивился. Привычно изобразил из себя человека, невинно подозреваемого:

— Гражданин участковый, дозвожь и мне слово сказать в оправдание. Меня ведь вчера первыми побить хотели. Особоливо — этот, Шпингалет, все рвался. Я сам, честно скажу, не надирался, я только морду свою сберечь желал от чужих кулаков — законное право.

— А мне свидетели не так докладывали, и я им больше верю, чем тебе.

— Да уж конечно, — с деланной обидой согласился Игоряшка. — Какая мне вера, раз пятно на мне? Теперь,

что случись, все одно мне отвечать, меня потянут. А я и так уж — тише воды,мышкой живу.

— Заплачь еще, — рассердился Андрей. — Я пожалею.

— Кабы сам не заплакал, — тихонько буркнул Петелин. — По старой дружбе, совет даю: найди ты себе должность получше. Чего ты в своей милиции не видал? Власть, конечно, для некоторых. Да зато круглый день вертишься и не каждую ночь спишь. А я, гляди-ка, два дня дома сплю, сутки — на работе досыпаю. Потому что — умный, не враг себе. А ты говоришь, — пенек.

В обеденное время Ратников снова Михайловну навеситил. Посидел, чаю выпил, о том о сем поговорил, а потом попросил:

— Ты мне, Михайловна, ненужную винную посудинку не одолжишь какую-нибудь? Приметную.

— Да зачем тебе?

— Да надо.

— Чекалик у меня есть, со старых времен берегу, выкинуть жалко — фигуристый, веселый.

— Вот и давай свой «фигуристый». А домовому завтра вина не ставь. Хватит...

От Михайловны Андрей пошел к Тимофею-Дружку, тоже своему подопечному, и, к сильному его удивлению, попросил в долг четвертинку, пояснив, что Алевтина магазин закрыла, в центр за товаром поехала.

— Разговелся, никак, Сергеич? — с натугой пошутил Тимофей. — Или простыл?

— Ему биноклю надо промыть, — съязвил на печи вредный от старости Тимофеев дед. — Чтоб пьяниц еще лучше разглядывать.

Ближе к вечеру Андрей проделал последнюю подготовку к предстоящей операции — предупредил своих самых активных помощников, братьев Ванюшку и Григория.

— А чего делать будем? — спросил лохматый Ванюшка.

— Домового ловить.

— Знаем мы этого домового...

— А знаете, — рассердился участковый, — так что же терпите, как он над старым человеком измывается?

— Да с ним только свяжись... Помнишь, как он бухгалтеру Коровушкину среди самой зимы все стекла в избе перебил?

— А вы бы его побольше боялись, да поласковее с ним — глядишь, и устыдился бы, заплакал...

Чуть светать стало, Андрей — в старом плаще, в теплой фуфайке под китем, в сапогах — у Михайловны на огороде залег. Подходил туда задами, с осторожностью, чтобы по росной траве следов не оставить и тем самым домового не спугнуть.

Тихо еще было в селе. Так тихо, как только в такой час и бывает. Иногда лишь петух разрежет тишину надвое, расколотит ее вдребезги, да так звонко и неожиданно, что тут и вздрогнешь, особенно, если рядом это случится.

Но вот в дальнем конце села собака зарычала и сразу на лай перешла. За ней — другая подхватила. Побрежали, — и опять стало тихо. «Правильно, — отметил про себя Андрей, — там в четырех дворах подряд собак не держат. А вот сейчас у Петрухиных должен Черныш заголосить. А за ним председателей Стожар подхватит, и Майка Корзинкина добавит».

Так и случилось. Да и дальше все шло, как Андрей предполагал: появился у калитки человек с палкой, огляделся, шмыгнул к крыльцу и уже без палки — в сарай.

Участковый еще немного подождал, прислушиваясь к звону подошвы, тихонько поднялся, сбросил влажный от росы плащ и подошел прямо к двери сарая. Она взвизгнула, открылась, и шагнул было прямо на Андрея домовый, но вздрогнул, остановился, как в землю вбитый, наткнувшись на милиционера в форме.

Если и растерялся Игоряшка Петелин, то лишь на секунду, да и то вида не подал.

— Ты кого здесь, Андрюха, в такую рань караулишь? Или с гулянки? — нагло спросил он. — Или бессонница одолела?

— Объявляю, гражданин Петелин, что задерживаю вас с поличным, — официально заявил участковый Ратников. — Покажите, что у вас в правом кармане верхней одежды и объясните свое присутствие в чужом помещении.

— Имеешь такое право — на обыск? — зло засмеялся Петелин. — Или на пушку берешь?

— Имею.

— Тогда скрывать не стану, — задумался Игоряшка, — в правом кармане верхней одежды располагаю на данный момент алкогольным напитком в качестве остатка после вчерашнего моего выходного. В данном сарае, как он отродясь не запирается, я осуществлял ночевку по причине опять же вчерашнего загула, не дошедши до дома. Дыхнуть для верности? В настоящее время направляюсь на вверенный трудовой пост и прошу в том не чинить мне препятствий. В противном случае не пришлось бы вам, гражданин участковый, оплачивать вынужденный, по вашей вине прогул, а также нести ответственность перед вышестоящими органами за незаконное задержание хотя и судимого, но заведомо честного человека, каковым являюсь на данный момент. Потому посторонитесь и позвольте пройти.

Андрей терпеливо все это выслушал, твердо взял его за локоть, вернул в сарай. Огляделся, привыкая к потемкам, увидел тоскливые глаза худой коровенки, почти пустой подойник на чурбачке и гнутую копейку рядом с ним.

— Предлагаю, гражданин Петелин, пройти со мной в опорный пункт для составления протокола.

— Да ладно тебе, Андрюха, — сбросил дурь Игоряшка. — Я пошутил, ты пошутил — и разошлись обое. Держи, — и он протянул Андрею нагретый в кармане телогрейки «фигуристый» штоф с затейливой пробкой. — Больше не буду.

— Не будешь, — согласился Андрей. — Долго не будешь. Может, год или даже два.

— Ты что — с коня упал? Совсем, что ли? Скоро уж и чихнуть без тебя нельзя будет! Преступника поймал, гляди-ка! Тебе что, до повышения в должности задержания не хватает? Пошел-ка ты...

— Гражданин Петелин, — спокойно, вроде даже дружески, посоветовал Андрей, — не осложняйте свое положение неповиновением представителю закона и оскорблением лица, находящего при исполнении служебного долга.

Петелин, наконец-то, начал что-то соображать.

— Ну, пойдём, коли так. Все равно, по закону, вины моей нет. За что берёшь, за что сажаешь?

— Задерживаю, — уточнил Андрей. — А посадить тебя суд будет. Он меру наказания определит.

— Нету таких статей! — заорал Петелин на всю деревню.

— Есть. Могут тебе дать срок за злостное хулиганство. Или за издевательство над старым, беспомощным человеком. Или за шантаж, за вымогательство, запугивание. Это не нам с тобой решать — суду.

Петелин остановился у калитки, уперся.

— Не был я в сарае. Корову не доил. Водку в руки не брал...

— ...Дверь клюкой, которая всему селу известна, не подпираю, — в тон ему добавил Андрей.

— Не подпираю. Нет свидетелей! И ты не свидетель!

— Свидетелей и без меня хватит. Да и на подойнике, и на бутылке — твои пальцы. В двери твоя клюка торчит, в сарае твои сапоги наследили. Вполне достаточно.

Из-за дома вышли заждавшиеся братья-пнятые. Андрей провел «изъятие и опознание вещественного доказательства», подпиравшего дверь в избу Михайловны, составил протокол.

— Черт тебя дернул, — сказал Петелин, — в милицию идти! Ну скажи, зачем? Зачем тебе это надо? Над людьми измываться?

Андрей покачал головой.

— Так ты, Петелин, даже сейчас этого не понял? Да, не зря тебя все-таки до сих Пеньком зовут. Пройдемте, задержанный.

КРАСНАЯ ПАПКА

...И вот еще что, парень, ты ко всем ровный должен быть. Нравится тебе человек — не нравится, хороший он или плохой, а в беде и тому, и другому одинаково тяжело. К тому же, злему поможешь беду пережить, так он, глядишь, на доброе повернет. Другим глазом на себя и людей смотреть станет...

Бухгалтер Коровушкин из колхозной бухгалтерии так автоматом в бухгалтерию АО «Синеречье» и пересел. Специалист он был сильный, человек — честный. А в нынешней экономике любая фирма без хорошего «буха» и дня не проживет.

Надо сказать, что синереченское АО на плаву держалось главным образом его грамотными и расчетливыми усилиями. Любой документ, любая бумага в его безупречном исполнении на акционеров работали. Все взвесит, все подсчитает, любые ловушки нащупает и обойдет. В общем, после директора Ивана Макарыча вторым человеком Коровушкин был. Если не первым.

Ну, как водится, помалу загордился. Стал нос перед людьми задирать. А задравши нос и споткнуться недолго. Да так, что из него, из носа, лепешка получится...

Коровушкин, по правде сказать, и прежде не сахарный был. Первое дело — совсем непьющий, а оттого, как сельчане полагали, злой, въедливый, недоверчивый. Больше всего в жизни он любил критику. Не в свой адрес, конечно. Критиковал везде, по всякому поводу: в прежнее время — с трибуны, на заседании правления колхоза; нынче — в конторе, на лавочке в своем палисаднике. Даже в гостях, если его приглашали, что, понятно, случалось крайне редко, не мог удержаться от вредных и обидных замечаний.

Суть его критических выступлений была однообразна и сводилась к тому, что человек не имеет права на ошибку и во всем, что с ним случается, виноват только сам. «Нечего жаловаться на судьбу и стихийные бедствия, — повторял Коровушкин. — На себя жалуйся».

Это была очень удобная позиция, годами выработанная на редкость черствым характером (мне вашей помощи не надо, но и от меня ее не ждите). Она надежно ограждала сухую душу бухгалтера от тревог и забот ближних, не позволяла нарушать ее покой чужой бедой, которую Коровушкин упрямо и привычно, в глаза и за глаза не бедой считал, а виной.

Все просто у него выходило: споткнулся человек — плохо под ноги смотрел; заболел — сам опять же виноват, лучше здоровье береги; если у кого-то что-то крали — не

хвались достатком, не искушай нечистого на руку соседа; если ветер разбивал окно не закрытым вовремя ставнем — нерадивый хозяин, худо за домом смотрит, и так далее. По всем житейским параметрам.

Лишне говорить, что Коровушкина, кроме его верной Жучки, никто не любил, хотя специалист в своем деле он был редкого класса, в высшей степени аккуратен и точен, равно с цифрами и живыми деньгами. Правда, жену Коровушкина, когда скончалась, хоронили всем селом, с большим сочувствием его горю. Понимали, что с таким характером Коровушкину трудно будет одному, трудно идти дальше своей одинокой дорогой. Коровушкин, надо сказать, воспринял это внимание и сочувствие как должное, но позиции своей не изменил. К беде соседа по-прежнему оставался на грани равнодушия и злорадства.

Андрей, можно сказать, еще не ложился, а его уже поднял многодетный Петрухин, про которого на селе шутили, что у него детей больше, чем зубов. Это, в самом деле, было так: зубов у него осталось всего два — один справа сверху, другой внизу слева, а детей было — шестеро девчонок. Мужики про него шутили: все парня ищет...

— Андрюша, выручай, — чуть не плакал Петрухин. — Младшенькая сильно заболела, надо в район везти, да не на чем. Выручай, Андрюша! Век не забуду твоего добра, — лихорадочно говорил он, пока Андрей быстро собирался и закрывал дом. — Уж такая она славная девочка получилась, такая славненькая — вся в меня, и зубов даже столько же... Помоги...

— Не стану я тебе помогать, — вроде бы отказался Андрей, чтобы Петрухина как-то успокоить. — Я жуликам не помощник, знаешь ведь.

— Да рази я вор, Сергеич? — стукнул Петрухин себя в грудь. — А ежели ты про ту несчастную копешку, что я с колхозного поля на свой лужок свез...

— Про нее, Петрухин, про нее, — они уже шагали к дому Коровушкина.

— Завтра! С утра! Обратно! Свезу! — гулко стучал себя Петрухин по груди.

— А пить бросишь? — спросил Андрей.

— И курить брошу — только подмогни. Молиться за тебя стану.

Разбудили Коровушкина. Директор-то в отъезде был, а в его отсутствие только бухгалтер мог машиной распорядиться.

Коровушкин распахнул окно, выставился наружу — сонный, недовольный, но в очках на носу.

— Не дам машину! — отрезал бухгалтер. — За дитем следить надо. А девчонка твоя босой по росе бегают. Сам виноват. Машину не дам — мне с утра в район документы везти, а обратно — еще и деньги. А вы до утра все равно не обернетесь. — И захлопнул окошко.

Плюнул Петрухин ему на стекло, к Андрею повернулся: одна надежда на него.

— Собирай дочку, — сказал Андрей, — а я пока мотоцикл заведу. Давай, по-быстрому.

Пока заехали за девочкой, пока мать собирала ее и давала наказания Петрухину, далеко за полночь перешло. В район приехали — уже до света недалеко было.

— Ты иди, — сказал Андрей, — а я тебя подожду.

Вернулся Петрухин не скоро, часа через два, — Андрей даже подремать сумел.

— Ну что? — спросил он, выбираясь из коляски.

— Порядок! Говорят, езжай, отец, домой смело, нет теперь опасности. Спасибо тебе, участковый.

— Ладно, — ответил Андрей, зевая. — Ты, главное, обещания свои не забудь, а то в другой раз не повезу.

Петрухин клятвенно бухнул себя в грудь.

Едва в село вернувшись, Ратников опять в город поехал. Проводился общегородской рейд по значным местам и криминогенным точкам с задействованием всего личного состава.

Пока работали, пока с задержанными разбирались, — сутки прочь. Опять Ратников домой лишь к утру вернулся. И едва голову приклонил, чтобы хоть пару часов после трудной бессонной ночи поспать, разбудил его неистовый

стук в окно и хриплый от волнения голос: «Андрюша, отвори!»

Ратников распахнул окно и отшатнулся. Под окном стоял Коровушкин. Всегда опрятный в одежде, собранный, он сейчас такой был непохожий на себя, что Андрей ощутил в животе холодок недоброго предчувствия: либо кассу ограбили, либо баланс на три деноминированных копейки не сошелся. Что, впрочем, для такого бухгалтера почти равнозначная беда и потеря.

Коровушкин был небрит, взлохмачен, в грязной белой рубашке, из кармана пиджака висел мятый галстук — веревка веревкой, брюки держались на одной пуговице. А в очках одного стекла не было. И разило от него так, что у Андрея закружилась голова.

— Спасай, Андрей Сергеевич! Погибаю!

— погоди погибать, — сказал Андрей. — Дай одеться.

Андрей оделся, поставил на плитку чайник — он понимал: человеку надо успокоиться, чтобы все толком рассказать, — и сел напротив Коровушкина.

— Ну, рассказывай теперь, Тихон Ильич. Что натворил?

Коровушкин вздохнул тяжело, со стоном, обхватил седую голову руками.

— Ох, и натворил, Андрюша, на старости лет. Всю жизнь при деньгах, при важных документах, — и никогда ни пятнышка на моей биографии не было. Нынешний год на пенсию собрался, и вот тебе — опозорил свое честное имя навсегда. Папку я вчера потерял в районе.

— Так, — Андрей привстал. — А что в ней? Деньги?

— И деньги были, в банке получил: девяносто тысяч сорок два рубля, тридцать шесть копеек — и прописью, как говорится, и цифрой. Но куда большая потеря — документы. Там и доверенности, и договора, и письма гарантийные... Деньги — ладно. У меня кой-чего на книжке есть, дом продам — покрою, а вот без документов всему нашему АО — конец. А мне — тюрьма на старости лет.

— Ладно, давай-ка расскажи все по порядку. И без утайки. Погулял ты, по всему видно, здорово. Не из любопыт-

ства спрашиваю: чтобы искать успешно, весь твой вчерашний путь, как ни горько и стыдно, заново надо пройти.

Вот что рассказал бухгалтер.

...Отправился он в райцентр человек человеком — черный костюм, белая рубашка с галстуком, шляпу положил на голову как подобает и платочек в кармашек; под мышкой — красная папочка с тесемками.

Уехал на машине, а вернулся нехорошо: поздно ночью, никто не видал как (и хорошо, что не видал), а сам он не помнил, даже, как до села добирался, — провал. Собственную калитку нашел с трудом и открыл ее не в ту сторону, куда положено, — так и повисла она на оставшейся петле. Верная Жучка, радостно бросившаяся было ему на грудь, вдруг сморщила морду, чихнула, заскулила и, отбежав к сараю, долго испуганно лаяла на хозяина, который упорно и шумно карабкался на крыльцо.

Уснул он прямо в сених, до горницы не добравшись, положив голову на старые валенки, круглый год валявшиеся под лавкой, и проснулся с чувством, что ничего более ужасного в его жизни еще не случилось.

Да так оно, собственно, и было. Жизнь свою он провел правильно, прямым курсом среди общего хаоса, а вот тут такой вдруг сбой допустил.

И ведь все шло хорошо: разобрался с бумагами, первым получил в банке деньги, что-то еще уладил, все сделал в полдня — быстро и аккуратно, и собрался домой: одну ногу уже в машину занес, а тут кто-то ему руку на плечо положил.

Оглянулся Коровушкин — стоит пожилой и полный человек с портфелем, через руку переброшен дорогой плащ — и улыбается, ждет, когда бухгалтер в ответ рассмеется и на шею ему бросится. Коровушкин так и поступил — ногу обратно выдернул и повис на толстяке:

— Ванюшка, родной! Откуда ты здесь?!

Словом, встретились старые друзья, у которых было общее детство и боевая юность, и годы разлук, у которых есть что вспомнить, у которых жизнь уже позади, и потому они особо друг в друге нуждались и рады были нечаянной встрече.

Коровушкин шофера с машиной отпустил — что ж машину зазря держать? — не по-хозяйски. Ну а сам-то с делами управился и с чистой совестью мог несколько часов другу посвятить.

Ну, куда деваться? Сели тут же, в скверике, на лавочку, да прохожие стали оглядываться: сидят трезвые старые мужики и то друг друга по плечам хлопают, то хохочут враз, не поймешь, над чем, то вдруг замолкнут и слезу пустят, рукавом по щекам заскребут...

Короче, оказались они на автовокзале, в ресторане. Справедливости ради, надо заметить, что от первой стопки Коровушкин было отказался, но Ванюшка, друг его, с таким изумлением, даже обидой посмотрел на него, что бухгалтер махнул рукой и хлопнул рюмку, а за ней и другую, хотя к вину был вовсе непривычен. За разговорами, ахами да охами, время пролетело быстро. Тут вспомнил Иван, что нынче видел в гостинице Настю Копейкину, старую любовь Коровушкина, с которой пути его еще в молодости почему-то разошлись и более не пересекались. Как было не навестить?

В гостинице Коровушкин, глядя на свою первую любовь, сразу засмутился, потерялся и, чтобы взбодриться и развязать язык, снова хлопнул — уже коньячку. Ему и без того было довольно, да Настя всполошилась, что во втором этаже Кузьма с Никитой живут (все они на какое-то совещание прибыли). Поднялись на второй этаж. А уж как спускались, и вплоть до сего утра Коровушкин уже ничего не помнил. И где красную папку оставил или потерял — тем более...

— Ну, поехали, — сказал участковый.

Но прежде завернул он в дирекцию, куда-то сходил, кого-то спросил, головой с сожалением покачал.

Рванули в райцентр. По всем точкам прошли, по всем пунктам проверку сделали, всех старых друзей Коровушкина навестили, причем в той же последовательности. Сперва в какой-то конторе Ванюшку, друга старого, нашли. Тот, хоть и расстроился ужасно, но красную папку не вспомнил.

— Ты, Тиша, — осторожно предположил Ванюшка, — где-то раньше ее оставил. Может, в банке? На столике. Расписался, деньги сложил, отвлекся. Знаешь, как бывает...

— У меня не бывает, — гордо возразил Коровушкин, но тут же опомнился и поправился: — Не бывало...

Заехали в банк — пусто. Поехали в ресторан. К счастью, тот официант, что друзей обслуживал, в наличии оказался. Друзей он узнал и вспомнил, а красную папку — нет.

— Вспомни, друг, постарайся, — сердечно просил его Ванюшка, считая себя виноватым. — Может, вот так вот он сел, а папку за спину поставил. А потом встал и пошел без оглядки. Спроси кого, уборщицу, что ли?

— Да я бы знал, — ответил официант. — У нас часто что-нибудь оставляют. Комната специальная есть, для забытых вещей. Я бы знал...

— Давай сходим, глянем, а? — старался Ванюшка. — Вдруг она там!

Заглянули в подсобку. Из забытых вещей там находились мужской зонтик (судя по его виду, забытый далеко не случайно), пластиковый пакет с яблоками и мятый портфель.

Андрей во все время разговора к официанту приглядывался — все-таки в папке, кроме бумаг, деньги немалые были. Но нет — парень был хороший, молодой, неиспорченный...

Поехали в гостиницу. Настя Копейкина, несмотря на годы, все еще ничего из себя бабенка, узнав о беде, расплакалась. В номере у себя все перерыла. Поднялись к Кузьме с Никитой. Те еще спали со вчерашнего. А разбуженные, тоже про красную папку не вспомнили.

Андрей справился на всякий случай в райотделе и сказал Коровушкину:

— Поехали домой. Не здесь мы ищем.

Коровушкин, уменьшаясь на глазах, по мере того как таяли его надежды, удивленно посмотрел на милиционера и решил, что тот его просто утешает. А участковый так рассуждал: бухгалтер — человек крайне добросовестный и строгий, и в каком бы виде он ни оказался, папку с казенными деньгами и документами из рук не выпустит

бы. И никто в тот день ее не видел. Значит, и не было этой папки.

Соображений своих Андрей высказывать не стал, чтобы человека зря не обнадеживать. Пусть уж на всякий случай свыкнется со своей бедой. А уж если найдется папка — что ж, от радости хуже не станет.

Подъехали прямо к дирекции АО «Синеречье», и — благо машина, на которой вчера бухгалтер в район ездил, на месте была, и из-под нее Пашкины ноги торчали — Андрей прямо к ней подошел, заднюю дверцу открыл, осмотрел и о чем-то Пашку, голову высунувшего, тихо спросил. Потом они с Коровушкиным снова на мотоцикл сели.

— Куда теперь? — тихо и безразлично поинтересовался бухгалтер. — За вещичками?

— Домой. Папку возьмешь — и к директору. Он, хоть и моложе тебя вдвое, а я думаю, не постесняется ногами на тебя потопать и кулаком по столу постучать.

— Калитку поправь, — сказал Андрей, проходя во двор.

Коровушкин, все еще ничего не понимая, махнул рукой, какая уж тут калитка... и остолбенел: Андрей подошел к окну и взял с подоконника красную папку.

— Посмотри для порядка, Тихон Ильич, все ли у тебя тут на месте?

Бухгалтер взял папку, прижал ее к груди и сел прямо в куст крыжовника.

— Ты ее в машине оставил, — пояснил Андрей. — Зря мы только в район гоняли.

— Боже мой, — заплакал Коровушкин. — Как же ты догадался!

— Сообразил, — улыбнулся Андрей. — Я, правда, еще здесь хотел в машине посмотреть, да ее на месте не было, — не верил, что такой человек, как ты, может потерять казенные деньги. Думаю, небось, когда сел в машину, положил ее на сиденье, а тут — Ванечка... Верно? У Павла сейчас спросил, а он говорит: я ее утречком на окошко ему положил, будить не захотел. Вот так, гуляка.

— Андрюша! — торжественно сказал Коровушкин. — Спасибо тебе, низкий поклон за все. А особо — за науку. А

за какую — сам знаешь. Душу ты мне повернул. Что тебе сделать? Как тебя отблагодарить?

— Бутылку поставь, — усмехнулся Андрей.

По пути в опорный пункт завернул участковый на усадьбу Петрухина. Стожок тот самый так и стоял на прежнем месте.

Усмехнулся Андрей. «А пить Петрухин бросит, — подумал, — заставляю...»

ГРАНАТА В ПАРТЕ

...Я, парень, про шпану сейчас тебе не скажу — то разговор особый. А вот нормальные пацаны совершают всякое по трем причинам: от скуки, от глупости, от любопытства. А бывает — и от геройства. Отсюда и строй свою профилактику правонарушений среди несовершеннолетних...

Частенько над этими словами задумывался молодой участковый.

Скука... Как-то показывал ему следователь Платонов свой анализ: «Кривая правонарушений среди подростков за год». Все хорошо видно — в школьные месяцы — их мало, летом — всплеск, но неравномерный: в период сенокоса и уборочных работ опять кривая падает — ребята заняты в поле. Незначительный и кратковременный рост в сентябре, пересменка, одним словом.

Глупость... Это так, несомненно. Сотворил что-то пацан, думая, что шалость и озорство, оказывается, — преступление.

Любопытство... Ну, о том особый рассказ, впереди.

За последние годы молодежи в селе заметно поубавилось. Отслужив в армии, отгуляв положенное, ребята стремились в город: кто на учебу (если позволял отцовский достаток), а кто на работу.

С какой-то стороны, по выходным и праздникам поспокойнее стало, меньше вспыхивало схваток в клубе на

танцах, когда традиционно сходились юные бойцы — верхний край на нижний, село на село, местные на дачников. Но вот со старшими школьниками проблем хватало. И главным образом — из-за безделья. В недавние прошлые годы — Андрей хорошо это помнил — была в клубе знатная библиотека с читальным залом, где по стенам висели бородатые, в основном, портреты русских классиков, а на подоконниках полыхали герани и модный по тем временам «Ванька мокрый». Работали в школе кружки для умелых и неумелых рук; самодеятельность процветала, усердно копошились юные ботаники на пришкольном огороде и в саду. Да и колхоз не оставлял ребят вниманием: то прополка, то уборочная, а главное — сенокос. Не работа, а праздник! Чуть ли не всей школой выезжали на далекие острова, где в хорошее лето знатный травостой наливался. Разбивали палатки, ладили шалаши. До сей поры Андрею грезятся вечерний дымок костра, веселые песни и «страшные» истории до полуночи... Кисловатый, почему-то щемящий душу запах срезанной травы, покорно и обреченно, ряд за рядом, лежащей под взмахом безжалостной косы... Дурманивший голову до кружения аромат свежего сена...

Здесь крепла дружба, занималась первая любовь, закладывалось уважение к общему доброму труду.

А по окончании сенокоса снаряжал председатель Иван Макарыч автобус в город. Возили ребят на экскурсии, в театр и в цирк, в музеи всякие...

Нынче совсем не то. Клуб развалился вместе с колхозом, где теперь и взрослым-то работы не хватает. Давно списанный автобус местный фермер приспособил под курятник, а ребята из окрестных сел добираются до школы кто пешим ходом, кто на лодках. А уж какие там школьные кружки, когда крыша в школе худа? Один телевизор остался, да он добру не научит.

Безделье, скука — вот для пацанов враг, которого они еще не понимают. От безделья голова тупеет, душа черствеет, кулаки чешутся...

Впервые появилась в рабочем блокноте участкового запись «Челюкан, Кролик, Куманьков — обратить внима-

ние», когда на них пожаловался директор школы Арсентий Ильич (по-уличному, — Сентя). Приглядевшись, Андрей убедился, что компания эта, хоть и шкодливая, но пока сравнительно безобидная. Шастали порой ребята по лесам вместо уроков, не обходили, конечно, стороной чужих садов и огородов, дерзили старшим, воевали с местным священником отцом Леонидом. Расположила к ним Андрея их настоящая, не мальчишеская дружба — такая, вообще-то, редко бывает в их возрасте, когда и симпатии, и неприязнь сменяются так же быстро, как и настроения. И тогда же с жалостью и тревогой понял участковый, на чем эта дружба держится: вся троица росла без отцов. Колька Челюкан своего вообще никогда не видел и не знал; отец Васьки Кролика был давно осужден за крупную кражу; ну а Мишкин «батянька» тоже как родитель в счет не шел, ограничивал роль воспитателя и наставника сугубо карательными акциями. И, значит, в своей дружбе, во взаимной заботе находили они то, чего не давала и не могла дать им семья. Ни один из них при случае не мог обещающе пригрозить сильному и несправедливому обидчику: «Я вот отцу скажу, он тебе покажет!», — а вместе они были сильны, никого не боялись и, если что, сами могли постоять друг за друга, тем более, ребята были не из робких и кулаков в карманах не прятали, кукиш за спиной не показывали.

Одно время тянулись они к хулигану Сеньке-Ковбою, подражали ему и в хорошем, и в дурном, не умея еще порой отличить одно от другого, многое успели перенять. Возраст их — Андрей это хорошо понимал: сам еще не так далеко ушел от него, чтобы забыть, — требовал старшего друга — сильного, бесстрашного, на которого надо походить, с которого хочется лепить свой характер, свою судьбу и которого все нет и нет...

Андрей твердо знал, что именно в этом возрасте выбирает себя человек, переходя незримый рубеж, тут решается, каким он будет, какой дорогой пойдет. Все, что было учено раньше, подвергалось сомнениям, проверке и осуждению, пересматривалось и нередко без сожаления отбрасывалось. Именно в эти годы окончательно решалось для себя: что

мужественнее и «круче» — безжалостно, не дрогнув сердцем, обидеть и унижить слабого или бесстрашно стать на его защиту. В этом возрасте выбирался герой, и нередко на всю жизнь.

Но главное, что уже было ими приобретено, что никак и никому нельзя было тронуть неосторожной рукой, задеть необдуманным или грубым словом, — это болезненно острое чувство личного достоинства. И у таких, обделенных, оно требовало уважения беспрекословного...

«С чего начать, — думал тогда Андрей, — как с ними быть, — ругать, пугать и принимать меры?»

Один случай вдруг поставил все на свои места, каждому отвел свою роль, хотя вначале Андрей и сомневался, правильно ли он поступает. Как-то в клубе (еще до того, как он пришел в аварийное состояние), Андрей увидел, что Колька Челюкан, сидя на краю сцены, грызет семечки и нахально сплевывает шелуху прямо в зал, под ноги танцующим. Андрей подошел к нему и вежливо, как взрослому, сделал замечание. Кольке это понравилось, рад был, что привлек внимание, и он великодушно сказал: «Ладно уж, не буду», посчитав инцидент исчерпанным.

— Конечно, не будешь, — согласился Андрей, — тем более что возьмешь сейчас у Нюры совок с веником и уберешь за собой.

Колька покраснел, набычился растерянно, уперся:

— Не стану подметать.

На них смотрели, к ним проталкивался, торопился Богатырев, добровольный помощник участкового. Колька попытался было улизнуть от позора — Андрей несильно взял его за руку, придержал.

— Нюра старая уже, она и так два раза в день здесь убирает, — тихо сказал он.

— Третий раз подметет! — осмелел Колька, поняв, что силой его все равно убирать не заставят.

— Третий раз твоя мать подметет, если тебе зазорно за собой же убрать. Богатырев, иди за его матерью — она как раз сейчас с вечерней дойки пришла, делать ей все равно нечего.

Удар был точен.

— Не зови мать, дядя Андрей, — заявил Колька, хватая веник и на глазах превращаясь из хулигана в испуганного, расстроенного пацана, который всеми силами готов исправить то, что натворил.

И что очень понравилось Андрею — Мишка и Кролик, мужественно приняв поражение товарища, не оставили Кольку в беде, бросились помогать, руками в горстку собирали шелуху, чтобы скорее избавить его от позора.

С этого случая, как ни странно, начали устанавливаться между ребятами и участковым добрые отношения. Андрей старался их укрепить ненавязчиво, тактично держался на расстоянии (но глаз с них не спускал), и хотя в друзья не напрашивался, за советом и помощью ребята уже пойти к нему не стеснялись, выделяли его своим доверием среди остальных взрослых. И вот совсем недавно он по-настоящему выручил их.

Случилось это светлым весенним утром.

Андрей разговаривал по телефону со своим прежним сослуживцем, тот тоже пошел после армии в милицию, трудился в городе.

— Да, Андрюха, — шутливо говорил он, прощаясь, — завидую тебе. У тебя на участке спокойно. Бизнесменов в подъездах не отстреливают, машины под окнами не взрывают, детишек не крадут...

Андрей положил трубку, все еще с улыбкой подошел к окну.

За окном весна начиналась — День Победы. С утра, как давно заведено было, синереченцы поднялись на Горку, где стоял памятник солдатам Великой Отечественной, венок возложили из первых цветов, помянули погибших односельчан, спели военные песни. Бывший председатель колхоза Иван Макарыч речь хорошую сказал, даже прослезились иные. А в школе сейчас местный партизан-ветеран Петрович ведет с молодежью патриотическую беседу.

Тихо в селе. Черемухой пахнет. Спокойно. В подъездах не стреляют. Детей не крадут. Взрывы не...

И тут грохнул взрыв!

Где-то возле школы.

Андрей как стоял у окна, так в него и выпрыгнул, помчался к школе. А там, вроде, дымок пыхнул и что-то в воздухе, разбросанное, еще мелькало.

До школы еще не добежал — навстречу разгневанный директор Арсентий Ильич семенит, за рукав тащит Кольку Челюкана. Сзади — Колькины друзья в полном сборе, канючат на ходу.

— Все целы? — подбежал Андрей.

— Люди целы, — запыхавшись, ответил директор. — А мне сарай развалили. Забирай террориста. — И подтолкнул в спину Кольку: — Сегодня же из школы исключу.

— Сначала педсовет, — поправил его опытный в таких делах Колька.

— Через пятнадцать минут соберу, — успокоил его Сентя, — за пять минут проведу и за минуту протокол заседания оформлю. — Покачал перед ним толстым пальцем: — Все сделаю, а школу от тебя спасу!

— Что произошло? — спросил Андрей.

— Гранату в школу бросил, — злорадно доложил Сентя.

— И не в школу, — сказала за его спиной Галка Серегина, — и не он... — осеклась, когда поймала брошенный Колькой взгляд.

Андрей прервал разговоры, пригласил всю компанию в свою резиденцию, рассадил по разным углам. Начал опрос.

Выяснилось следующее.

...Собрались школьники в актовом зале. Слушали ветерана Петровича. Тот пришел на встречу торжественный, в солдатской гимнастерке с орденами, каску свою, осколком пробитую, принес показать. Ну, каской ребят не удивить было. До сей поры они на полях да в лесах не только каски собирали, нечто и покруче бывало. Но слушали боевого деда внимательно.

Петрович рассказывал:

— ...А в отряде у нас ребятишек много было. Вот таких же, как вы. Только малость получше... Ленька вот, ровесник вам, и меня и весь отряд — было дело — спас. Сидели мы в секрете, на краю леса, в окопчике. Как немец подобрался — не знаю. Только шлеп прямо Леньке под ноги — граната. Я и моргнуть не успел, а Ленька — хватить ее — и обратно выбросил. Она среди немцев и рванула...

В этот момент и вскочил со своего места хулиган Колька. Сильно размахнувшись, что-то вышвырнул в открытое окно.

За стеной грохнуло, задребезжали стекла: граната влетела в дровяной сарай и там взорвалась. Дров, по весеннему времени, в сарае уже не было. А было там нижнее бельешко, которое развесил в сарае после стирки директор школы. Чтобы не хвалиться своим исподним на всю деревню.

Взрывом выбило в сарае дверь и другое окно, выбросило на волю директорские постирушки и развесило их на школьных яблонях.

— Он подверг опасности всю школу, — справедливо кипел директор, тыча пальцем в Кольку. — Он меня дискредитировал! Он лишил меня нательного белья!

— Собрали уже ребята бельешко-то, — вставил Миха Куманьков. — На окошко вам сложили.

— На окошко! — возмутился еще больше Сентя. — На помойке ему место! Осколками все посечено.

— Заштопаем, — пообещала Галка. — Заплаточки, где надо, положим. На уроке трудового воспитания.

— Нет! — взревел директор, выскакивая за дверь и появляясь в окне. — Нет, Андрей Сергеич, вы примите меры со своей стороны! А я — со своей — приму. — Исчез, снова появился и стукнул кулаком о подоконник: — Через пятнадцать минут — педсовет!

Андрей обвел взглядом ребят, они опустили головы. Но не Колька.

— Выйдите-ка все, — сказал участковый. — А ты останься.

Андрей достал из стола бланки протокола, заполнил «шапку».

— Ну, Колян, рассказывай. Хвались.

Колька подсел к столу.

— Только строго между нами, Андрей Сергеич, — нахально поставил условие.

Андрей с улыбкой приложил ладонь к губам и к сердцу.

— Это один пацан из второго класса гранату притащил. Кто — не скажу.

— Я и не сомневаюсь, — опять усмехнулся участковый.

— Граната немецкая. Я такие знаю. А он — нет. Достал, вертел-вертел, хвалился — и ручку повернул.

Андрею стало страшно. Малый пацан в куче такой же мелюзги поставил гранату на боевой взвод.

— Ну, я гранату у него вырвал — и в окошко ее. Разве знал, что она в Сентин сарай влетит?

Вот это печаль!

Проблема была и раньше. Шастали пацаны по местам бывлых сражений, делали опасные находки: проржавевшие гранаты, источенные землей и временем штыки, снаряды. А уж битые каски, дырявые немецкие банки от противогазов, патроны без счета, ленты пулеметные — это в каждом дворе найдешь. Иной запасливый мужик наверняка где-нибудь в погребе и автомат прячет.

Опасно это, со всех сторон. Бывали случаи трагические. Трактора в поле подрывались. Сеяльщик один погиб, когда пытался мину, меж сошников застрявшую, выковырять.

А Поле Славы, через которое поднимается на Горку, к памятнику, узкая дорожка? Все знают — с нее ни шагу в сторону. Когда-то тут проходил передний край, и заброшенное поле до сей поры осталось буквально напичканным смертоносным железом далекой войны...

Кто и где мог гранату разыскать, Андрей догадывался — бедовый второклассник Вовчик, непоседа и фантазер. Наверняка по захоронкам своего непутевого папаши пошарил. Вовчик-старший одно время в «черные следопыты» подался. И довольно успешно.

В свое время его хорошенько потрясли, оружие, набранное на полях бывлых сражений, он «добровольно» сдал и дал подписку делом таким больше не заниматься.

Колька мысли участкового враз просчитал.

— Дядя Андрей, откуда граната взялась, я сказать не могу. Это нечестно. Но слово даю: там больше нет.

«Ну-ну, поверить можно, но и проверить стоит», — Андрей черкнул еще одну строчку в рабочий блокнот.

— Ладно, Морев, шагай до дому. А я — на педсовет.

Педсовет уже закончился. Когда надо, Сентя резвый был. Сразу протянул Андрею протокол заседания. С лаконичным решением об исключении ученика девятого класса

Николая Морева из школы за злостное хулиганство. И ходатайство в правоохранительные органы о привлечении злостного хулигана к ответственности.

Андрей вежливо прочитал бумаги, оглядел состав педсовета, нетерпеливо рвущийся к дверям на домашнее празднование Дня Победы, и неторопливо, очень мелко, порвал протокол.

— Еще один хулиган, — выдохнула химичка Мария Петровна. — Милицейский.

Андрей улыбнулся:

— Я хочу от лица правоохранительных органов поблагодарить педсостав школы за отличное воспитание учащихся.

— Иронизирует, — шепнула химичка.

— Ваш злостный хулиган, — продолжил Андрей, ссылая обрывки протокола в корзину для бумаг, — совершил героический поступок. О чем я уже доложил своему руководству для принятия соответствующего решения. — И рассказав педагогам, как было дело, покинул учительскую.

СТРАХОВКА ОТ ПОЖАРА

...Когда ведешь дознание, парень, сразу выявляй мотив правонарушения. Тут много неожиданного может оказаться — тогда и поправку успеешь сделать, чтобы большую ошибку не допустить...

Эти слова, незаметные в разговоре, скоро забылись. А пришла пора — и вспомнились...

Участковый в отлучке находился, когда эта беда случилась. Да с человеком, которому и прежних бед с избытком хватало.

Набатом забухал, протяжно загудел над селом большой колокол. Сорвались с церковного купола напуганные галки, заполошно закружились черным горластым облаком, усиливая тревогу. Метнулись от двора ко двору взволнованные крики:

— Бежи скорей, Витя!

— Багор хватай!

— Без тебя знаю!

— Кто горит-то?

— Шурик!

— Непутевый!.. На Чашкиных бы не перекинулось.

Сбежались дружно; кто с ведром, кто с топором или лопатой. А кто и с валерьянкой — погорельца отпаивать. Никто с пустыми руками, зрителем, не примчался и лишнего не прихватил — это те самые таблички, над которыми порой хихикали, помогли. А все Иван Макарыч, бывший председатель, упрямый по старой памяти до дисциплины и порядка. Возродил давно забытый обычай: на каждый дом велел по фасаду знаковую табличку прибить с рисунком. У кого нарисован топор — тот на пожар с топором беги, у кого ведро — воду тащи. Чтобы бороться с бедой полным набором инструмента. Да чтобы не сбежалось все село с одними пустыми ведрами.

Раздал Макарыч эти таблички по дворам, а участковый при случае проверял: прибита ли та табличка, да на видном ли месте? Вроде пустяк, а вот случилось, — и не было паники, неразберихи, все нужное под рукой.

Правда, ничего этого не понадобилось. Изба Шурика вспыхнула разом, занялась со всех четырех углов. Гулко полыхнула, будто взорвалась, загудела бесцветным в солнечном свете пламенем и вскоре рухнула, ярким салютом вскинув в небо снопы искр и алых угольев...

Когда Ратников вернулся в село, на удушливом пожарище никого уже не было. От избы осталась закопченная печная труба да покореженная жаром старая железная кровать. На ней, остывающей, сидел, пригорюнившись, погорелец Шурик.

— Вот, Сергеич, — бессильно развел он руки и снова уронил их на колени, — вот какой я теперь... разочарованный. Вот какая постигла меня печаль.

Непутевый он мужик был. До пенсии дожил, а на селе его все Шуриком зовут, в насмешку, без уважения. Шурик и Шурик. И по фамилии-то не помнили, а уж отчества и вовсе не знали. Да и то сказать — за что ни возьмется, любое дело, как пацан малый, испортит.

Несуразный, словом, мужик. И все разбогатеть мечтал. Да чтобы разом, в одночасье. Без труда и хлопот. Пошучьему велению.

Однажды домечтался: решил коммерцией заняться. Отвела ему как-то Алевтина уголок в магазине. Продал Шурик всю картошку с огорода, пенсию добавил и на все деньги закупил большую партию какого-то заграничного шампуня. Название по-иностранным такое, что и повторить никто не мог. А флаконы — красивые. На них возле блестящей иномарки нарисована зарубежная красотка с пышным полуголым бюстом и с буйной гривой на голове буланой масти.

Начал Шурик торговать. Поначалу дело бойко пошло. Но недолго музыка играла. Через день-два нагрянули со всей округи его покупатели — бабенки, в основном. И предъявили Шурику претензии по всем частям тела и чем под руку попало. Да еще и остатние флаконы переколотили и деньги назад требовали.

Оказывается, вместо шампуня впарили Шурику бойкие оптовики моечное автомобильное средство, да еще и годами просроченное. От этого зелья у иных женщин волосы враз позеленели, у иных дыбом встали, а у иных и вовсе пучками повылазили...

Однако эта неудача ни ума, ни горького опыта Шурику не прибавила. И потому, когда Алевтина от магазина отказалась, бедолага Шурик отважно взял на себя торговлю в Синеречье. И здорово взял. Круто завез товар, денек поторговал — разбогатеть разом не получается, задумался. Придумал. Закрылся на учет, «зафрахтовал» грузовик и весь товар на трассу вывез. Там, он полагал, в один день его с наценкой сбросить, выручку сдать, а разницу... ну, понятно.

И тут Шурику опять не повезло. Прямо с трассы его (и куса мыла продать не успел) увезли в СИЗО, а оттуда быстренько в суд.

Но обошлось. Судили только за умысел, до конца недоведенный, учли возраст и тяжелое материальное положение. Назначили условное наказание.

И вот едва оправился Шурик от этой беды, только-только начал новые планы строить, чтобы поскорее «бога-

честву» порадоваться, как еще чернее беда нагрянула. Лишился Шурик враз и крыши над головой, и всего своего имущества.

Правда, не бывает худа без добра: избу он, будто кто подсказал в добрую минуту, недавно застраховал. На вполне приличную сумму. И сейчас, наверное, сидя на бывшей кровати, уже не сильно печалился. Утешался тем, что получит страховку и откроет в селе на эти деньги свою торговую точку, завезет нужного товара и станет, наконец, богачом. Самым новым русским в Синеречье...

Андрей присел рядом с Шуриком, положил на колено планшетку.

— Ну, расскажи, Александр Ильич, как дело было, как несчастье произошло?

— Сам не знаю, Сергеич, — сокрушенно вздохнул Шурик. — И гроза, вроде, стороной шла, а молния шарахнула. Достала... Стихия такая, чем ей помешаешь? Ты Кольке моему позвони, а? Сообщи. Мол, попал в беду его родный батя. Выручай, мол, сынок. Гол как сокол старик остался. Ни крыши над головой, ни подушки под затылком. Всего лишился.

— Куда ж ты теперь? — посочувствовал Андрей.

— И знать не знаю. До холодов в сараюшке перебыюсь. А после, на зиму, может, Колька приютит — ведь не чужой я ему.

Колька Фонарев давно от отца отделался. Неладно они жили. Еще когда жива была Колькина мать, терпели друг друга. А как овдовел Шурик, Колька решительно от отца отмежевался:

— Как хочешь, батя, а жить с тобой я не стану. Замайл ты меня своими промашками. Живи, как знаешь, своим хозяйством. А я уж своим перебыюсь.

Ну, перебиваться-то Кольке не с руки. Перебрался в город, обосновался, свое дело завел. По слухам, хорошо зажил, уверенно. Женился на бухгалтерше с образованием, двоих пацанов, погодков, смастерил. В городе — дом, за городом — дача; две машины — одна для себя, другая для бухгалтерши. В большие люди выходит. Опять же по слухам, намерен в областную думу выбираться.

И все это время с отцом не знался. Так, иногда денюжат подбросит, телевизор вот свой старый отжалел. И никаких других отношений, вроде и неродные.

Правда, телевизором Колька отцу угодил. Шурик-то, как овдовел и как Колька от него отделился, вовсе на селе одиноким стал, понурился. Сторонились его соседи: словно боялись от него какую-то тайную и вредную болезнь подхватить. Неудачливость, говорят, заразна да прилипчива, а по нынешним временам, и своих неудач да забот хватает. Ни совета, ни помощи у него не брали. Насоветует так, что и не расхлебашь потом. Поможет — не поправишь. Так что Шурик, в основном, с телевизором общался: он ему и собеседник, он ему и собутыльник. И пуще всего — советчик. С утра до утра Шурик его гонял, по всем каналам. Особенно сериалы про новых русских полюбил — отсюда, видать, и окрепла, распустилась и расцвела его мечта — разбогатеть.

Ну а как же? В кино-то все просто. Без труда и хлопот, по шучьему веленью. Выбирай себе пример — и действуй... А как разбогатеешь — все тебя зауважают. Даже сын Колька.

— Сарайчик-то у тебя, Ильич, больно неприглядный. А вот банька хороша, — посоветовал Андрей. — В ней и зимовать можно.

— Не... — отмахнулся Шурик. — Хороша она для своего дела. А для житья непригожа. Сыро в ей. Для моего радикулита — чистая гибель.

Вот, оказывается, и радикулит у него, ко всему прочему. К остальным бедам. А на вид — мужик еще вполне крепкий. Недаром он по прошлому году невесту себе по селу выбирал, из пожилых, конечно. Да кто же решится за такого непутевого пойти — людям на смех, себе на слезы?

Андрей уложил листки с дознанием в планшетку, защелкнул кнопки. Встал, обошел пожарище, еще курившееся влажным дымом. Пожарникам-то делать ничего не пришлось — так, угольки сбрызнули и убрались.

— Ну, ничего, однако, — встал и Шурик. — Завтра страховой агент приедет, оценит мои потери. Авось, на старость отстегнут страховку по полной программе. —

Взялся за спинку кровати: — Подмогни, Сергеич, в сараюху ее отнесть.

Сараюха-развалюха, жалкая постройка, щелястая, с дырявой толевой крышей. Здесь, правда, нашелся тюфячок, тумбочка, вроде солдатской, и столик на шатких, разного роста ножках.

Андрей помог Шурику пристроить в углу кровать; тот бросил на нее матрасик и повалился, задрав ноги на спинку.

— Жалко мне самого себя, — сказал Шурик. — Вот почему так, Сергеич? Если счастье — то оно одно, а если беда, так она за собой другую тянет. А за ней и третья. Вот и стал Шурик бездомным на старости лет.

— Получишь деньги — отстроишься.

— Где мне. Я лучше на эти деньги бизнесом займусь. Тогда и отстроюсь. По полной программе.

«Неисправимый», — подумал Андрей, и что-то неловкое шевельнулось в душе.

Проходя мимо баньки, глянул на нее с удовольствием. Из хорошего леса рублена, ладная. Окошко изнутри занавешено, на двери — тяжелый замок. К чему?

Участковый пошел к себе, в свою контору. По дороге нагнала его суматошная старуха Полинка, стала на соседа жалиться — его петух своих кур не топчет, а все норовит в чужой двор, а то и в курятник забраться.

— А еще председатель! — кипела Полинка. — Со своим петухом совладать не может, а руководить взялся!

— Сильная гроза-то была? — почему-то вдруг спросил ее Андрей.

— Гроза? — удивилась Полинка. — Где? Не слыхала. За лесом, над Оглядкином, погромело чуть — и все.

— А молния?

— Какъ молния? Не видала. Да и некогда мне молнии разглядывать. — Полинка вечно куда-то спешила и никуда не успевала. За одно дело возьмется — тут же его и бросит: другое дело поспевает. — Так ты, Сергеич, уважь: скажи председателю про петуха-то. Пригрози — мол, зарубит его Полинка, на щи. Или пушай алименты плотит.

— Сама и пригрози, — улыбнулся Андрей.

— Да некогда мне. Косить сегодня собралась.

— Ага, — кивнул Андрей. — Самое время.

Оно и правда — день уже к вечеру. Добрые люди на покой ладятся, а она на покос собралась. Полинка и есть...

Андрей подогнал ежедневные бумажные дела, разыскал телефон Николая, Шурикова сына. Они с детства знакомы были, одну школу в одно время кончали.

— Коля? — спросил Андрей, услышав в трубке важное и значительное: «Слушаю. Фонарев». — Ратников потревожил.

— Здорово, Андрюха! На посту? Бдишь? Как дела-то?

— Нормально. — Андрей помедлил. — У бати твоего беда — дом сгорел.

— Удивил, — фыркнул в трубку Николай. — А сам-то он как?

— Жив-здоров. Ты бы прибрал его к себе. Без жилья мужик остался.

— Еще чего! — взорвался Николай. — Чтоб он и меня спалил? Я от его фокусов, Андрей, во так вот натерпелся. С самого детства.

— Батя все-таки...

— Батя... Я, по дурости этого бати ни одного дня с ним нормально не прожил. За что ни возьмется, все не вдоль, а поперек сделает. Хватит! У него банька есть, перекантуется. — Николай помолчал. — Все сгорело-то? Или чего спасти удалось?

— Подчистую. Кастрюльки мятой не осталось. Одна кровать.

— Ладно, — вздохнул Николай. — Деньжат я ему на обзаведение кину. И все! Кончен разговор на эту тему. Ты когда в городе будешь?

— Днями собирался.

— Загляни. Поболтаем, сколько не видались-то. Ну и деньги Шурику передашь, лады?

— Загляну, — вздохнул Андрей и попрощался.

Наутро он снова к Шурику пошел. Тот обустривался. Как раз вкатил с улицы тачку, — а в ней железная печурка.

— Во, Сергеич, — похвалился Шурик. — Степка мне отжалел. Будет на чем блины гнать и самогон жарить. Извини, Сергеич, — наоборот. — Тут же, в тачке, полмешка муки, какая-то кухонная утварь и бутылка масла. — А картошки у меня своей будет полно. Огород-то, он не горючий! — и засмеялся Шурик. Причем, весело, не горько.

— Страховщики-то были? — спросил Андрей.

— Жду. — Шурик покатил тачку к сараю.

— Постой, Александр Ильич, — сказал ему в спину участковый. — Ты все-таки расскажи мне еще раз — как все было-то? Откуда молния взялась?

Шурик опустил ручки тележки, вздохнул.

— Только не ври мне больше, — попросил Андрей. — И агентам не брещи. Они ребята крутые — вовсе без страховки останешься.

— Курить у тебя есть? — спросил Шурик. — Пойдем в сарайку, что на солнце-то париться?

Шурик присел на кровать, уже застеленную приличным одеялком, подвинул Андрею стул, которого вчера тут еще не было. Шкафчик для посуды появился, отметил про себя Андрей, обживаете Шурик. Соседской добротой и жалостью. Хоть и сторонятся его, а в беде, конечно, не оставят, хотя и помочь им самим-то особо нечем.

— Токо вот что, Сергеич, — предупредил Шурик, — я тебе одному правду скажу. Без протокола. А страховщикам правду сказать нельзя. У них в договоре такой пункт есть — «по собственной неосторожности». По этому неосторожному пункту я с них ни рубля не получу. — Шурик бросил короткий взгляд — как участковый реагирует? Польстил от души: — А ты, Сергеич, у нас человек уважаемый и доверительный. Согласный на такой уговор?

Андрей то ли кивнул, то ли головой мотнул. И ничего не сказал в ответ. Но Шурику и этого хватило.

Он закурил, призадумался. А о чем он задумался, Андрей уже догадывался.

— Про молнею я, конечное дело, придумал. Чтоб вовсе в дураках не остаться, — начал Шурик, — да вот, Сергеич, день у меня вчера выдался такой... незавидный. С утра не заладилось, все кувырком шло. Кувырком и закончилось. — Тут спохватился: — Да, а Кольке-то звонил?

— Звонил. Обещал он деньгами тебе помочь.

Шурик как бы потух разом. Загасил в баночке окурок.

— Деньгами... Это смотря какие деньги... Да ладно, я теперь и сам не нищий буду. Узнает Колька — по-другому заговорит... Так вот, слушай, с утра у меня не заладилось. Полез в кладовку — на старые грабли наступил. Сунулся в сарай, надо бы обратно выходить, а вертушка с той стороны дверь притворила. Пошел, значит, по воду — у самой калитки меня за... штаны Федькин гусак прихватил... Ладно, стерпел. Думаю про себя: если с утра пасмурно, к вечеру распогодится. Как же! Подхожу к колодцу — глядь — возле него пустые ведра стоят, а коло них никого нет...

Да, в деревне, если у колодца долго пустые ведра стоят, нехорошее сразу думается.

— Подождал, поглядел по сторонам. Евменовна вдоль улицы скребется. Я ей: «Чьи ведра-то?» Она: «Давно стоят, почитай, второй день.» Батюшки, думаю! А в колодец заглянуть боязно. Тут, в аккурат, Корзинкин. «Это, говорит, Полинкины ведра, приметные». Они и впрямь приметные. — мятые, как из-под трактора. Она их все шварк да шварк, пока из колодца вытянет, все о сруб избыет — некогда все ей.

Слушал Андрей, прикидывал.

— Ну... Народ стал собираться. Бабы пошептались, мужики покурили. Степка плюнул да за багром пошел.

А уж вокруг колодца чуть ли не вся деревня собралась. Степан шарил багром, огрызаясь на сыпавшиеся со всех сторон советы («Глубже забирай! Под сруб заводи!»).

— Поalinka! — вдруг ахнул кто-то. И все вздрогнули, посунулись поближе, вглядываясь в жуткую прохладную глубь. — Да вон она, в калитке своей!

Все разом обернулись.

Из калитки выбежала растрепанная Поalinka, помчалась к колодцу, запыхавшись спросила, подхватив пустые ведра:

— Чего собрались? Некогда мне! — И умчалась к себе.

Позже выяснилось: пошла за водой, у колодца вспомнила — блин остался на сковороде, обратно помчалась, бросив ведра. А там куры в огород забрались...

— Ну, ладно... — продолжил Шурик. — Посмеялись, разошлись. Набрал я воды, вернулся до дома. В сених темно. А день-то уж, помнишь, не заладился. Одно ведро впотьмах мимо лавки поставил — по колени облился. Пока выключатель шарил — и другое опрокинул. — Шурик перевел дыхание. — Стою, Сергеич, мокрый аж до пояса, самого себя жалко. Ну, сел, значит, обувку снять. Один сапог хорошо слез, а другой уперся. Я его по-всякому: и тянул, и дергал, и материл — никак не хочет. Озлился я, рванул со всей мочи. Он, неладный, с ноги сорвался, через все сени перелетел да сбил с печи керосиновую лампу...

Мне-то и ни к чему. Плюнул с досады, дверью хлопнул и прямо босый на огород пошел, за закуской. Думаю, так и дерну сейчас с горя. А сзади треск — обернулся — полыхает изба. От лампы, видать, и загорелось, не иначе... Такая вот постигла меня печаль.

— Это еще не вся печаль, — вздохнул теперь и участковый. Укоризненно. — Сапоги-то там, в сених, и остались?

— Там и остались...

— Вот эти? — Андрей кивнул ему на ноги.

Шурик с удивлением, будто в первый раз, оглядел свои латанные резиновые сапоги. На мгновение смутился, но нашелся.

— Не, то другая пара. В запасе держал, в баньке.

— Кстати, дай-ка мне в баньку твою глянуть. Говорят, больно ладная она у тебя.

— Так это... — заметался Шурик глазами по сторонам. — Заперта ведь она. А ключи-то в доме держал. Где ж их теперь найдешь. Такая вот печаль... — повторил.

— Это еще не вся твоя печаль, — повторил и участковый. — Сдается мне, страховку, Ильич, ты не получишь. Да еще и отвечать придется. По закону. За поджог. И за то, что пытался ввести органы дознания в заблуждение. Вот так... Шурик.

— Как это, — вскинулся тот. — Я ж лично пострадал, и меня же лично... того?

Андрей поднялся, вышел из сарая. Шурик — за ним.

— Вот что, Ильич, ты свои байки агенту страховому не вздумай рассказать: еще и за мошенничество привлекут.

— Какое мошенство? Что ты, Сергеич! Вот все так и было, как тебе сказывал.

— Плохо сказывал, Ильич. Даже соврать толком не умеешь. Не твое это дело — за «богачеством» бегать. Тебе надо проще жить. Ну не годишься ты в аферисты.

— Скажешь тоже, — обиделся Шурик. — Все годятся, а я нет?

— Так уж и все... Отпирай баню, Ильич. Думаешь, не знаю, что у тебя там?

Шурик ковырнул землю носком сапога. Мрачно спросил:

— Как догадался-то? Чтой-то я напутал, да?

— Напутал... Смешно твою брехню слушать. — Ратников прочитал Шурику вслух его показания.

— Все верно записано?

— Как штык! Вот все так и было. А что? Чтой-то не совпадает?

Участковый вздохнул:

— Не совпадает, Шурик. В сенях, ты утверждаешь, темно было?

— Как у негра в... пуртфеле!

— А выключатель? А лампа?

— Которая?

— Керосиновая.

Промолчал Шурик.

— Далее. Лампа, ты показал, на печи стояла?

— На печи, Сергеич, на печи.

— Разувался ты в сенях?

— В сенях, Сергеич, в сенях.

— А печь у тебя в горнице...

Опять промолчал Шурик.

— Отпирай баню, — настоял участковый.

— А зачем? — простодушно спросил Шурик. — И так все знаешь.

— Должен убедиться. Протокол составить.

— Уж и протокол... А без него нельзя? По знакомству? По землячеству?

— Я тебе, Ильич, соучастником не стану, — нахмурился Андрей. — Пошли.

Когда Шурик снял замки и распахнул двери, Андрей оставил последние сомнения: и предбанник, и моечная были сплошь заставлены мебелью. И телевизор тут же, и всякая домашняя утварь.

— Заранее обдуманное намерение, да? — проворчал за его спиной Шурик.

Андрей промолчал.

— Посодют?

— Надо бы... — жалко ему стало этого несуразного старика. На какой риск пошел! Аферист непутевый! Насмотрелся, научился...

Андрей притворил дверь, навесил и запер замок.

— Конфискация? — упавшим голосом спросил Шурик. — Пожизненная?

Ратников не ответил.

— Я ведь, Сергеич, как замыслил? Совсем-то без имущества не хотел остаться. Колька бы меня приютил, а я ему не в обузу — и мебели у отца есть, и всякий домашний обиход в наличии...

Андрей взглянул на него. Что же, выходит не в «богачестве» умысел? Совсем в ином. Не корыстный получается мотив правонарушения?

— Вот что, Ильич, — раздумчиво проговорил Ратников, — постараюсь тебе помочь.

— Постарайся, Сергеич!

Андрей глянул по сторонам, нагнулся к Шурику и что-то прошептал ему. Тот в ответ всплеснул руками:

— А и ладно! Где наша не пропадала! — тут он задумался и добавил: — А ведь пропадала, и не раз... Сделаю, Сергеич! — взглянул хитро и осторожно посмеялся: — А ведь ты всежки соучастником получаешься, а? Андрюша? Подельники мы теперь будем.

Нет, Ратников так не считал. Совесть его была чиста: и по долгу и по сердцу. И потому в конце рабочего дня, заглянув в отделение, поехал к Николаю Фонареву, в его контору, которая называлась, конечно, офис.

Колька, естественно, не настолько еще оперился, чтобы под свою фирму каменный особняк выстроить, но снимал

приличное помещение в здании бывшего райсовета, под трехцветным знаменем.

Дверь в контору — солидная, табличка, на ней — золотым по черному: «Генеральный директор г-н Н.А. Фонарев». И внутри — красивая мебель, красивые шторы на окнах, красивая секретарша. Во всем — уверенность, основательность, правота.

Оно и понятно: «держал» г-н Колька Фонарев две заправки, станцию техобслуживания и ремонта, магазин запчастей. Считался по области серьезным предпринимателем. Не из самых, конечно, крутых, но и далеко не из последних.

Андрею он обрадовался — давно не виделись, да и детство свое всегда приятно вспомнить. А заодно и перед другом детства своими успехами похвалиться.

— Когда в полковники-то выйдешь? — Колька встретил Андрея снисходительной шуткой.

— А вот как ты губернатором станешь, — отшутился и Андрей.

— Тогда уж я тебя генералом назначу. — Фонарев выключил компьютер, сделал секретарю распоряжения. — Слышь, Андрюха, — предложил. — Мотанем на дачу, а? Посидим, поболтаем. Я сейчас там один. Посмотришь, как устроился. Поехали?

...Дачный домик Фонарев отгрохал в лучших новых традициях. Богатый дом, из всякого пластика, но безвкусный. Холодный и неуютный — декорация какая-то, в богатом спектакле, на временной сцене. Зато оборудована усадьба полным комплектом необходимых городских удобств: сторожка (с приличной пятистенкой), сауна, водопровод с канализацией. И все за высоким забором, за тяжелыми железными воротами с трех гаражных замках.

Колька долго отпирали их, потом так же долго запирали.

— Охрану что ж не завел? — спросил Андрей, усмехнувшись.

— Капитал пока не позволяет. Да и не доверяю я им. Был у меня один в офисе — при первом же наезде сдал.

— В милицию пошел бы.

Колька рассмеялся:

— А он как раз из милиции, переманил я его. Слушай, Андрюха, я б тебя взял, а? Ты не сомневайся, бизнес у меня не черный, все путем. Квартирку тебе сниму, невесту найду. И платить не в пример стану. Годится?

— Не годится, Колян. — И добавил, чтоб тот не обиделся: — У меня там дел много.

Фыркнул Колян.

— На пенсию так участковым и выйдешь?

— Как получится. — Не стал Андрей этот глупый спор поддерживать — не за тем приехал.

Колька провел его по участку, по дому, вывел на терраску второго этажа.

— Ну как, лейтенант? Есть впечатление?

— Ты, Колян, так гордишься, — не сдержался Андрей, — не иначе своими руками построил?

Колька не обиделся, звонко хлопнул себя в лоб. Будто комара пришиб.

— Не руками, Андрюха, — головой!

Спустились в сад, сели за стол в беседке, на воздухе. Темнело, свежело перед близившейся ночью. На свет лампы зашпешили бабочки и крылатые жучки, бились настойчиво в стекло.

Поговорили о прошлом — повспоминали. Колька ревниво расспрашивал о своих бывших односельчанах, особенно о ровесниках: как и чем живут, чего добились? А у Андрея решение окрепло: окончательно понял он — чем Кольку взять.

— Скучаешь по малой родине? — усмехнулся участковый.

— Еще чего! — усмехнулся и Колька. — Хватит с меня. Отвык уже от той жизни. Насовсем. Мне теплый сортиршибко нравится.

Андрей не стал больше раздумывать:

— Забрал бы ты все-таки отца, Николай. Он ведь в своей старости один остался. Никому не нужен.

— Ты опять! — взорвался Фонарев. — У меня из-за его фокусов ни дня ни ночи спокойных не было. По его дурости сколько раз без куска хлеба сидели.

Ратников помолчал. Фонарев тоже замкнулся.

— Ну ладно... Не хочешь, Коля, по уму и по сердцу, я тебя с другого бока достану.

— Ты, Андрюха, — построжел Фонарев, — шибко много на себя не бери.

— Зачем много? Я — по службе.

— Это как?

— А это так, что посажу твоего батю.

— Сажай! Тебе же спокойнее будет. Пока он милицию не спалил или наводнение на всю округу не устроил. — Тут до него что-то дошло. — А за что, Андрюха? Чем грозишься?

Андрей притворно вздохнул.

— В том-то и дело, Коляша. Потому и не решаюсь. Не хочется на такую крайность идти. Уж очень невыгодная тень на тебя падет.

— А я-то причем?

— Ну... как сказать. Человек ты известный, на виду, в кругах серьезных числишься. Говорят, депутатом стать намечаешь...

— При чем здесь это? — встревожился Николай.

— Ну сам подумай: узнают твои деловые партнеры и неделовые конкуренты, что отец твой, кстати, уже судимый, за мошенничество сел — каково тебе станет?

— Какое мошенничество? — Колька вскочил, зашагал вдоль столика. — Ты что мне плетешь, Андрюха?

— Батя твой сам свою хату спалил, — тихо сказал Андрей.

— Что? — и сообразил тут же: — Страховку оформил, да?

Андрей молча кивнул.

— Идиот! Бизнесмен! Халявщик! А ты, значит, шантажист! Не бывать тебе генералом!

— Да я и не стремлюсь. И не стал бы, Коля, на тебя давить...

— И не дави!

— Дело-то тут не в страховке. Вернее, не в ней одной. Это я понял, разобрался. Батя твой избу сжег, чтобы сын о нем вспомнил. Вот в чем главное дело-то, Коля. Непутевый он, это правда. Но ведь, подумай, каково было старику, если

он на такую крайность пошел? «Примет меня теперь Колька, — это он Полинке шепнул. — Как не принять? Пожалеет старика. Да и в тягость ему не буду, не с пустыми руками приду. С большой суммой денег. Выделит мне уголок на старость...».

Фонарев плюхнулся на скамью, ровно ноги ему подрубило. Кулаки на стол со стуком бросил.

— Достали вы меня! Не так — так этак! Куда я его дену?

— Да, это проблема, — усмехнулся участковый. — Скучно ты живешь, тесновато. Ну, так в сторожку его помести. Она у тебя добрая. Опять же выгода — сторож не нужен.

— Сторож! От такого сторожа самому охраняться впору. Он и меня спалит по дури своей!

— Не спалит, — улыбнулся Ратников. — Ему это ни к чему теперь. Да и обещал он мне.

Вернувшись в село, Ратников зашел к Шурику. О чем они говорили — никто так никогда и не узнал. Только Паршутин сумел самый конец разговора подслушать. Но ничего из него не понял.

— Договорился, Сергеич? — приплясывал в дверях довольный чем-то Шурик. — И я, что обещался, сделал. Как ты подсказал. Держи. — И он передал участковому сложенный вчетверо лист бумаги. — А Колька-то рад небось? А, Сергеич?

...Через два дня Ратников отвез Шурика к сыну, прямо на его дачу.

Шурик обошел, оглядел имение, остался доволен.

— Клево! — сказал он с восхищением. — Ну, я тут... — недосказал — Андрей поднес к его носу кулак:

— И не думай, Ильич! Ты мне слово дал. — Сел на мотоцикл и поехал в город. А в планшетке его лежало заявление гр. Фонарева А.И.

«В правление страхового общества «Искра» от Фонарева А.И., ранее проживавшего в с. Синеречье, в бывшем собственном доме.

Настоящим довожу до Вашего сведения, что ранее принадлежащее мне строение подверглось уничтожению

пламенем в виде пожара по моей собственной бытовой неосторожности в обращении с огнем.

Претензий к обществу не имею, на страховую премию не претендую. Считаю наши договорные отношения исчерпавшими свою юридическую силу. К сему остаюсь,
Фонарев А.И.»

«ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ...»

...Иной раз, парень, добрый поступок наизнанку подлостью оказывается. А иной раз совсем наоборот случается...

Эту хулиганистую компанию на селе то мушкетерами называли, то шпаной синереченской, Колька-Челюкан в ней за главного был, в атаманах ходил. Прозвали его Челюканом по деду. Тот юнгой воевал в морской пехоте, разведчиком. С войны в село вернулся израненным и всю оставшуюся жизнь прихрамывал — челюкал, по-уличному. Так и звался, Челюканом. А когда Колька до двух лет дорос, кто-то из односельчан приметил: во, мол, пацан-то весь в деда пошел, вылитый Челюкан. Так и прозвали, хотя Колька не хроمال, а напротив, — в любой драке крепко на ногах держался. Вообще, парень был самолюбивый, решительный и на расправу скорый: долго не думал, чтобы кулаки в ход пустить.

Рос Колька без отца, при больной матери. На людях к ней заботы не проявлял, суров был до грубости, а на деле все домашнее хозяйство держал — в пятнадцать-то лет.

От деда Кольке не только прозвище и характер достались, но и несбывшаяся мечта о море, о дальних плаваниях. Из-за хромоты деда на флот не взяли, а Колька его мечту подхватил.

В терраске, где Колька обитал по летнему времени, висела на стенке дедова фотография — лихой пацан в бескозырке и тельнике, с автоматом на груди, а вокруг — выдранные из журналов картинки с парусниками всех типов. С ними вперемежку развешаны обрывки веревок, вязанные разными морскими узлами, — тренировался Колька, загодя себя к морю готовил.

В углу на столике — почти готовая модель парусника. Грубо, конечно, сделана — руки-то у пацана больше к топору и лопате привычны, — но с любовью и охотой.

У Кольки и лодка была. В Синеречье — она в каждом дворе, а то и две — без них никакая жизнь невозможна. Местные лодки особенные — легкие, верткие — по росной траве, как по воде, идут. А Колька с друзьями из своей лодчонки пароход устроил. Установил две пары велосипедных педалей, а на корме дрель, где вместо сверла — винт от лодочного мотора. Забавно получилось: как на педали Васька с Мишкой сядут, а на руль — Колька — лодка словно с мотором летит, на веслах за ней не угонишься. (Правда, вскорости этот «двигатель» разобрать пришлось и дрель на место, в колхозную мастерскую вернуть, откуда она и была сперта.)

Тогда Колька оснастил лодку мачтой с парусом, который из старого байкового одеяла пошил, и в половодье, когда Аленкину пойму заливало, и она больше иного озера разбегалась, гоняли по ней пацаны, как заядлые пираты, только не под черным, а под зеленым парусом.

Васька, хоть и Кроликом его прозвали, вылитый поросенок был — лицо розовое, ресницы белые и нос пятачком. А Кроликом стал из-за папашки своего. Тот все мечтал разбогатеть по-быстрому, завел как-то на усадьбе кроликов, мол, тут тебе и мясо, и шкурки на рынок. Но быстро к этому охладел, надоело — заботы много. Васька от него это дело принял. Его вообще зверушки и животные любили. Даже куры за ним чередой ходили. А петух, когда Васька совсем еще мал был, охранял его пуще собаки.

Васька даже крысу, здоровую и хвостатую, приручил. Она из рук его ела, за пазухой у него спала, а при опасности приучилась с пола ему в штанину шмыгать. Добро бы, только к нему — к любому, кто в брюках. И многим это почему-то не нравилось, особенно учителям, — Васька ведь крыску свою и в школу таскал, расстаться не мог.

Больше всех на него «химичка» Мария Петровна обижалась (она в брюках и кроссовках уроки проводила) и однажды, в истерике, чуть не прибила крыску веником. За что Кролик прозвал свою хвостатую подружку Машкой. Которая в этом не была виноватой нисколько. Она же не

знала, когда выбралась из Васькиной сумки и шмыгнула в штанину учительницы, что Мишка Куманьков уже ухитрился, будто уронив ручку на пол, привязать шнурок Марь-Петровниной кроссовки к ножке стола.

Упали все, когда Мария Петровна вскочила с диким визгом: она сама, ее стул, ее стол и все, что на нем было. Попадал от хохота и весь класс.

Ваську и Мишку исключили из школы на неделю, до педсовета. Они, конечно, ужасно переживали. Особенно, Васька, который всю неделю без помех возился со своими кроликами.

Кролики тоже Ваську любили. Он им всем имена дал, так они откликались. Бывало, навалит Васька в загончик капустных листьев — сидят, хрумкают — до еды жадные. А как Васька какого по имени поκληчет, — тот сразу столбиком станет, ушками стрижет, глазками блестит и тут же веселым скоком — под Васькину ласковую руку.

Но недолго это счастье длилось. Когда сообразил папашка, что весь двор у него добычей полон, так прямо на глазах у Васьки всех кроликов забил, кровь спустил и шкурки снял. Как Васька это пережил — никто не знает. Из дома ушел, в лесу обитал вместе с Мишкой Куманьковым.

Этот в своем роде личность. Лесовичок такой. В лесу — как дома, даже лучше. Всегда знает, где какую ягодку снять, под каким кустиком в ненастье укрыться. Пуще всякого индейца лес чуял.

Соорудили они на дальнем приветливом острове уютный шалашик, ловили себе рыбку, собирали грибы, шишки лущили. А Колька Челюкан на своем бывшем пароходе подвозил им картошечки с салцем, всякий припас, в лесу необходимый.

В общем, жили ребята своей жизнью. Врагов наживали, а дружбы им своей хватало, особенно, когда Галка Серегина (Серег, по-уличному) к ним прибилась. И взяла на себя сугубо женские обязанности: одежонку им небогатую починить, подкормить домашними запасами, а иной раз и вину на себя взять, чтобы ребятам меньше досталось...

Дверь в терраску распахнулась и ударилась в стену. Колька недовольно вскинул голову, отложил пинцет, кото-

рым протягивал на своей модели штаги от бушприта к фок-мачте.

— Колян! Сентя Воронка продал! — И Васька-Кролик опустил на порог, спрятал лицо в ладонях.

— Не ной! — Челюкан вскочил, опрокинув табурет, — Говори толком.

— Сентя покупателя на Воронка нашел. На колбасу его продал!

Сентя — это, напомним, директор школы Арсентий Ильич. Ребята его ненадолго любили.

Воронок — пожилой буланый коняга, который много лет безропотно отработал на дальней ферме, возил непроезжими для машин дорогами бидоны с молоком. А как в колхозе с кормами плохо стало, председатель отдал его в школу — на пенсию. Здесь Воронку полегче пришлось — пару раз в неделю бочку с водой доставить: своего колодца в школе не было. Да и пацанва школьная Воронка не обижала, ни один малец к нему без корочки хлеба или кусочка сахара не подойдет. Воронок на ласку по-своему отвечал — на каждой перемене степенно ходил по двору, катал на широкой спине первоклашек.

А особо выделял, конечно, Ваську-Кролика. Еще издали увидит, ушами прядает, копытами, стоптанными, как опорки у старика Силантича, переступает в нетерпении. Иногда заржет — тоненько, радостно, нетерпеливо. А как подойдет Васька, Воронок ему все лицо мягкими губами потрогает, пофыркает в ухо, будто что-то шепчет секретное — для двоих, а потом глубоко вздохнет, положит голову на плечо и замрет, счастливый.

Сентя поначалу тоже доволен конем был. Работящий, смирный, и — главное — навоз от него очень полезный для огорода. Директор лично его тачками возил себе на усадьбу. Да перестарался — отчего-то огурцы странные у него пошли: один винтом загибался, другой — крючком, третий — вообще круглый, как яблоко. И все — горькие, как редька. Бабка Полинка пояснила: перекормил их директор навозцем, слишком много внес.

Вот тут интерес к Воронку у Сенти пропал: выгоды никакой, одни заботы. Хотя заботы эти на себя ученики

полностью взяли: и сено для коня на зиму готовили, и кормили-поили, и чистили. Воронка не узнать было: светился конь. А ну как на ногу кому наступит? Директор виноват.

Тут кстати и подвернулся этот Тулиген, казах залетный какой-то или киргиз. Он это и сам толком, видать, не знал. Уверял, что казах, и говорил с гордостью: «Мама моя — туркмен будет, папа моя — узбечка был». Тулиген этот, «узбек туркменский», в Дубровниках магазинчик держал и шашлычную. Соблазнился директор хорошей суммой. Да и как не соблазниться? Глазом не моргнешь, а уж осень на дворе, новый учебный год. А в школе двенадцать окон битых, крышу менять надо, столярку красить. А где деньги возьмешь? То-то! И продал директор Воронка на колбасу...

— Не ной, — опять оборвал Колька Кролика. — Откуда знаешь?

— Галка сказала, — всхлипнул Кролик. — Подслушала, как Сентя с казахом по телефону договаривался.

Если Галка сказала, значит, так и есть — подслушивать она умела, чутким девчоночьим ухом улавливала тайное и болтливым язычком превращала в явное.

— Завтра с утра этот киргиз за Воронком приедет.

Колька прикусил губу, позыркал глазами, нахмурил лоб — нашел решение.

— Пошли!

— Куда?

— К «тарзанке».

Кролик обиделся: такая беда настигла, а лучший друг вместо помощи развлекаться зовет.

— Держи! — Колька бросил уже во дворе, на ходу, Кролику мешок, снял с жердины косу. — Пошли!

Наконец дошло до Васьки, что неспроста все это, — видно, придумал Колька, как Воронка выручить. Схватил косу, побежал за Колькой узкой крутой тропкой к реке.

Забрались в лодку, отчалили. Колька на веслах, Васька на руле.

Тихо плещут весла, разбегается от них рябь по чистой воде, журчит за кормой светлая струя. Известными протоками, где низко над водой склонились деревья, купают в ней листья, где порой темно, как в зеленом тоннеле, где

взлетает неожиданно вспугнутая утка со скрипучим криком, где плеснет мощным пятнистым туловом столетняя щука и блещут при ветерке солнечные пятна на темной воде — быстро добрались ребята до старой ветлы с «тарзанкой». Здесь по берегу как раз дорога в город бежит, по которой Тулиген завтра Воронка погонит. На убой.

Причалили к берегу. Колька за косу взялся, Ваське велел траву за ним собирать и набивать ее плотно в мешок.

Накосил быстро, смотрел, как Васька охапки в мешок впихивает и ногами уминает.

— Плотней, Васек, плотней уминай. Чтоб потяжелее получилось.

Набили мешок втугую, еле вдвоем подняли, под ветлу отнесли.

Колька, как матрос по вантам, шибко наверх забрался, сбросил один конец веревки вниз, а другой на соседнюю ветку перевязал, поближе к дороге. Скомандовал Кролику:

— Привязывай мешок!

Дождался, когда Кролик обхватил горловину мешка петлей, стал изо всех сил веревку, через сук перекинув, подтягивать — мешок вверх пополз, остановился вровень с поднятой Кроликом рукой.

Колька прикинул — хватит. Закрепил веревку. Мешок, покачиваясь, висел над дорогой. Примерно, на высоте всадника. Вдвоем поцаны мешок совсем подняли, на соседнюю толстую ветку уложили. Теперь, если его толкнуть, полетит тяжелый мешок, как громадный маятник громадных часов прямо поперек дороги. Может и в киргиза попасть. Или в казаха.

Васька расцвел, шлепнул Кольку в восторге по спине — едва с дерева не грохнулись.

— Это мы с Михой сделаем, а ты на Выселках сарай для Воронка приготовь, там его спрячем, — сказал Колька, спускаясь на землю и подбирая косу. — Не проспать бы.

— Не проспим, — заверил Кролик. — Наш Петруха ровно в пять кукаречит, как по часам.

Утром, с первым светом, еще коров не выгоняли, вывел директор Воронка из конюшни, повел за собой на край села.

Конь послушно ступал за ним, мотая головой в густой гриве, оставлял на росной траве дымчатый след.

За околицей, в густых кустах, вложил Сентя влажный повод в жадную руку Тулигена. Тот узкими, блестящими глазами осмотрел коня, поцокал от удовольствия языком — будто не на колбасу его брал, а на скачки по цветущей степи.

Ловко вспрыгнул на спину Воронка, разобрал поводья, вложил в директорскую руку пачку денег: считай.

Пересчитал Сентя деньги, вздохнул, убрал в карман поглубже и хлопнул Воронка ладонью по крупу. Тот обернулся, вроде как с укором посмотрел, тоже вздохнул и, повинуясь всаднику, глухо зашлепал старыми копытами по мягкой дороге...

Едет Тулиген на лошади. Впереди дорога, слева лес густой — в нем уже птички утренние щебечут, справа, меж деревьев и кустов, река блестит.

Хорошо Тулигену, доволен. Песню сам сочиняет и сам поет.

Ай, какой мудрый батыр Тулиген!

Ай, какого толстого коня купил.

Сколько из него колбасы сделаю.

Сколько бастурмы приготовлю.

Придут к Тулигену черноглазые девушки.

Станут кушать, станут Тулигена хвалить.

Ай, какой Тулиген храбрый батыр!

Будем Тулигена любить.

Будем ему песни петь.

И пляски плясать.

Ай да Тулиген, мудрый батыр.

Поравнялся мудрый батыр с большой ветлой. Поет, заливаясь, сам себя только и слышит. Но краем глаза увидел вдруг, будто метнулось на него с дерева что-то большое.

А кроме того батыр ничего не увидел — ударило это большое его прямо в бок, сбросило ударом с коня. Грянулся батыр на сыру землю, и темно ему стало...

Андрей в это утро в район собрался, вызывали его в отдел, на совещание участковых.

Выехал рано, чтобы к нужному часу поспеть. Проехал, не спеша, селом, выбрался за околицу. И тут, на лесной дороге, что к трассе вела, послышалось ему конское ржание. Короткое такое, будто вскрикнул конь, да чья-то ладонь ему морду зажала.

Не обратил внимания. А за поворотом, как старый дуб объезжать, вдруг навстречу ему прыгает по дороге человек, ровно конь стреноженный, и руки перед собой держит.

«Что за чудо?» — удивился участковый.

Остановил мотоцикл, прошел вперед несколько шагов.

Батюшки! Да это Тулиген, городской шашлычник. То ли киргиз, то ли туркмен. А может, и казах. Руки у него впереди по кистям связаны, ноги — по щиколоткам, глаза испуганные — щелочками. Скачет, потом обливается.

— Ай, милиция! — заорал навстречу. — Такой беда! Такой большой беда на Тулиген упал! Злой шайтан напал с дерева. С коня батыра сбросил. Дикий зверь сопсем.

— Что за зверь! — спросил участковый, срезая с него веревки.

— Вот такой! — широко развел Тулиген затекшие руки. — А наверху у него хвост длинный. Сопсем из дерева растет. С коня меня сбросил...

— И руки тебе связал?

Тулиген остолбенело замолк. Подумал. В затылке почесал.

— Садись, — Андрей отстегнул фартук в коляске. — По дороге разберемся, что за зверь такой... Сопсем шайтан большой.

Чем ближе подъезжали к месту событий, тем глубже прятался отважный батыр под фартук коляски. У самой ветлы только курносый нос торчал да два напуганных глаза — щелочками.

Андрей прошелся вокруг дерева, рассмотрел обрывок веревки на ветке, а на дороге — следы конских копыт, уходящие в глубь леса, нашел в кустах ворох свежескошенной травы — и все ему стало ясно. Он вернулся к мотоциклу, поискал глазами исчезнувшего Тулигена, одернул фартук:

— Сколько ты за коня заплатил?

— Сопсем мало, милиция.

— Денег жалко?

— Как не жалко, ай? Три раза жалко.

— А мальчишек? Жалко? — и рассказал ему всю историю про Воронка.

— Ай, ай! — Тулиген прижал ладони к щекам, стал раскачиваться, причитая. — Сопсем плохо получается.

Да, совсем плохо получается. Пацаны совершили преступление, тяжкое притом. Понять их можно, по-человечески даже похвалить бы стоило. Но вот как оценит их действия суд?

Честно говоря, Андрей растерялся. По долгу службы он обязан задержать ребят, сообщить о нападении в райотдел милиции. Расследование. Суд. Из колонии ребята выйдут либо сломленными на всю жизнь, либо настоящими бандитами. Что же делать? Как поступить?

Выход подсказал Тулиген:

— Я придумал, милиция. Давай никому не скажем? И всем хорошо будет.

— А деньги?

— Пусть у меня денег не будет, — философски рассудил батыр. — Это лучше сопсем, чем у мальчишек свободы.

Андрей молча пожал ему руку.

— А ты меня за это в город отвезешь, — расплылся Тулиген в улыбке, глазки-щелочки совсем исчезли. — Якши будет?

«Сопсем якши», — подумал Андрей и завел мотоцикл.

Тулиген нахлобучил мотоциклетный шлем, покачал головой:

— А конь добрый был, — вздохнул от сердца. — Много колбасы Тулиген из него сделал бы. Сопсем много... Он бы девушек угощал, девушки бы ему песни пели...

Вернувшись в село, Андрей сразу же заехал к Челюкану. И не ошибся. Друзья сидели на терраске, совещались так тайно, что на улице было слышно.

— Дураки вы! — зло кричала Серега. — Ратников вас посадит.

Серега — это Галка Серегина.

Андрей не стал подслушивать, толкнул дверь. Разговор сразу прекратился. Только раскрасневшаяся Галка сердито

пыхтела, сдувая со лба прядь волос. А лицо у нее было такое: «Ну вот, что я говорила!»

Андрей достал из планшетки обрезки веревок с узлами, присмотрелся к стене, выбрал похожие и повесил свои рядом, повернулся к пацанам:

— Это шкотовый узел, Коля? — спросил спокойно. — Правильно? А это шлюпочный, так?

Челюкан машинально кивнул.

Андрей сел за стол, поставил на него локти, опустил подбородок в ладони.

— Что же вы натворили, ребята? — спросил не зло, не сердито — устало спросил. — Вы же преступление совершили.

— А чего он?.. — начал было Кролик, но захлопал белыми ресницами, голос его сорвался на визг — он опустил голову. Себя считал самым виноватым.

— Это я все придумал, — буркнул Челюкан. — Схулиганил.

— Это не хулиганство, Николай, — пояснил участковый ровным голосом. — Это разбойное нападение. Совершенное группой лиц по предварительному сговору. С применением насилия. В целях завладения чужим имуществом. Наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет.

— Андрей Сергеич! — завопила среди тишины Галка. — Никакой не разбой. Я случайно мешок столкнула. А ребят там вовсе не было!

— Серегина, выйди из класса, — очень похоже на Сентю скопировал Мишка.

— Выйди, выйди, — согласился и Андрей.

— А я все равно подслушивать буду! — уперлась Галка, тряхнув кудрявой головой.

— Подслушивай. Но молча.

— Тогда я здесь помолчу. Можно?

— Где лошадь?

Помолчали. Потом Васька буркнул:

— На Выселках. Мы его в лодке перевезли.

«Хорошо придумали», — одобрил про себя Андрей. На Выселках когда-то, в богатые колхозные времена, была

дальняя летняя ферма, где телят выращивали. Там еще кое-какие строения сохранились.

— А дальше что?

— Не отдадим мы его на колбасу, — мрачно отрезал Колька. — Это наш конь.

— Он сколько лет в колхозе работал, — добавил Васька, хлопая влажными ресницами. — Вам, дядя Андрей, его не жалко?

— Жалко, — улыбнулся участковый.

Ну никак он не мог их наказывать. Ведь доброе дело пацаны сделали. Хотя и злым путем.

— Ладно, ребята, — Андрей встал, пошел к дверям. — С Тулигеном я уладил, он вас простил. А если кто дознается, что ваш конь на Выселках живет, Тулиген скажет, что Воронок от него по дороге сбежал.

Ребята так заулыбались — сначала неуверенно, а потом во всю ширь, — что у него от сердца отлегло.

— Но — уговор: с сего часа по селу на цыпочках ходить — это раз. Тулигену, по его списку, — Андрей положил на стол листок бумаги, — собрать в лесу и засушить нужные травы — это два. Отца Леонида не дразнить — это три. А четыре — вы уже догадались: к директору школы никаких репрессий не применять, — и участковый шагнул за порог.

— Честно, дядя Андрей!..

— Ни за что, дядя Андрей!.. — завопили радостно вслед. «Так я вам и поверил», — усмехнулся про себя участковый. И оказался прав.

На последнем перед каникулами уроке истории Арсентий Ильич подводил итоги второго полугодия. Класс вел себя странно: хихикали, перемигивались, шептались. Пришлось сделать замечание:

— Серегина!

— А? — вскочила Галка.

— Бэ! — подхватил кто-то. И так пошло дальше, по всему алфавиту. За исключением мягкого и твердого знаков.

Насилу успокоил директор класс, повел заключительное занятие, почему-то поерзав на стуле и поморщившись.

Но не успел он и слова сказать, поднял руку Куманьков:

— Арсентий Ильич, а мне Ираида Пална тройку за сочинение поставила. Говорит, неграмотно. Я написал: «У дороги росли две ивы: одна сосна, а другая береза». За это тройку, да?

Директор покраснел, еще сильнее заерзал на стуле. Но не от коварного вопроса, хотя сразу вспомнил, что эту фразу произнес сам, лично, на школьном дворе, объясняя дорогу прохожему. Что-то другое сильно его беспокоило. Даже привстал ненадолго. Даже стул ненароком осмотрел и ладонью по сиденью провел.

По классу загуляли сдерживаемые из последних сил смешки. Опять посыпались вредные вопросы.

Не отвечая на них, директор вдруг выскочил из класса, оттопыриваясь ниже пояса, побежал в свой кабинет.

Тотчас весь класс бесшумно сорвался и выбежал на улицу. Все, кто поместился, взобрались на цоколь и прилипли к директорскому окну.

А картина там была загадочная: бедный Сентя, спустив штаны, яростно чесал себя двумя руками пониже спины...

— На три дня хватит, — удовлетворенно заметил Куманьков, спрыгивая с цоколя и уступая место очередному зрителю. — Пока портки не сменит...

Когда этот случай дошел до Андрея, он знал, с кого спросить, и в удобный момент поймал Куманькова за ухо:

— Твоя работа?

— Моя, — не стал отпираться Мишка. И пояснил честно: — Это трава такая, почесуха называется. У нее семена с маленькими крючочками — как в штаны или в рубаху попадет, так все глубже в кожу впивается. Я ее на стул подсыпал...

— Не стыдно?

— Нет, — смело посмотрел прямо в глаза милиционеру. — Он плохо поступил...

Ну что тут возразишь?

Директор Арсентий Ильич сидел в окошке своего кабинета и по утренней поре пил чай на свежем воздухе. Завидев Ратникова, скрылся в глубине комнаты и появился

со стаканом в красивом подстаканнике, протянул Андрею в окошко. Глаза у него были хитрые и настороженные. Как у первоклассника, подложившего учителю кнопку на стул.

— Как дела, Арсентий Ильич? — поздоровался Андрей, принимая стакан с чаем. — Все ли в порядке?

— Да вот, — забежал Сентя глазами по сторонам, — вот коняка наш со двора ушел. Не иначе — в лесу заблудился. Да я и сам приболел чуток... Неможется что-то... — и незаметно почесался.

Андрей потренькал ложечкой в стакане, отпил глоток, скрывая улыбку, — он давно приметил, что на школьном турнике висят директорские штаны, а рядом прислонена выбивалка для ковров.

— Хороший у тебя чай, Арсентий Ильич. — Директор улыбнулся на эти слова. — А ребят ты зря обижаешь. — На эти слова директор нахмурился.

— Ребят... Бандиты они малолетние. Хулиганы.

— Твоя вина. Ты воспитатель.

— А ты знаешь, что они мне выпускное сочинение сорвали? Сами с урока ушли, а за ними чуть весь класс не разбежался.

— А какая сочинению тема была? — невинно поинтересовался участковый.

— Хорошая! «За что я уважаю своего отца?» Понял?

— Понял, — вздохнул Андрей. — Потому и сорвались пацаны. Что они могли про своих отцов написать? У одного его нет и не было, у другого — в тюрьме, у третьего — пьяница.

— Мне что, из-за них школьную программу менять?

— Программу не надо. Отношение к ним надо менять. Нельзя, чтобы у пацанов взрослые врагами были.

— Сергеич, — взмолился директор, — у меня о другом голова болит: где денег на школу брать? В классах ни одного целого стола нет! Крыша течет! За свет три месяца не плачено! Конь пропал...

— Ильич! — в тон ему воскликнул Андрей, чувствуя, что может сорваться. — Ведь брошены ребята. И родителями, и школой брошены. А что брошено, то кто-то чужой подобрать может.

— Да, — непримиримо усмехнулся Сентя, — такое добро — куда там! Никто мимо не пройдет. Всяк наклонится...

— А насчет коня, — перебил Андрей, не сдержавшись, — ты, Ильич, плохо поступил. Подло, — тяжело уронил слово.

Директор растерялся, глазами захлопал, но привычно в руки себя взял.

— Я еще с ними советоваться буду!

— Неплохо бы, у них есть чему поучиться.

— Гранаты швырять в чужие сарай.

Не выдержал Андрей:

— С добром к ним надо, Сентя! С доверием. Тогда и они тебе тем же ответят.

— Они тебе ответят! — выпалил Сентя. И что-то зловещее прозвучало в его словах.

Андрей поставил в сердцах стакан на подоконник, стукнув доньшком:

— Плохой у тебя чай. Веником отдает. — И пошел по своим делам. Обернулся. — Тебе, Ильич, не в школе, а в следственном изоляторе работать. Почесуха...

Разругались, словом. Не пристало Андрею, конечно, при исполнении служебных обязанностей сердцу волю давать. Но с директором они давние знакомцы были — хоть это и не оправдание. У Ратникова вся округа — знакомцы да родня.

Заноза таки в сердце застряла. А больше всего от этих зловещих слов: «Они тебе ответят!...»

РАЗБОЙНОЕ НАПАДЕНИЕ

...Думать, парень, приучайся. За правило возьми: прежде чем сделать, сначала подумай. Если, конечно, время для этого есть...

Разбудил участкового на рассвете заполошный голос церковного сторожа Савелича, бессонного старика:

— Андрей Сергеич! Сергеич! Вставай, беда на дворе!

Участковый открыл глаза, повернул голову к светлевшему окошку, за которым виднелось бледное лицо в седой

бороде и метался тревожный крик. Включил свет, мигом набросил камуфляж и вышел во двор.

Савелич схватил его за плечо, едва не сдернув с крыльца.

— Андрейка, бежи скорей к Дачникам. Неладное дело там.

Ратников на ходу плеснул в лицо из кадушки и, вытираясь платком, быстро зашагал на дальний конец села. Савелич поспешал сзади, шаркая спадающей с ноги калошей и, дергая участкового за рукав, пояснял:

— Дверь на крыльце снаружи клюкой подпертая. Стал хозяев окликать — молчат... Что-то с ними худое стряслось.

«Дачниками» звали на селе Сергачевых. Они несколько лет назад купили здесь дом со всем подворьем, привели в порядок, начали хозяйствовать. И все время мечтали насовсем перебраться в деревню, очень им здесь нравилось. Но чтобы прочно стать на ноги, обзавестись скотом и птицей, инвентарем, нужны были деньги. И деньги немалые... Сергачевы решились — продали городскую квартиру.

Подошли к дому Дачников: в окнах темно. Окна в кухню вовсе не было: рама высажена ударом слуги — она лежала тут же, возле дома. Прав дед Савелич — недоброе дело!

Андрей взбежал на крыльцо, ногой откинул от дверей палку — в одной руке пистолет, в другой — фонарик — рванулся в сени.

Никого.

Ногой же распахнул дверь в комнату, заорав страшным голосом:

— Стоять! Руки!

Некому стоять.

Отыскав лучом фонарика выключатель, Андрей включил свет, окинул взглядом комнату. Нехорошо, типичный разбой.

Все опрокинуто, разбросано. Ящики комода и стенки выдвинуты, содержимое вывалено в беспорядке на пол. Сброшены с полок книги, вспорота мебельная обивка, дверца гардероба косо висит на одной петле, платья, костюмы — все брошено на пол. У пиджака и брюк вывернуты карманы, даже детская кровать разорена.

Осмотревшись, Андрей прошел в кухню — и здесь никого. Опрокинутый стул, битое стекло на полу.

Очень тихо. Но не совсем. Он прислушался, затаив дыхание. Казалось, будто где-то в стороне, на дальней околице, скулит маленький щенок.

Андрей прошелся по комнате, сдвинул к стене половики. Под ним — крышка погреба. Отбросил ее, включил фонарик, заглянул вниз.

Сначала увидел сброшенную на пол приставную лестницу, потом мужчину в одних трусах, привязанного к стеллажу, рядом с ним — женщина в ночной разорванной рубашке, тоже привязанная, но сидя — на ее коленях корчится малый ребенок, жалобно, устало плачет.

Это были Сергачевы, всем семейством.

Андрей спрыгнул вниз. Осторожно снял с губ женщины пластырь — Нина судорожно, прерывисто всхлипнула. Разрезал веревки, сохранив узлы. Нина прижала ребенка к груди, пытаясь его согреть.

Андрей освободил Петра, выбрались в кухню.

— Спали уже, — дрожа от озноба и пережитого, рассказывал Петр, — вдруг на кухне — грохот, звон. Не успел вскочить — ворвались в комнату трое, в масках. С фонариками. — Деньги давай, говорят, не то всех уроем. — Нету, говорю, денег. — Не ври, знаем. — На сберкнижке, говорю, вам не снять. — Снимем, где она? — не помню, говорю. — Сейчас вспомнишь, пригрозили.

— Затащили нас в кухню. Нинка трясется, Вовчик плачет. Меня к стулу привязали. Двое пошли в комнате шарить, один стал меня бить. Я молчу. — Петр перевел дыхание, вновь переживая этот ночной ужас. — Зло такое меня взяло — молчу, и все.

— К тому времени все на кухне опять собрались. На Нинке рубаху порвали, повалили на пол, говорят: «Смотри, мужик, что мы с твоей бабой будем делать!» Тут я от страха хитрость надумал. Покивал, чтобы рот освободили. Ладно, говорю, скажу, где деньги. Развяжите. В подполе они, говорю. А сам думаю: сейчас они в подпол свалятся, а я крышку — бряк, попались, голубчики! Да не вышло. В

подпол один полез: где, кричит, спрятал? В кадушке, говорю, что в углу стоит. Пошарил он в кадушке, вылез. Думаю, все, убьет теперь. А он у Нинки дите вырвал и над люком держит: считаю, мол, до двух. Своих детей, мол, у меня нету, а твоего щенка мне не жалко. Сказал я сразу же, они деньги забрали, в погреб нас спустили...

— Приметы какие-нибудь заметил? — спросил Андрей.

— Да где! В темноте все было. В масках.

— Невысокие они, средние такие. — сказала Нина. — Один в тельняшке был. На него свет от фонарика попал — я и заметила. У него пистолет за поясом.

— А голоса?

— Да одинаковые все, — досадливо отмахнулся Петр. — У них маски из шапок, до подбородка натянуты. Бубнят и бубнят, разве разберешь голоса.

— А друг к другу они как обращались? Имена, клички называли?

— Не, не называли. «Ты» да «ты», все обращение.

— Это твоя? — Андрей показал ему зажигалку — маленький блестящий пистолетик, — которую он подобрал в погребе.

— Не, ихняя, значит.

— Деньги в каком виде хранил? Какая сумма?

— Четыре вот такие пачки, резинкой стянутые. Завернутые в газету «Рассвет».

— Ладно, ребята, — Андрей встал. — Пейте валерьянку, поспите. Днем разговор продолжим.

Уложил в пакет обрезки веревок с узлами, а зажигалку в кармане оставил. Попрощался, вышел на крыльцо, где терпеливо дожидался его Савелич.

— Посиди здесь, дед, ладно? Не подпускай никого к дому.

— Сделаю, — согласился Савелич. И подобрал с крыльца клюку.

Андрей вернулся к себе, позвонил в район, сообщил дежурному по отделу о происшествии, попросил прислать группу.

— Пошлю, Сергеич, — пообещал дежурный. — Они на вызове в Оглядкине. Как вернутся, к тебе направлю.

Андрей распахнул окно, поставил чайник и стал оформлять протоколы, прикидывая в уме, кто из односельчан мог сотворить такое черное дело? А о том, что у Дачников деньги появились, все село знало.

Перебирал одного, другого, третьего, а были на селе всякие. Пьяницы и хулиганы, чудаки и склочники, драчуны и ворюги. В тельняшках и без. И среднего роста многие. Словом, было из кого выбирать.

К тому же нападали на Сергачевых трое. Один из них в тельняшке. Вот что тревожило участкового. Вот, чего он больше всего боялся. Потому что хулиган Колька Морев, Челюкан по прозвищу, тельняшку носил. И морские узлы вязать умел. Как раз такие на потерпевших были. И два дружка верных у него было: Мишка Куманьков да Васька-Кролик. Тоже невысокие и хулиганистые.

Андрей, едва в должность заступив, ребят этих на заметку взял. Он, конечно, не считал, что из каждого малолетнего хулигана обязательно великовозрастный бандит получится, но справедливо полагал, что чаще именно так и бывает.

Терпеливо преодолевал участковый их недоверие, выручал не раз, справедливо разрешая конфликты со взрослыми. И многого сумел добиться.

А теперь вот такое подозрение. Но не хотелось в это верить. Ну подрасться, украсть какую-то мелочь, но пытать, угрожать женщине насилием, играть жизнью младенца... И вовсе уж некстати вспомнились злоеющие слова директора Сенти...

Не заметил участковый, как утро настало и день разгорелся. И как от этих мыслей оторвал его большой шум со стороны магазина. Даже не просто шум — скандалище, если по шкале Рихтера.

Захватив с собой зачем-то коробку из-под обуви, куда натолкал старые газеты, Андрей пошел разбираться.

Магазинчик этот торговал еще недавно от сельпо. Да не все в нем ладилось: подряд три продавщицы и один продавец сменились. Две первые лучшие места нашли — без ответственности за товар и выручку и за большую плату, Алевтина дольше других держалась. Незлобивая, приветливая — при ней магазин всегда покупателями был полон.

Да не столько покупали, сколько общались — больше-то нигде. Бабульки местные вообще весь день готовы были на порожней таре просидеть: все им интересно, особенно, кто что купил, а кто чего покупать не стал. Здесь же вскладчину, душевно, дни рождения справляли, церковные праздники отмечали. И каждый, кто той порой в магазин заходил, будь он хоть важный дачник, обязательно в компании хоть рюмочку, да выпьет.

В общем, семейно получалось, как в прежние времена. Алевтина, добрая душа, конечно, и в долг отпускала, тетрадку особую для того завела. И никто ее не подводил. И ревизия, о которой все село заранее знало, на это закрывала глаза. Тоже ведь люди — знали, каким достатком народ перебивается. Знали и то, что выручку Алевтина в положенное время и в полном объеме сдаст.

Однако — случилось. Нагрязнула какая-то другая проверка. Ревизия над ревизией. Обнаружили, конечно, недостачу. Которая записями в тетрадке точь-в-точь перекрывалась. Но на это не посмотрели. Алéвтине тюрьма грозила. В полчаса деньги по селу собрали. У кого из должников не нашлось, соседи внесли. В общем, обошлось. И конечно, Алевтина после того уволилась.

Да это и понятно.

Долгое время магазин на запоре был. Не находилось желающих. Потом, от безысходности, непутевого Шурика взяли. Тот тоже чуть в тюрьму не угодил.

Опять магазин без хозяина остался. И государство от него отказалось — невыгодно и хлопотно, продукты, порой, приходилось доставлять на лодках, продавца не найдешь. Перешел магазинчик в ловкие руки расторопного пришлого парня, которого все называли «Боцманом». У этого ловкача дела пошли веселее. Взял себе в помощь еще двоих дружков, тоже со стороны, одного оформил грузчиком, другого — водителем. Магазинчик снова ожил — ассортимент Боцман расширил, торговал весело, с прибаутками, сверкая серебряным зубом. Как и Алевтина, не упускал случая желающим в долг бутылку отпустить, да и тут же в стакан набулькать, под небольшую закуску. Народ опять стал с охотой здесь собираться, вроде клуба опять

магазин стал. Участковый, конечно, замечания Боцману делал, предупреждал. Но тот отделялся веселыми шуточками. («Надо же, шериф, народу где-то культурно собираться, а в клубе потолок рухнул. Вот тебе куда глядеть надо».) И посматривал на Андрея снисходительно, с чуть заметной искоркой презрения в прищуренных глазах.

Участковый, со своей стороны, к Боцману приглядывался. Особенно, когда услышал, как тот укорял односельчанина, назвавшего его по ошибке мичманом: «Ты меня в звании не понижай. У нас во флоте этого не терпят». Моряк никогда не скажет «во флоте», только — «на флоте». Да и мичман все же повыше боцмана. А не наоборот...

Шум и гвалт в магазине — как на старой ветле, где собирались по утрам горластые окрестные галки.

В центре возбужденной толпы Боцман и его команда держали, вывернув руки, троих подростков — Челюкана, Кролика и Куманькова. Андрей, войдя, сразу обратил внимание, что все шестеро — равного роста, только «морячки» в плечах покрупче. Заметил и то, что у Кольки Челюкана разорвана рубаша и начинает заплывать левый глаз. Напротив него топтался разъяренный Дачник Петя.

— Это они, Андрей Сергеич, — заорал он, увидев участкового. — Во! — и Петя еще шире рванул на груди Челюкана рубашку. — Видал? Тельник на нем. У, зараза соплявая! Бандюга!

Мальчишки затравленно озирались. Андрей на них безразлично глянул, а они на него — с надеждой.

— Прекратить! — рявкнул Андрей. — Сейчас разберемся. Посторонним — покинуть помещение.

— Ну-ка, отпустите ребят, — приказал Андрей Боцману и поставил свою коробку на прилавок.

Тот неохотно повиновался.

— Посидите пока здесь, — Андрей указал мальчишкам на напольные весы возле стенки. Те послушно присели, прижавшись друг к другу. Участковому их жалко стало, хоть и хулиганистые пацаны были. А тут еще и Серега ворвалась, демонстративно рядом села. А за ней поспешил вмешаться и директор школы Сентя. Оглядел ребят с голо-

вы до ног, головой покачал (что с вас взять, я так и знал) и многозначительно взглянул на Андрея («Говорил я тебе? Доигрался?»).

Андрей на него внимания не обратил.

— Приглядите за ними, — сказал он «морячкам» и кивнул Боцману: — Пойдем в подсобку, мне в район позвонить надо.

Тот с готовностью откинул крышку прилавка. Андрей, захватив коробку, шагнул за прилавок, легонько тронув продавца за поясницу, будто отстраняя с прохода.

Войдя в подсобку, Андрей сделал вид, что подобрал что-то с пола и, снимая трубку телефона, протянул руку Боцману:

— Твоя? На полу валялась.

— О, блин! — обрадовался зажигалке Боцман. — А я обыскался.

Андрей набрал номер. Дожидаясь соединения, попросил Боцмана, кивнув на коробку:

— Обвяжи ее какой-нибудь бечевкой. Найдешь?

— Вещдоки? — понимающе усмехнулся Боцман. — Сейчас сделаю.

— Калошу кто-то из них обронил, под самым окном, — доверительно пояснил Андрей и сказал в трубку: — Саня, с начальником соедини. Товарищ подполковник, участковый Ратников докладывает. Да, но опергруппа уже не нужна. Да, уже задержал. Знаю, что молодец, товарищ подполковник, — усмехнулся. — Не один, граждане помогли. — При этих словах Боцман, завязывая узел на коробке, ухмыльнулся, довольный. — Хорошо. Высылайте «уазик» за подозреваемыми. Трое, товарищ подполковник. Есть. — И Андрей положил трубку. Бросил взгляд на заднюю дверь, затянутую ржавой стальной решеткой:

— Слабовата у тебя эта дверь. Не опасешься?

— Что ты, шериф! — Боцман обхватил ладонью толстый прут, потряс. И тут же на его руке и на железке защелкнулись наручники. — Ты что, блин, ментяра, не выпался? — заорал Боцман, дергая руку.

— Не ори, — Андрей задрал ему сзади свитер, выдернул из-за пояса пистолет. — Ключи давай.

— Какие, блин, ключи?

- От кассы.
- Подавись.

Андрей сунул ключи в карман. Выглянул в торговый зал, поманил грузчика. Когда тот вошел, ткнул пистолетом в живот, подвел к Боцману и пристегнул и этого к решетке теми же наручниками, перекинув цепочку через прут. Надо было задержать и водителя, но наручников у Андрея всего одна пара была.

Тогда он отхватил кусок бечевки от бобины, кликнул водителя. Сунул ему в руки коробку прямо в дверях — поддержи, мол. Тот машинально ее взял, и Андрей мгновенно накинул ему на кисти петлю, рванул ее, затягивая. Этот способ ему рассказал следователь Платонов. Так вязали преступников в далекие годы, когда наручников еще не было. Петля затягивалась мгновенно, а узел развязать — никак не получится, он с секретом был.

— Побудьте здесь, парни, — сказал им Андрей, выходя в торговый зал и задвигая засов на двери подсобки.

Мальчишки одновременно вскинули на него бледные лица. Серега вскочила.

— Вы свободны, ребята. — Андрей впустил в магазин народ. Назначил понятых, объяснил их задачу.

Срезал узлы с коробки, показал для сравнения с ними узлы с места преступления, убрал в пакет. Выдвинул ящик тумбочки, достал из него... скатанную тельняшку, размотал — в ней были три маски-шапочки и рулончик скотча. Пр продемонстрировал понятым.

Все внимательно, с интересом наблюдали за его действиями.

Затем Андрей отпер кассовый ящик, достал сверток из газеты «Рассвет», раскрыл его, показал понятым деньги, посадил их пересчитывать. Сам устроился рядом оформлять протоколы. Задержания и изъятия.

— Вот и все! — обрадовано вздохнул Петя-Дачник, когда понятые подписали протокол и Андрей вручил ему сверток с деньгами.

— Нет, не все, гражданин Сергачев, — холодно не согласился участковый и стрельнул глазом в сторону мальчишек, которые все так же сидели на весах.

Дачник ответил ему недоуменным взглядом. Спихватился, подошел к ребятам.

— Ты прости меня, парень, — обратился он к Челюкану, протягивая ему руку. — Не держите на меня зла, пацаны. Уж чего я натерпелся в эту ночь. Поседел даже.

При этих словах все дружно рассмеялись. Потому что сесть Дачнику было некуда — он был хоть и молод, но абсолютно лыс.

— И вот что, — Петр распотрошил сверток, достал несколько бумажек, положил их на прилавок, набрал с полок бутылки с водой, шоколадки, апельсины, протянул ребятам: — За моральный ущерб.

Челюкан улыбнулся. Благодарно взглянул на участкового.

У магазина резко взвизгнули колеса: приехала машина из отдела.

Когда уводили задержанных, Боцман отыскал глазами Андрея:

— Смотри, ментяра! Отмотаю срок, вернусь, кишки твои выпущу и на заборе, блин, развешу.

Участковый чуть заметно усмехнулся:

— Я не боюсь. Когда ты вернешься, я уже генералом буду, мне охрану дадут.

И все опять засмеялись.

Только Андрей не смеялся. Он смотрел в спину уходящему, ссутулившемуся Сенте, ждал, что тот обернется.

Не дождался...

ЗАПАДНЯ

...Знаешь, парень, я как-то заметил: вроде бы все ясно, все налицо — и попытка совершить ограбление, и подозреваемые с поличным задержаны. А на деле совсем другое выходит. А иногда и еще хуже...

1

С утра нехотя, будто кто его силой заставил, побрызгал дождик — освежил запыленную травку, чуть сполоснул листву на деревьях, смочил слегка крыши — и спрятался.

Скользкой, петлявшей по горюшке тропкой, участковый поднимался к церкви.

Церковь в Синеречье была очень красивая. Стояла она, как и положено, на горушке, в кольце речной излучины, отовсюду видная, радовала глаз и душу свежим золотом сквозных крестов, легкостью затейливой, в два цвета кладки — белым и ярко-красным, чуть ли не алым кирпичом. Издалека, как смотришь на село, то будто плывет над ним, сверкая, белое облако, окрашенное солнечными лучами, и сбегаются поглядеть на это чудо маленькие домишки, толпятся под ним, с наивным восхищением задирая неказистые крыши.

Но кроме красы своей была замечательна церковь своею древней тайной. До сего времени — нет-нет да вспомнится седая легенда о том, что ведет из церкви за реку подземный ход, которым уходили предки при набегах жестоких татар. Укрываясь от супостата в храме, перебегали под рекой подземным ходом в заречную часовню, а из нее выбирались в дремучие леса, где были нарыты на такой случай землянки с припасом и нужным для жизни скарбом и куда никакому ворогу пути не сыскать.

Спроси любого деда: мол, когда мальцом был, искал подземелье? Покрутит старик седой головой, взъерошит седую бороду и признается: было такое, однава даже на ночь в церкви прятался, весь подвал излазил — не нашел-таки... Ни подземного хода, ни тайного клада, в нем зарытого. И то — какой же подземный ход без клада...

Да и участковый Ратников помнит со своего детства, как пытался с друзьями проникнуть в закрытый ржавой решеткой склеп, откуда, старики говорили, можно в подземелье пробраться. Как лазили в разрушенную заречную часовню по тому же делу. И как однажды, после весеннего разлива, отошла ненадолго речка от своего русла в сторону Степанова лужка, и в речном песке обнажилась сводчатая кладка из почерневшего узенького кирпича. Потом река вернулась в свое ложе и снова запрятала-затянула тайну на своем дне мелким желтым песком.

Да вот и недавно, года два назад, случилось в селе загадочное происшествие, опять напомнило былую тайну. На крайней усадьбе, старика Мокея, вдруг за одну ночь исчез, как его и не было, старый пруд. Еще с вечера, на

зорьке, сидели в ивняках пацаны с удочками, а утром... Утром один ивняк и остался, а вместо пруда — илистая чаша с воронкой посередине, да бьются в иле золотые караси. Не успел народ сбежаться, а уж и той воронки нет, сравнялось дно расползшимся илом, затянувшим дыру, а к осени оно и вовсе травами заросло. Такие вот дела. Загадочные...

Настоятель храма, отец Леонид, тоже Андрею как-то признался, что спускался в холодные церковные подвалы, обошел со вниманием все лабиринты, даже нашел в одном месте пробитый мечом ли, саблей ли, съеденный ржавчиной боевой шлем, но тайного входа в подземелье так и не сыскал...

— А чего ты там забыл, батюшка поп? — спросил его тогда Андрей.

— Прискорбное событие позвало, — как-то смущенно пояснил отец Леонид. — Еще до вашей службы, Андрей Сергеич, заперся в храме окаянный пьяница и выкуп потребовал в виде ящика с водкой. А спустя малое время таинственно исчез, следов за собой не оставив.

— Подумаешь, событие — пьяница исчез. По мне, так...

— Не в том прискорбие. А в том, что в один час исчезло вместе с ним кое-что из церковного имущества. Весьма древнего и ценного. Надеялся сыскать...

Отец Леонид был молод, носил красивую бородку и волнистые кудри до плеч. Ровный характером, всегда с приветливой улыбкой и добрым словом, бывал, однако, крут. Застав как-то Мишку Куманькова (это еще прошлым летом случилось), когда тот царапал на церковной ограде гадкое слово, отец Леонид сломил хлыст орешника, перекинул Мишку через колено и на глазах его дружков провел справедливую экзекуцию.

Мишка сдуру «батьянке» своему нажаловался, но тот ему со своей стороны нещадно добавил.

Тут уж мушкетеры ошетинились, злую шкodu задумали. Сперли где-то здоровенный брикет кормовых дрожжей да и плюхнули его в сортир служителя культа. Дело было в самую жару и, кто понимает, привело к натуральной экологической катастрофе. Пришлось вызывать пожарную ко-

манду, чтобы ликвидировать ее последствия. Пожарники посмеялись, постояли с наветренной стороны, брезгливо поморщились и уехали.

Отец Леонид тоже посмеялся. Потому что Куманьковы были по селу его «нижними» соседями, и все забродившее содержимое выгребной ямы неудержимым зловонным половодьем затопило их усадьбу. Просчитались мстители. И пришлось Мишке опять скрываться в лесах. И батянька его, опять намотав ремень на руку, безуспешно рысил по окрестностям в его поисках.

Вот с той поры вспыхнула и все никак не гаснет вражда между православным батюшкой и Мишкой Куманьковым, который отца Леонида иначе как «мракобесом» не называет. В последнее время вражда притихла, в подполье ушла, но не растворилась в деревенских буднях. Ждала своего часа...

Проходя вдоль церковной ограды, Андрей помахал отцу Леониду — тот, высоко задрав подол рясы, складывал в карман звенящую связку ключей и сделал участковому знак: подожди, мол, разговор есть. Подошел, улыбаясь, охотно показывая ровные, чистые зубы. Они с Андреем были одного возраста, относились друг к другу с симпатией.

— Я в недоумении, Андрей Сергеевич, — сердито, сбросив улыбку, начал священник. — Вы прискорбно невнимательны к церкви!

— Как это? — опешил участковый. — Посты, что ли, не соблюдаю?

— Я имею в виду ваше профессиональное внимание, — не принял шутки отец Леонид. — Да-да. Вы обязаны добиться организации постоянного милицейского поста у церкви. Или какого-то другого вида охраны. Для верующих — это храм, а для всех остальных — музей. Музей с бесценными, невозполнимыми при утрате произведениями искусства. Ведь у нас почти все иконы старинного письма, есть даже мастера школы Феофана Грека. А книги? Евангелие в чеканном по меди футляре — ему поистине нет цены, нет равного. Впрочем, в Дубровническом музее имеется подробная опись — вы бы ознакомились с ней при случае, если моя тревога вас не убеждает...

— А что такое? — обеспокоенно перебил Андрей. — Есть какие-то сигналы?

— Да нет, сигналов пока нет. Есть просто вполне естественное беспокойство о судьбе бесценных сокровищ. — Но тут отец Леонид немного нахмурился, словно припоминая. — Хотя, как сказать... Старик Силантьев жаловался, что его иногда по ночам какой-то стук донимает. В подвале.

— Какой стук?

— Будто ходит кто-то, так он объяснил. И железной клюкой постукивает.

— Барабашка с Кикиморой, — успокоил Андрей батюшку.

— В храме их не бывает, — серьезно возразил отец Леонид.

— И вот еще что... — отец Леонид, появившись в нерешительности, достал из кармана клочок бумаги. — Это обнаружилось среди записок, которые подают верующие... Ну, знаете, «поминальные», «во здравие»...

Андрей развернул бумажку, прочел: «Радуйся, батюшка. Скоро тебе будет сюрприз! Мало не покажется».

— Детской рукой, похоже, писано, — проговорил Андрей.

— Не обязательно, — возразил священник. — У нас и среди взрослых такие «грамотеи» имеются.

— Не понимаю, — признался Ратников. — Озорство, скорее всего. Я так полагаю: если кто-то что-то замышляет, так зачем ему об этом сообщать? И что это? Угроза, предупреждение? Не понимаю.

— Я — тоже, — кивнул отец Леонид. — Потому и тревожусь. Ведь храм уже однажды грабили...

«Вообще-то, — подумал Андрей, — он прав. Конечно, дверь запирается надежными запорами, решетки на окнах — трактором не сорвешь, есть звонковая сигнализация. Иван Савелич в церкви ночует. Все так. Но для умелых воров — это не преграда. Сторож всю ночь мышшей храпом пугает, запоры для опытной руки — одна забава, а звонки сигнальные — вообще для пьяных дураков».

— Слушай, может быть, самое ценное домой заберешь? — предложил Андрей. — Книги там, подсвечники, Евангелие... в этом, в футляре...

— Что вы, Андрей Сергеевич! Дом у меня деревянный, на окнах даже ставен нет — это риск еще больший. Да и не положено.

Андрей сдвинул фуражку на лоб, поскреб пальцем затылок:

— Да, батюшка поп, задачка есть. Надо решать.

— Вы, батюшка участковый, — назидательно передразнил отец Леонид, — решайте, пожалуйста, побыстрее. Наднях мне предстоит быть в отъезде. Хотелось бы иметь спокойное сердце.

— Ладно, Леня, буду думать...

Тревога священника затронула участкового. Но что принять в этом деле, он пока не знал. Действительно, налетят какие-нибудь бандюки залетные, ограбят церковь и в лесах скроются — ищи их там. Да и среди своих может тать церковный нарисоваться. Засела, словом, опаска в сердце. Как заноза.

Андрей обогнул церковь, поглядывая на ее окна — беззащитные, теперь казалось, — направился к школе.

Школьный двор пуст. Начал уже зарастать густой «гусиной» травкой. В углу двора, под навесом — стопка кровельного железа, мешки с цементом, тес, немного «вагонки».

Непривычная тишина. Каникулы. Один директор на посту. Сидит в окошке, чай пьет — у него тоже каникулы. При виде участкового поморщился — не иначе жаловаться будет.

— Что тихо-то? — спросил Андрей. — Где твои ремонтники?

— Ремонтники... — Арсентий Ильич пренебрежительно фыркнул. — Они, как про оплату услышали, так их ровно ветром снесло. Куманьков вообще выразился: я, мол, за такие деньги и с печки-то не слажу.

— Это так, — Андрей присел на приступочку, снял фуражку. — Он с печки только по нужде да за стол перемещается. И то — если на столе бутылка.

— А ведь столяр отменный.

— Да у него и сын рукастый.

— Мишка-то? Хулиган этот? Вот не знал.

— Ты, Ильич, почему-то вообще о своей братве мало знаешь, — вздохнул Андрей.

— Я одно знаю, — директор тоже вздохнул. — Скорей бы они школу кончали. Пусть ими тогда милиция занимается.

— Это правильно, — кивнул Андрей. — Брак ваш, а доработка наша.

— Брось, Сергеич, — примирительно сказал Сентя. — Ты глянь, погода какая славная. Церковь аж светится.

Оно и правда. Словно купался храм в солнечных лучах, светился.

«Вот ведь работа у меня, — с горечью подумалось участковому. — Нет чтоб посидеть, полюбоваться, хорошим мыслям порадоваться... Для кого — красота, вера, храм, а для кого — объект охраны».

— Хороший у тебя вид отсюда, Ильич, — сказал Андрей. — Церковь — как на ладони.

— Веришь ли, каждый день с утра до вечера люблюсь...

«Ну да, — с завистью подумал Андрей, — у тебя ведь тоже каникулы».

— И знаешь, Сергеич, сначала первые лучи на кресты ложатся, а те аж загораются золотом в синем небе. — Оказывается, и у Сенти в душе что-то нежное есть. — А потом начинают купола сиять, а свет все ниже скользит, — и вот весь храм озаряется. И стоит веселый, будто светом умытый. Будто не сотни лет назад, а вчера его построили. — Директор даже про чай забыл. — А к вечеру, Сергеич, солнце аккурат за церковью садится. Небо синее, а на нем четкий такой силуэт, и лучи из-за него вверх стремятся. Красиво. Задумчиво. Настраивает. — Сентя вздохнул и взял стакан с подоконника.

— Поэтично, — улыбнулся Андрей. — И прихожан отсюда видишь, да? И все, что в ограде, замечаешь?

— А это вы к чему?

— А к тому, Ильич, — уже серьезно попросил участковый, — что такую красу беречь надо. Если что недоброе углядишь, дай мне знать.

— Что так?

— Да так... — уклонился Андрей, — на всякий случай. Поглядывай, все равно у тебя каникулы.

Сентю намека обидел.

— Это, Сергеич, со стороны глядя — каникулы. А дел — голова гудит.

— Ты к ремонту старшие классы привлеки. И польза для школы, и ребята при деле будут.

— Ага, эти помогут... После ихнего ремонта новую школу строить придется. На развалинах старой.

— Как знаешь, — Андрей встал, взял фуражку. Попрощался.

— А за лошадь ты не переживай, — сказал ему вслед директор. — Удрал Воронок от Тулигена. Где-то в лесах шляется. Если его волки не задрали. И еще скажу, насчет прихожан... — в голосе его почувствовал Андрей вредное ехидство. — Молодеют прихожане.

— Это как? — Андрей обернулся.

— А вот так! Челюкановы хулиганы возле церкви крутятся. Гляди, участковый, как бы они тебе работы не прибавили. Андрей не ответил, только головой покачал.

Андрей шел теневой стороной улицы, под цветущими липами, в которых жужжали пчелы. И какая-то птица четко и умело высвистывала: «Ты Витю не видел?» Помолчит — и снова: «Ты Витю не видел?» — озабоченно так. А потом, через паузу, с ужасом: «Ничего себе! Ничего себе!» Видать, у Баранкиных во дворе подслушала и запомнила. Витя ихний иной раз таким красавцем домой явится, что мать только руками разведет и ахнет: «Ничего себе!»

Улыбнулся Андрей, а на душе неуютно как-то. Будто отложил на завтра важное дело. А завтра может поздно стать.

Из калитки Серегиных выскочила Галка. Андрей вспомнил, что надо бы зайти к ним, поторопить хозяина продлить лицензию на охотничье ружье.

Дом у Серегиных был на селе одним из лучших — хозяин на все руки горазд. Семья вообще была крепкая, непьющая, дружная. Все у них в лад делалось. Непонятно, почему Галка так задружилась с мушкетерами-хулиганами. Наверное, потому, что сама хулиганкой росла, видать, из-за семейной скуки и порядка.

Вот и сейчас — поскакала шальной козой вдоль штакетника. Шуганула разлегшегося на дороге кота, поддала ногой выкатившийся за калитку мячик, подпрыгнула, сорвала с ветки и прикусила молоденький липовый листок.

Что-то напевала, головой вертела, как любопытная птица, увидела Андрея — смутилась. На две секунды.

— Здрасьте, Андрей Сергеич, — улыбнулась всеми веснушками. — Вы к нам? А у нас — никого. Папка с мамкой на огороде, а Галка — в магазин. — Она тряхнула сумкой, в которой что-то неожиданнобрякнуло.

— Проводить? — усмехнулся Андрей.

— Не заблужусь! — засмеялась Галка и поскакала дальше.

Только не в магазин. В магазин ведь с пустой сумкой ходят. Не деньги же у нее там гремят.

Посмотрел ей Андрей вслед, и снова сердце тронула мягкой кошачьей лапкой неясная тревога.

Ратников завел мотоцикл, подъехал к дому отца Леонида и посигналил.

Отец Леонид, одетый в скромный черный костюмчик, заслышав сигнал, вышел на крыльцо и приподнял в приветствии шляпу, отчего старательно забранные под нее кудри снова рассыпались по плечам. Он опять терпеливо заправил их под шляпу и спустился с крыльца, прихватив небольшой чемоданчик.

— Что это ты, батюшка поп, так налегке? — усмехнулся Андрей.

Отец Леонид охотно улыбнулся в ответ, молвил, наставительно подняв палец:

— «И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни суммы, ни хлеба, ни меди в поясе...»

— Ладно, садись, командированный по делам божиим, — Андрей перегнулся с сиденья, откинул в коляске фартук и достал второй шлем: — Меняй головной убор.

Выезжая из села, обогнали команду мушкетеров в полном составе. А Галкина сумка, заметил участковый, уже у Кольки.

Вредный Мишка, подражая Остапу Бендеру, коротко свистнул и крикнул им вслед:

— Эй, мракобес, почему опиум народу продаешь?

Андрей, не останавливаясь, погрозил ему кулаком и заметил в зеркальце, как Галка начала что-то строго выговаривать Мишке, а тот стал смущенно оправдываться.

— Не докучают они тебе? — спросил Андрей священника, когда выехали за село и углубились лесной дорогой в чащу. — Атеисты...

Отец Леонид покачал головой:

— Нет, какая тут докука. Озоруют немного, по молодой глупости. Поумнеют, выправятся. Терпение к ним нужно да доброе слово...

— Зоркий глаз и твердая рука, — неожиданно для себя продолжил Ратников.

В лесу было свежо, сыро. В колеях местами стояла черная вода, укрытая отсохшими ветками, листвой и хвоей. Пахло лесной прелью и грибами, хотя до них еще было далеко, не поспело грибное время.

Андрей вел мотоцикл медленно, осторожно, пригибаясь порой, чувствуя, как царапают шлем еловые лапы.

— Андрей Сергеевич, а ведь эти отроки в храм стали заглядывать. Добрый знак.

— Насмешничают?

— Не знаю, это не при мне было. Сторож сообщил... Что ж, к вере не каждый сразу обращается. Однако чем труднее и дольше к ней путь, тем она искреннее и крепче.

— Тебе видней, — кивнул Ратников. — А вот скажи... Ты подземный ход, что от церкви за реку идет, дотошно искал?

Отец Леонид сокрушенно вздохнул:

— К прискорбию своему, должен признаться, что не единожды проявлял недостойный моего сана интерес к мифическому подземелью. Допустил соблазн до любопытного сердца, однако без результата. За рекой, ясно, не бродил, под камни не заглядывал, а в храме, прости меня, Господи, каждый уголок осмотрел и оцупал собственными перстами, памятуя в надежде: ищущий обретает, и толкующему отвержется. Слух, правда, потом уловил, что на погосте искать надобно, из старого склепа начало он берет. Но уж на это не отважился...

Вскоре лес незаметно сменился дубовыми рощами, и появились первые домишки Дубровников.

— Где тебя высадить?

— Если не обременительно, то у гостиницы.

Обратной дорогой Ратников свернул с шоссе под указатель «Музей-усадьба «Шувалово», проехал длинной аллеей, мощенной стершимся булыжником, на котором играли солнечные зайчики, пробившиеся сквозь обильную листву старых громадных лип. Остановился у здания музея — бывшей загородной графской усадьбы.

Здесь все дышало ароматом старины: пузатые колонны на фасаде дома, узкие высокие окна, литые фонари в ряд, широкое ажурное крыльцо с полукруглым подъездом и пандусом для неповоротливых карет.

Андрей поднялся по широким, выбитым временем ступеням. Потянув на себя массивную, с бронзовым кольцом вместо ручки, дверь, вошел внутрь и поднялся по лестнице, огражденной, как стражами, мраморными статуями, в кабинет директора музея. Постучал в дубовую дверь.

Староверцев — директор музея — привстал ему навстречу, удивленно, обеспокоенно рассматривая его фуражку и форменный плащ. Вдохнул, предложил сесть.

— Я из Синеречья. Участковый инспектор Ратников.

— Очень приятно, — машинально отреагировал на представление Афанасий Иванович. — Чем могу быть полезен?

Андрей попросил рассказать ему о синереченской церкви и показать, если можно, опись ее имущества. Староверцев разыскал нужную папку, предупредил, что опись не полная, и, пока Андрей просматривал по всем разделам длиннющий — в шестнадцать страниц — список и изучал пометки и примечания, охотно рассказывал о церкви.

— С точки зрения архитектуры, оформления, внутреннего убранства, — говорил он ровным, монотонным голосом лектора или экскурсовода, — Спас-на-Плесне действительно уникален. — Староверцев сделал паузу, улыбнулся: — К тому же овая древней легендой. Подземелья, несметные сокровища, сокрытые в нем...

— Я тоже слышал о подземном ходе. Мальчишкой даже пытался отыскать его, — признался Андрей.

— Вот, вот! История церкви богатейшая. В древности, в грозную пору, в ней прятались и оборонялись от врага и даже при необходимости уходили этим подземным ходом в леса, в непроходимые болота, где можно было временно укрыться от противника, собраться с силами...

— Он не сохранился, не знаете? — перебил Андрей.

— Да вряд ли. Может, лишь частично. Со стороны церкви он еще в прошлом веке был капитально заложен, да и обвалился. Его ведь не крепили. Он, видимо, образовался полустественным, так сказать, образом, когда брали камень для городских построек. Его теперь и не найдешь. К тому же он дважды проходил под руслом реки, значит, наверняка уже затоплен. Впрочем, минутку, — Староверцев обернулся и крикнул в приоткрытую в соседнюю комнату дверь: — Олечка, найди, пожалуйста, розовую папку — «Синереченская церковь».

— Сейчас, Афанасий Иванович, — отозвался женский голос.

— Что-то я про это читал. — Староверцев нахмурил лоб, припоминая. — Про клад-то ничего конкретного не слышал, а предание о тайном подземном ходе мне попадалось.

— Вот, Афанасий Иванович, — в кабинет вошла девушка и положила на стол толстую папку, — нашла.

Староверцев стал торопливо перебирать подшитые бумаги. Их много было: пожелтевшие от времени и новые, совсем незамятые.

— Ага! Нашел! — он вынул из зажимов ксерокопию листа из старинной летописи. — Слушайте: «И бысть тогда сеча быстра и кровава. И падали вои русичи яко рожь под серпом. А кои успеваха бежать меча и копыя ордынско-ва спасались во храме Божиим. И вошед во храм тамо исчезахо. Понеже бысть в стене оного тайна дыра. И открываха ея и оттоле тишина велика и хлад земной и ступени во чрево земное. И престаше татарове воевати да почали искать пропавшего люда. Тако не найде...».

Андрей слушал эти слова со вниманием.

— А точнее там ничего не сказано? Где эта «тайна дыра», в какой стене? Каким волшебным словом открывается?

— Нет, к сожалению, — вздохнул директор и вложил листок в папку, — это единственное упоминание о подземном ходе.

Андрей еще раз просмотрел опись и вернул ее Староверцеву.

— Это ведь все очень ценные вещи, верно?

— Бесценные, — подчеркнуто отрезал Староверцев. — Бесценные. Меня, признаться, беспокоят ваши вопросы. С ними что-то случилось? Им ничто не угрожает?

— Нет, не случилось. Просто мне надо быть в курсе дела — церковь ведь на моем участке. — Андрей встал, прощаясь. — Афанасий Иванович, если вдруг что-то обнаружите в архивах, дайте мне знать. А я, в свою очередь, обещаю: если найду клад, с вами поделюсь.

— Ох, кстати было бы, — поддержал шутку Староверцев. — Мы бы тогда здание отремонтировали, потолки, вон, второй год текут. А средств нет, — Афанасий Иванович, подровняв бумаги в папке, закрыл ее, завязал тесемки, вздохнул. — Да, народ-то сейчас по музеям не ходит, о прошлом не думает. Его больше будущее, завтрашний день тревожит.

Что там народ тревожит — Андрей не хуже Афанасия знал.

2

— Значит, так, — скомандовал Колька, — мы с Михой на дело идем. Галка с Кроликом Ратникова отвлекают. Он нам помешать может.

— А как? — спросил Кролик. — Как отвлекать? В конторе стекла побить?

— Мелькайте перед ним почаще. Чтобы нашего отсутствия не заметил. Мельтешите. Будто мы все четверо у него на глазах.

— Колян, — предложил Миха, — надо подстраховаться.

— От чего? — удивился Челюкан.

— От чужих ночных глаз, — загадочно объяснил Миха.

Челюкан на секунду задумался.

— Точно, Миха. А как? — Он хорошо знал: раз Куманьков предлагает, значит, уже решение сообразил.

— Я, Колян, слух пушу. Чтоб по ночам покрепче запирались и носы из дворов не высовывали.

— А какой слух? — на всякий случай спросила Галка. — К нам едет ревизор, да?

— Крокодил! — гаркнул Миха. — Слух будет страшный! Даже ты испугаешься.

По возвращении в село, Ратников что-то почувствовал. Казалось: назревает либо коллективная пьянка с последующим мордобоем, либо — наоборот — сперва мордобой, а после него — примирительная пьянка. А может, и еще что-нибудь, не хуже. То есть, не лучше...

— Здравсьте, Андрей Сергеич! — обогнала его Галка Серегина, заглядывая в лицо, улыбаясь. — Как поживаете?

— Спасибо, хорошо, — улыбнулся Андрей в ответ.

— До свидания, Андрей Сергеевич! — и Галка свернула к магазину.

Андрей коротко взглянул ей вслед и чуть не вздрогнул, когда за спиной раздалось:

— Здравсьте, дядя Андрей! — обогнал его Васька Кролик.

— Привет.

— До свидания, дядя Андрей.

Так... Кто следующий? Челюкан или Куманьков?

Ни тот, ни другой. Второй на карусели круг пошел. Андрей уже подходил к Корзинкиным, как его опять догнала Галка и что-то вежливо спросила.

Андрей не успел ответить. Зазвенел велосипедный звонок, взвизгнули на тормозе колеса — едва не налетел на него Кролик — уже на чьем-то велосипеде.

Он обходил село до самого темна, и до самого темна мелькали перед ним то Галка, то Кролик — то по очереди, то вместе.

«Неспроста это все, — подумал Андрей, затевают что-то». И тут же разозлился на себя за дурную подозрительность.

— Сначала в церковь, — сказал Колька. — Изучим еще раз обстановку.

— Там служба сейчас идет, — батюшка вернулся, — сказала Галка. — Народу много.

— Ничего. Постоим со всеми, а потом немного задержимся. Поглазеим.

— Если получится, — задумчиво сказала Галка, — новую школу построим.

— Еще чего! — взвыл Мишка. — Может, и тюрьму еще?

— Новую школу строить не будем, — деловито решил Колька, — а на старую денег Сенте дадим. Пусть подавится.

— Сенте? Да ни копейки! Ты знаешь, что он задумал? Школу приватизировать.

— На хрена?

— Гимназия будет, частная. Платное обучение введет. Я сама слышала, — точнее, конечно, подслушала, — я сама слышала, как он Марье хвалился: «...платная форма обучения в шадящем режиме».

— Во дает! А это что за зверь, Серега?

— Ну, кто деньгами будет платить, а кто не сможет — продуктами с огорода, молоком, салом.

— Все! — решил за всех Колька. — Мы сами школу приватизируем. И за учебу ученикам платить будем. А на остальные деньги...

— Пока они все учатся, — поспешно вставила Галка, — мы путешествовать поедем.

— Точно! — Кролик аж подскочил. — В этот... как его... А! В Сансет-бич. Посмотрим, какие там тайны. И как там богатые плачут.

— Дурак! — осадил его Миха. — В Австралию поедем. Аборигенов наловим и сюда привезем.

— На хрена? — уставился на него Колька. — У нас своих хватает.

— В лес их выпустим, — размечтался Миха. — Пусть размножаются.

Как выяснилось позже, Куманьков наивно полагал, что аборигены — это просто другое название кенгуру.

Тут разговор вообще в мечтанья перешел. Каждый высказался. По мечтам этим получалось, что клад размером должен быть примерно со школу. И весь чистого золота.

— Все сказали? — подытожил Колька. — Пошли в церковь.
— Заодно и помолимся, — сострил Кролик.
— Я из тебя шапку сделаю, — пообещал ему Колька. —
Пошли.

Над селом пролился легкий колокольный звон. Служба заканчивалась. Ребята нерешительно потоптались на паперти, Колька заглянул в открытую дверь, поскреб макушку и махнул рукой: мол, что мы, не люди?

Вошли, стайкой притулились, толкая друг друга локтями, у свечного ящика.

Отец Леонид завершал службу. Торжественно и величаво плыл под гулками сводами его неспешный красивый голос. Ладно и красиво вторили ему прихожане, крестились, кланялись.

Мерцали свечи, затаенно светили огоньки лампад, грустью и мудростью были полны божественные лики.

Казалось, что все происходящее собирается здесь, под сводами, во что-то доброе, единое, чистое и неудержимо устремляется ввысь, уходя, зарождает надежду, укрепляет веру, вселяет любовь...

Ребята, очарованные происходящим, забыли, зачем пришли. Они вслушивались в неясные им слова молитв и, казалось, начинали понимать их глубинный смысл...

Служба закончилась. Все стали не спеша расходиться, опять крестились и кланялись.

Отец Леонид, закрывая молитвенники, увидел ребят, подошел к ним.

— Здравствуйте, батюшка, — за всех сказал Колька.

Священник приветливо улыбнулся, осенил всех крестным знамением.

— Мы некрещенные, — уточнил Колька. — Атеисты.

— Ничего, — отец Леонид опять улыбнулся, — не повредит.

— Посмотреть зашли, — пояснил Колька. — Послушать.

— Кто ж возбраняет? — отец Леонид стал собираться. — Приходите и впредь. — Попрощавшись, он скрылся в приделе.

Ребята обошли церковь, не столько пытаясь «изучить какую-то обстановку», сколько любуясь красотой, которая им вдруг открылась.

Пришел сторож — старик Савелич. Мягко шаркая валенками, стал собирать огарки свечей, а потом взялся за уборку, недовольно и недоверчиво поглядывая на ребят.

Они неохотно вышли на паперть, постояли молча.

Вышел из церкви и Савелич, загремел недовольно ключами.

— Опять слетелись, басурмане? — спросил, обернувшись. — Других мест вам нет, хулиганничать?

— Помолиться заходили, — с вызовом сказал Мишка. — Нас батюшка благословил.

— Благословил... — проворчал сторож. — Я бы вас благословил — лопатой повдоль спины. Вам едино, где глотки драть да охальничать. Этот храм наши предки собою обороняли, а вы тут...

— Чего мы тут? — не выдержал Колька. — Твой, что ли, храм? Он — Божий! А мы все под Богом ходим, понял? Вот скажу батюшке, что ты нас из церкви гонишь, — будет тебе... повдоль спины.

— Фулюган, — добавил Мишка для комплекта. — Старый. Абориген.

По домам расходились молча, почему-то недовольные друг другом. Что-то смущало. Почему-то казалось, что они кого-то обманывают. Будто впустили их добрые люди в свой теплый дом переночевать, а они в этом доме высматривали, что бы такое в нем украсть подороже и поценнее. Или какую-нибудь пакость сделать.

А непримиримый Мишка вдруг пробормотал:

— Вообще-то, по справедливости, клад надо в церковь вернуть. Попа обрадовать...

Никто из ребят ничего ему не ответил.

С дежурства в райотделе Андрей вернулся под утро.

На скамеечке у его калитки уже терпеливо сидела старуха Чашкина, дожидаясь участкового.

— Что скажешь, Евменовна? — вздохнул Андрей. Ему хотелось спать, а не выслушивать очередные бредни.

Бабка тоже вздохнула. Начала с комплимента:

— Камуфлет у тебя какой ладный. И идет тебе.

— Камуфляж, — машинально поправил Андрей. — Чем порадуешь?

— Хотела бы чего-то хорошее сказать, да негде его взять. — Понижила голос до шепота: — Неладное что-то у нас в селе назревает. Что-то нечистое завелось... К ночи спина у меня разболелась, так и ломит, аж стреляет...

— Это к доктору надо, — отмахнулся было Андрей и попытался проскочить в калитку. Не вышло, бабка за рукав ухватила, усадила рядом.

— Ты дослушай сперва, а потом распоряжайся... Вот ломит спину со всех сторон, ни уснуть, ни забыться. Вертелась, вертелась с боку на бок. Не стерпела. Дай, думаю, на крыльце посижу, авось полегчает. Вышла. Ночь темная, ни звезд, ни месяца кругом нет. Глядь, а на кладбище светится. Будто меж могил свеча плавает. Аккурат в самую полночь. И тут же как филин гугукнет. А за ним собака завывает. Испугалась я. Спине-то враз полегчало, да ноги отнялись. К тебе побежала. С самой ночи тут сижу, тебя дожидаясь. Ой, смотри, Андрюша. Неладное на селе таится. Нечистое. Кабы большой беды не случилось...

— Спасибо, — сказал Андрей, похолодев от предчувствия. — Не беспокойся. Я тебя в обиду не дам. До дому-то проводить?

— Дойду, — бабка с кряхтеньем поднялась. — Светает уж, теперь не страшно.

С утра Андрей в первую очередь пошел в церковь. Она была еще закрыта, и Андрей постучал в то окошко, за которым, в каморке, ночевал сторож.

Савелич отворил дверь, стал на пороге, зевая, спросил:

— Сергеич, ты? Чего так рано? Или на душе смурно?

— Когда батюшку ждешь?

— К полудню нынче.

— Пусти-ка меня внутрь.

Вошли в притвор. Слева — каморка, где ночевал сторож. Справа, за обитой железом дверью, — еще одна.

— Ключи от нее есть?

— А как же, — Савелич выпростал из кармана обильную связку больших ключей, выбрал нужный и отпер дверь.

Здесь что-то вроде кладовки. Аккуратно составлены старые скамьи, в углу — швабра, лопаты, метла, ведра.

Андрей внимательно осмотрел помещение, особенно — пол. И ничего особого не углядел. Пол выложен каменными плитами, подогнанными одна к одной так, что в щель и муравей не пролезет.

— Я слышал, в церкви подвал есть. Как в него попасть?

— Отсюда никак. Только снаружи.

Вышли из церкви, обошли ее к западной стороне, спустились вдоль стены по разрушенным ступеням. Здесь была дверь из металлической решетки. Сторож отпер ее. Она отворилась с визгом и ржавым скрипом. Вошли в подвал.

Андрей включил фонарик. Да, чтобы здесь что-то найти, нужен бульдозер. И экскаватор. Помещение до полукруглого свода было завалено старыми могильными крестами, обломками памятников со стершимися надписями, битым кирпичом.

Луч фонарика обежал мохнатые от пыли стены, скользнул немного вверх и наткнулся на отверстие, размером с форточку.

— Что за дыра? — Андрей повернулся к сторожу, стоящему в дверном проеме.

— А это, милоч, дымоход был. Прежде тут печь стояла, и чтобы лучше грела, дымоход пустили внутри стен. Он всю церкву обходит. Очень толково придумано.

Андрей вскарабкался по груде битого кирпича к отверстию, пустил в него луч фонарика. Тот пометался меж закопченных камней и затерялся вдали. Вполне возможно, что где-то там он соединяется с таинственным подземельем. Но пролезть туда может только кошка. Очень глупая притом. Или пацан, худенький. И тоже глупый.

Савелич будто прочитал его мысли.

— Тута вчерашним днем пацанва крутилась. Тоже в церкви все разглядывала. Шепталась. Шуганул я их.

— Какая пацанва?

— Челюканова банда. В полном, милоч, составе.

— Ты вот что, дед, — предупредил Андрей старика, — о наших делах, о разговорах — никому ни слова.

- И батюшке?
- И батюшке.
- Не сомневайся, Сергеич. Службу знаю.

В тот же день Ратников маханул в музей.

Староверцев уже собирался уходить. Он церемонно поздоровался и заметил:

— Меня начинают тревожить ваши визиты, Андрей Сергеевич.

— Я позже все вам расскажу, — пообещал Андрей. — И, надеюсь, вы узнаете очень много интересного. И я отвечу вам на все ваши вопросы. У вас их будет много. А сейчас...

— Да-да, — засуетился Староверцев. — Я отчасти выполнил вашу просьбу. — Он переверорошил бумаги на столе, нашел нужную. — Просмотрел все наши архивы, чтобы найти хоть что-то, относящееся к данному вопросу. Сведения очень скудные. Но интересные. Вот отрывок из семейной переписки Шуваловых. К сожалению, ни автора письма, ни адресата установить не удалось — письмо без начала и без конца, — но это значения в данном случае не имеет. Важен факт...

«Как бы его вежливо остановить? — думал Андрей, — Он так до ночи не доберется до сути».

— ... А факт, голубчик, вот какой. Я вам процитирую этот отрывок. «Папинька теперь покоен. А что до меня, то эта его идея, казавшаяся прежде смешной и нелепой, согласись со мной, нынче представляется и остроумной, и своевременной. Времена настают беспокойные, и такого рода убежища, такого рода хитрости, как пустотелый постамент под саркофагом, становятся не токмо полезными, но и необходимыми устройствами...» — Староверцев поднял на Андрея глаза, произнес значительно: — Надеюсь, вы понимаете, что речь идет о склепе на кладбище вашего села? И вполне возможно, что не только сам постамент пуст изнутри, а и под ним тоже пустота...

— И никому это за много лет не пришло в голову? — с некоторым сомнением сказал Андрей.

— Друг мой, да как можно! Громадный мраморный монолит на львиных лапах! — кто может подумать? У него

стотонный вид. А между тем... Я полагаю, что этот склеп, так сказать, врезали в подземный ход на его изгибе, в непосредственной близости к церкви. И через полый постамент спускается в подземелье что-то вроде отвесного колодца. Но, подчеркиваю, это только мои предположения.

— Надеюсь, Афанасий Иванович, что вы ни с кем больше не делились этими предположениями?

— Ну что вы, голубчик! Как можно!

— А если вдруг кто-то заинтересуется...

— Я отворюсь незнанием, — продолжил его фразу директор, — и тут же сообщу вам.

— Спасибо, Афанасий Иванович. Надеюсь скоро порадовать вас. Кладом.

— Постойте, — вдруг спохватился директор. — Не знаю, будет ли вам это полезно, но как-то нас посещала очень милая девочка. Девушка, — подумав, поправился он. — И тоже интересовалась этими вопросами.

— Кто такая? — спросил Андрей, уже догадываясь об ответе.

— Знаете, — растерялся Афанасий Иванович, — она не назвалась.

— Как выглядит?

— Очень неплохо, я бы сказал!

— Конкретнее, Афанасий Иванович, — улыбнулся Андрей.

— Веснушки. Ямочки, когда улыбается. Волосы вьются. В брюках и кроссовках.

На Колькиной терраске полумрак. Чуть светит прикрученным фитилем керосиновая лампа. Да заглядывает издалека, едва поднявшись над краем леса, полная красная луна.

Лица ребят бледны в этом мраке, лишь блестят глаза отражением дрожащего в лампе огонька.

— Пойдешь с нами, Кролик?

— Чуть что — так сразу Кролик. — Васька привычно заныл. — Я вас здесь подстрахую.

— У него над жадностью страх возобладал, — по-умному произнес Мишка, который любил новые слова. И перевирал их по-своему.

— Вот пусть на шухере и постоит, — решил Колька. — За могилкой спрячется.

— У меня сегодня уши болят, застудил.

— В лоб или в уши? — деловито спросил Колька.

— Право выбора — за тобой, — подначил и Мишка.

— Выбирай в лоб, — посоветовала Галка. — В лоб — один раз, а в уши — два. Если по разу в каждое. — И не дожидаясь Васькиного решения, сказала: — Я вместо него с вами пойду. А Васька пусть здесь посидит. Если вдруг Ратников зайдет, скажет: ребята на рыбалку ушли, с ночевкой.

— Ладно, — согласился Колька. — Встречаемся у церкви. Миха, собирай инструмент.

Колька приложил ладонь к краю лампового стекла, дунул.

Андрей решил осмотреть склеп ближайшей ночью, не откладывая. Во-первых, чтобы его не опередили. А во-вторых, чтобы никто из односельчан не увидел, засмеют потом. Или в психбольницу сообщат.

Около полуночи он надел черный камуфляж, натянул маску-шапочку, чтобы не белеть лицом во тьме, взял монтировку и фонарик. Батарейка в нем уже подседа, не очень-то он светом радовал, да, может, оно и к лучшему — со стороны не так приметно будет.

Вышел за околицу, далеко полем обогнул село, добрался до кладбища. Жутковато было. Что-то ему все время чудилось: то шаги, то шепот, то будто чьи-то зубы лязгали. А потом вдруг колокол на звоннице ожил, филин заухал. Словом, самая подходящая полночь, чтобы по кладбищу бродить и в могилы заглядывать...

Первая неожиданность — болт, которым была завинчена дверца ограды, ровно срезан; вторая — замок на входе в склеп висит на обрезке дужки. «Неужели опоздал?» — мелькнула тревожная мысль.

Спустившись в склеп, Андрей включил фонарик, осмотрелся. Но никаких заметных следов пребывания поисковиков не обнаружил. Только следы ног на пыльном полу.

Постамент — это было видно — стоял на своем месте. И на своем месте стоял на нем медный саркофаг. В него

Андрей заглядывать не стал — зачем тревожить чей-то прах, если он там есть.

Подсунул монтировку под постамент меж двух львиных лап, чуть приподнял ее и нажал. Каменный, на вид тяжеленный монолит, неожиданно легко сдвинулся по полу — заскользил. Лапы оставили на пыльном полу свои следы.

Андрей поднажал еще, еще — и сдвинул постамент в сторону. Под ним обнаружилось квадратное отверстие в полу — небольшое, но достаточное, чтоб пролезть человеку.

Наклонился над ним — оттуда дохнуло холодом — посветил фонариком: крутые, никем не хоженные ступени. Идут в самую глубину и холод.

Вздохнул и начал спускаться. Оказался будто в маленькой каморке. Из нее вправо и влево шли два сводчатых, низких прохода. Свет фонаря терялся в них.

Направо пойдешь... Налево пойдешь...

Андрей прикинул, в какой стороне церковь. Пошел правым ходом. Пригибался, иногда касаясь плечами холодных, влажных, заплесневелых стен.

Шел, осторожно ступая, стараясь не шуметь, но все равно его шаги гулко отдавались в узком затхлом пространстве, и этот звук убегал вперед, будто звал за собой, затихая.

Шел медленно, оглядывая стены, иногда замечая вбитые в них крюки и кольца для факелов или свечей, ниши — для ламп-коптилок, наверное.

Пошел дальше и странно ему казалось: его шаги, его дыхание — первые за сотни лет.

Усталенный камнем пол начал заметно подниматься. Впереди показались ступени. И тут Андрей вспомнил, что первый-то не он, а пьяный дед с ящиком водки на плече здесь перся. Террорист! Да еще и жулик.

Андрей стал подниматься по ступеням — они играли под ногами, постукивали, будто предупреждали об осторожности. И вот он оказался внутри какого-то квадратного колодца. С одной из стенок его свисал обрывок проржавевшей цепи. На полу валялся другой обрывок.

Андрей внимательно осмотрел предполагаемую дверь — выход в церковь — и понял, что она замкнулась навечно.

Фонарик откровенно садился. Пора возвращаться.

Андрей спустился вниз, теперь уже быстро прошел по подземному коридору. Добрался до развилки и решил глянуть все-таки другой проход, который, судя по всему, уходил за реку. Выключил фонарик, дал ему отдохнуть и немного восстановиться, затем пошел вторым коридором.

Он был заметно шире. И очень заметно спускался вниз. Вскоре пол стал уже не сырым, а мокрым, потом на нем появилась вода, все глубже и глубже. Камни под ногами утратили твердость, будто покрылись под водой густым илом.

Андрей шел уже по колено в воде, а что там дальше — может, и по пояс будет — не видно: фонарик застенчиво светил себе под нос.

Но вскоре обстановка изменилась — воды стало меньше, а земли больше. Еще через несколько метров она поднялась и сформировалась во что-то, похожее на горку, вершиной своей дотянувшуюся до пролома в своде, почти преградив путь.

Прикинув в уме, где он находится, Андрей догадался: вот он — Мокеевский пруд, вернее, его остатки. Здесь он за долгие годы проточил свод, пролился в подземелье, растекся, просочился глубже, а дыру в своде опять затянуло илом и глиной.

Притиснувшись вплотную к стене, Андрей обогнул горку и через какое-то расстояние впервые за это время услышал звуки. Мерные, настойчивые. Это капала со свода вода. Уже не Мокеевского пруда, а речки, которая находилась прямо у него над головой. Разглядев в своде источенные водой камни, Андрей понял, что вот-вот речная вода окончательно проложит себе путь в подземелье и хлынет в него неудержимым потоком. Зальет его полностью. Уже сейчас мерные капли порой сменялись журчащими струями.

Дальше он не пошел. Фонарик совсем зажелтел светом и погас. Возвращался Андрей ощупью, благо заблудиться было негде.

Выбравшись из подземелья, он сдвинул на место постамент, как мог в неясном свете начинающегося утра, уничто-

жил следы своей деятельности и пребывания, осторожно, в обход, вернулся домой.

В церковь из подземелья хода нет, и никакого клада там не существует. Но тревога в сердце осталась...

По кладбищу пробирались в темноте, почти ощупью, не решаясь включать фонари. По деревне уже ползали слухи. Но пока не те, которые обещал Миха.

Поеживались, вздрагивая то ли от обильной холодной росы, покрывшей все кусты и травы, капающей с деревьев, то ли, что скрывать, от страха. Кладбище ночью — это не дискотека в Оглядкино.

Покосившиеся кресты, кривые оградки, за которыми, кажется, кто-то прячется, могильные холмики — и тишина. Какая бывает только на кладбище ночью. Мертвая, словом. Будто на всем свете все замерло и нет нигде жизни.

И все время ждется, что вдруг эта тишина взорвется либо страшным воем, либо стуком костей, либо замогильным стоном.

Колька шел первым, и Галка с Мишкой все время жались к нему с двух сторон, чувствуя в нем более храброго, инстинктивно подбираясь под его защиту.

Тихо. Так тихо, что даже слышно, как шлепаются капли росы на могильные плиты.

Очень тихо. Только далеко-далеко тоскливо воет собака. И ухает порой в глубине леса бессонный филин.

И вдруг над кладбищем пронесся заунывный одинокий звон колокола.

Ребята аж присели от неожиданности.

— Птица в темноте зацепила, — шепотом успокоил их Колька.

И тут же над ними пронеслась бесшумная тень и хрипло захохотала.

Мороз пробежал от затылка по спине до самых пяток, и там и остался — даже ноги отнялись.

— Филин, — так же, едва слышно, объяснил Челюкан.

— Не к добру, — лязгнул ему в ухо Мишка. Чуть ухо не откусил. — Пошли назад.

— Поздно, — как-то странно проговорил Колька и пригнул их к земле.

Невдалеке от них бесшумно возникла среди могил черная фигура с черным лицом.

— По-покойник, — простучал зубами Мишка и зажал рот рукой. Галка схватила Кольку за плечо. Замерли.

«Покойник» невесомым шагом подошел к склепу, постоял у его ограды, прислушиваясь, застыв.

Самым страшным было его лицо. Его будто не было. Чернота одна. Иногда только холодно поблескивали глаза.

Вот скрипнули ржавые петли ограды, и «покойник» вошел в нее. Так же постоял у входа в склеп. Опять ржавый скрип — и он исчез внутри склепа.

Ребята окаменели.

— Он к себе вернулся, — простонал чуть слышно Мишка. — Во, свет зажег...

Действительно, внутри склепа забегал слабый огонек. И через мгновение послышался какой-то неясный приглушенный визг.

— В гроб ложится, — выдохнул Мишка. — Однозначно.

— Ща в лоб, — прошептал Колька. — Комментатор.

Свет исчез.

Мишка и тут не удержался:

— Крышкой накрылся. Все, я домой. У меня волосы дыбом стоят, потрогай.

Колька встал, шагнул к склепу. Галка схватила его за руку, удерживая.

И тут опять низко над ними (ребята даже присели) пронеслась с уханьем тень филина, и немного погодя вновь заунывно простонал колокол на звоннице.

Это уже перебор. Пятясь, медленно, не сводя глаз со склепа, ребята начали отступать. Потом повернулись разом, как по команде, и побежали, спотыкаясь, задыхаясь, чувствуя, как ветки кустов стараются остановить их бег, задержать до подхода главного страха.

Одним махом вылетели с кладбища, одним духом пролетели прогоном и влетели на Колькину терраску. Остановились, перевели дыхание.

Кролик деловито спал на Колькиной раскладушке. Во сне он лицом еще больше был похож на поросенка. Нос пяточком, ресницы белые и сопит-похрюкивает.

Мишка сдернул его с кровати на пол. Кролик сел, потер глаза, сладко зевнул:

— А где Колька?

Галка с Михой переглянулись: и правда, а где же Колька?

Послышались ровные шаги по ступеням, вошел Колька. Спокойный. Незапыхавшийся. Он, оказывается, не мчался, подгоняемый страхом, а шагом прошел весь путь.

— Испугались? — спросил он без злорадства.

— А ты не испугался? — выпалил Мишка. — Что ж не остался?

— С вами остался бы, — честно сказал Колька. — Одному страшно. — Взглянул на Мишкины руки, осмотрел терраску. — А где инструменты, Миха?

Рот у Мишки открылся.

— Там, — сказал он через некоторое время.

— Оставил? — Колька сжал зубы. — Забыл?

Мишка закрыл рот и кивнул.

— Серега, — распорядился Колька холодным голосом, — ты ставь чайник, а ты, — это Мишке: — иди за инструментами.

— Это бесчеловечно, — прошептал Мишка и обессиленно сел мимо табуретки. Рядом с Кроликом. И крыска Машка, из-под подушки выбравшись, села рядом.

— Правда, Коль, — заступилась Галка, — утром сходим, как рассветет. — Улыбнулась коварно: — Или Кролика пошлем. Где ты их оставил, Миха?

— Возле могилки, где мы стояли, под скамеечку убрал, — соврал Мишка. — Инструменты он бросил на самой дорожке. Ну кто их найдет? — Утром, Коль, пойдем. Все равно надо дело доделать. По свету быстрее управимся. И не страшно. Да, Коль?

Колька молча повернулся и направился к двери.

Но тут сорвалась с места Галка и стала на его пути.

— Не пушу, — сказала она. — Мы не знаем, кто там был. Но не покойник. Нельзя сейчас туда идти, Коля. Утром сходим, все вместе. А сейчас чай будем пить. И Кролику все расскажем. Только пусть Мишка рассказывает. Он здорово врать умеет. Да, Миха?

— Ратникову об этом покойнике надо бы рассказать, — пробормотал Колька.

— Ага! А он сразу: а что это вы, дорогие мои, ночью на кладбище забыли?

3

Утро началось хмуро. Небо затянулось какой-то пеленой, воздух застыл в безветрии, было сонно, тягостно, будто день никак не хотел начинаться. Он словно не выпался.

И у ребят было такое же настроение. Хотя утром, даже хмурым, на кладбище все выглядело по-другому. И если не весело, то, во всяком случае, — не страшно...

Шмыгнули за ограду, нырнули в склеп.

— Постой-ка, — Колька придержал друга за рукав. — Видишь?

— Вижу. Это он здесь лазил. Этот... с черным лицом.

На пыльном полу остались заметные следы. Особенно две полосы, как дорожки, которые прочертили львиные лапы.

Обошли постамент со всех сторон, переглянулись. Колька пригнулся, заглянул под низ, а львиные лапы разве что не обнюхал.

— Ты понял, Миха?

— Еще бы! — по привычке соврал тот.

И Колька по привычке не поверил, объяснил:

— Лапы снизу — полукруглые. Чтобы скользили лучше. Чтобы этот комод передвигать.

— А зачем? — резонно удивился Мишка.

— А я знаю? — Колька был деловит и решителен. — Дуй, Миха, домой, захвати какую-нибудь железяку и свечку.

— Да ладно, Колян... Мы лучше...

— А в лоб?

— Понял. Я мигом. Одна нога здесь, другая еще больше.

Пока он бегал, Колька попытался сдвинуть камень, упираясь в него руками. Не получилось — ноги скользили по гладкому, хотя и в пыли, каменному полу.

— Во! — ввалился Мишка, потрясая ломом. — Годится? Я его у Корзинкиных спер. Он им все равно до зимы не понадобится.

Колька взял лом, подsunул под постамент, налег. «Комод» легко сдвинулся с места, открыв отверстие.

— А вдруг он там? — предостерег Мишка, увидев, что Колька в азарте уже готов спуститься вниз. — Этот... Покойник черный.

— Ага. Там. Залез и задвинулся. Чтобы свет не мешал. Полезли. — И он зажег свечу...

А на селе беспокойно... Бывает вот такая непогода — кто-то один (да не самый умный) пустит какой-нибудь страх, а все остальные (и самые умные тоже) не только поверят, но и свое добавят. И такая небывальщина разрастется — за калитку среди бела дня без оглядки не выйдут. А уж ночью-то...

Такое на памяти Андрея не раз случалось. То на Соловьиных болотах змей небывалый покажется, то птица-орел овечку утащит, то сам собой, среди ночи, ударит на звоннице колокол протяжно, тревожно. А то было, совсем недавно, начал за Евменовной дикий медведь ухаживать — то колоду лесного меда на крыльце оставит, то лукошко с дикой малиной. Понятно, что такие слухи от самой Евменовны рождались, да еще Паршутин наврать был мастер. Но нынешним байкам другое начало было. Андрей об этом много позже узнал. Хотя и сам, косвенно, к тому причастным оказался, того не ведая. К тому же, от первоисточника отмахнулся в сердцах.

Дело так было, обычно. Дождалась его Евменовна, сердитая.

— Что ж, Сергеич, беда такая лютая, а ты молчишь. Упредить бы надо. Поостеречь народ.

— Что за беда? — Андрей нахмурился, опять бред выслушивать придется и меры принимать. Совсем из ума старушка выжила.

— Каркадил! — выпалила бабка. — А ты знал, да скрыл. — И проявила недюжинную осведомленность, почерпнутую с экрана телевизора. — Так-то сейчас милиция моду взяла.

— Что за мода? — Андрей демонстративно взялся за калитку.

— А это... «Соккрытие преступлений». Чтоб, значит, картину не портить.

Слушал Андрей Евменовну, улыбался в душе и гневался — на себя, конечно. Привадил он старушек своим вниманием — расхлебывай теперь, со всякой ерундой к участковому бегут, на всякую мелочь жалются. С другой-то стороны, — и бежать им больше некуда. Кто их слушать-то станет? А у нас издавна повелось: остановит тебя хмельной мужичок огоньком разжиться да на твое добро и станет всю свою горькую жизнь выворачивать, жаловаться да сочувствия искать. Стоишь, маешься, свои дела вспоминаешь, а обидеть доверившегося невниманием никак не можешь решиться. Такой уж у нас народ...

— ...Днем-то он, окаянный, в реке хоронится, а как ночь, — на берег ползет. И по огородам, по дворам, жрет чего ни попало. И все мало ему. У Корзинкина на крыльце веник стоял — слова доброго не стоит, так и его сожрал, ненасытный.

— Кого сожрал? Корзинкина?

— Веник, Андрюш! Ты б его застрелил, а?

— Веник? — Андрей окончательно запутался. — Или Корзинкина?

— Каркадила!

Да, совсем бабка спятила.

— Ладно, — пообещал Андрей, — возьму в райотделе пулемет под расписку и застрелю. Он какой из себя-то?

— Нешто ты их не видел? — удивилась Евменовна. — И в армии тоже?

— У нас в части крокодилов не было, — улыбнулся Андрей. — Хотя... — тут ему кстати вспомнился старшина Пилипюк.

Этот вздорный разговор породил новую волну слухов. И скоро стало ясно, что кому-то очень надо, чтобы по ночам никто ему в чем-то не мешал. Даже Сентя, перешагнув через самолюбие, зашел к Андрею и свои соображения высказал.

Стоял он как-то посреди села и, вцепившись в рукав Корзинкина, уговаривал его перекрыть в школе худую крышу.

Корзинкин слушал невнимательно, перебирая ногами, топчась на месте. Наконец не выдержал:

— Пусти, Ильич, некогда мне — за ломом к Серегиным бегу. Вишь, старый погреб разбирать надумал, а лом свой никак не найду. Табличку, что участковый дал, прибил да лом рядом поставил. И куды он делси?

— Крокодил его съел, — уронил вполголоса подошедший Мишка.

— Чего? — вылутился на него доверчивый Корзинкин.

— Крокодил в реке появился. Участковый говорил: из зоопарка приплыл. От голода спастись. Вот и сожрал.

Корзинкин был не только доверчив, но и туповат.

— Как же? Ить он-то в реке, а лом...

— В реке, — хмыкнул Мишка. — Это он днем в реке, а ночью по дворам шастает. Подъедается.

— Да как же? Железка-то длинная. Как же он ее заглотил-то?

— Вдоль. — Мишка подумал: — Молча.

— Ишь ведь, — Корзинкин побрел дальше, разводя руками.

Сбrehнул Мишка, конечно, не машинально, не по привычке. Сообразил, что польза от этого крокодила будет. Корзинкин, конечно, поделится новостью, все село узнает. И значит, любопытная Чашкина по ночам в огород не выйдет, приглядываться к огонькам на кладбище побоится. И так ведь деревню слухи тревожат, что меж могил привидения бродят. Или крокодилы.

Вечером Ратникова вызвали в райотдел: проводился общегородской рейд по ликвидации нескольких группировок, занимающихся рэкетом на колхозном рынке и автовокзале, а людей не хватало, потому привлекли даже участковых.

Андрей быстро собрался, помедлил на крыльце, вглядываясь в вечернее небо. В «гнилом углу» копошились пока еще серые облака. Они, словно натываясь на стену, расплазались, мешая друг другу, пытались обойти ее по сторонам,

поднимались вверх, сколько могли, опускались все ниже и ниже. И все это беспокойное месиво набухало, росло, раздувалось, пыхтя и сердясь. Белое, синее и серое смешивалось, чернело на глазах. Деревья в панике, суетливо и бесполезно, стали размахивать ветвями, словно хотели разогнать низкие, уже до крон опустившиеся тучи. И, вроде бы, там, где доставали до них, им это удавалось — клубились, кипели белые барашки. А вот выше все уже было черно до самой середины неба...

Облака в «гнилом углу» означали обильные затяжные дожди. Набухнут и разольются реки, отрежут село от дорог. А тут еще и крокодил...

Опять собрались на терраске. Колька и Миха загадочно молчали.

— Ну и кому вы молчите? — не выдержала Галка.

Ребята важно и торжественно переглянулись. Потом Колька кивнул Михе, а тот сунул руку за пазуху, покопался там, нахально испытывая терпение Галки и Кролика, выгасил и поставил на стол красивый медный подсвечник на одну свечу.

— Клад? — выдохнул Кролик. — Не соврал дед Федя!

— Чистое золото, — небрежно бросил Миха. — Там его полно.

...Рассказывать Колька доверил Михе:

— У тебя красивше получится.

Ну, Миха и постарался.

Подземелье без конца и края. Скелеты кругом — зубастые и беззубые. Привидения порхают и гогочут. Где-то в темноте глухо звенят ржавые цепи.

— И вот в одной дыре, мы ее не враз и углядели-то, землей присыпана — вот в ней чего только нет. Книжки вот такие вот, — Миха во всю ширь развел руки. — Подсвечники, посуда всякая, серебряная. Много всего, на всех хватит. Два мешка, наверное.

— Ни фиги себе — дед натаскал, — изумилась Галка. — Батюшка все сокрушался, что такие реликвии пропали.

— Ты на что намекаешь? — возмутился Миха. — Мы там жизнью рискуем, а он тут опиум для народа продает, да? А родная школа без крыши!

— Когда это она тебе родной стала? — съязвила Галка. — Ты ведь ее взорвать собирался.

— Дурак был, — признался Миха, — а теперь...

— Теперь еще глупее, — вступил в разговор Колька. — У тебя семь пятниц на неделе. Галка правильно говорит. И школа, парни, наша, и церковь. А Ленька, он вообще-то добрый человек.

Долго еще шел разговор. И странно, когда пришли к одному решению, вдруг оказалось, что как-то стали улаживаться их проблемы. Мирное сосуществование с отцом Леонидом, признательность участковому, а вот школа...

— Это просто, — сказал Колька, — сделаем ремонт сами. Задаром.

— А вот фиг! — вскочил Мишка. — Пусть он нам за это все отметки исправит.

— Мне не надо, — сказала Галка.

— А я не «ботаник», — поспешил Кролик, — мне — надо.

— Торг здесь неуместен. Сентя сам догадается.

— Ага, из школы исключит.

— Вот бы здорово.

Помечтали и решили, что за кладом Кролик и Мишка пойдут, Колян дома останется — матери худо стало. Но и без Кольки управятся мушкетеры. Дело простое — спуститься вниз, уложить добычу в мешок, наверх подняться и с поклоном, скромненько отца Леонида обрадовать. Перед участковым погордиться.

Мишка раздобыл старый керосиновый фонарь, Васька запасася мешком для добычи. На кладбище пошли без опасения — Мишкина «деза» о крокодиле сработала, бабка Чашкина разнесла ее по всему селу, и теперь, если кто и страдал бессонницей, то дома, а не на крыльце.

Кролик трусил отчаянно. Мишка не так заметно. Но когда в склепе он чиркал спичками, зажигая фонарь, пальцы его подрагивали.

— Волнуюсь, — объяснил он. — Стресс у меня. Или шок. Полезли?

Ребята откатали все тем же ломом «комод» и, чтобы не передумать, быстро нырнули вниз.

Васька был здесь впервые. И вскоре страх сменился интересом. То еще приключение!

Мишка уверенно шел впереди, размахивая фонарем. По влажным стенам мелькали тени. Шаги гулко отдавались под сводом, убегали вперед, и звук их затихал где-то вдали.

Поднялись по стучащим под ногами ступеням, отыскивали нужную нишу, сложили в мешок добычу — аккуратно, бережно.

— Тихо! — Мишка схватил Кролика за руку. — Гаси фонарь.

Васька приподнял стекло, дунул на фитиль. Стало темно и сильно запахло горелым керосином.

— Шум какой-то, — шепнул Мишка. — Слышишь?

Шум был странный, ни на что непохожий. Он нарастал и близился. И не понять было — откуда.

— Деру даем! — Мишка засветил фонарь, поднял над головой. — Рвем назад! — он сунул фонарь Кролику, подхватил на плечо тяжелый мешок.

— Да брось ты его, — завопил Кролик.

— Как же! Имущество! Святого храма! Клад!

Сбежали вниз по ступеням. Вот он, загадочный шум, бежит навстречу. Подземелье заливала вода. Видимо, где-то не выдержал свод речного напора, усиленного дождями, и провалился, хлынула река. В нижнюю ступень уже плескалось.

Снова поднялись наверх.

— Кина не будет, — уронил Миха, садясь на верхнюю ступеньку. — Но билеты все проданы.

Васька опустился рядом на корточки.

Они с ужасом смотрели, как одна за другой исчезают под ненасытной водой ступени.

— Фонарь пригаси, — тихо сказал Мишка.

— Чего расселся? — заорал Кролик. — Спасаться надо! На помощь звать. — Выдернул из мешка подсвечник и стал колотить им в стену.

— Дурак, — спокойно сказал Мишка. — Кто нас услышит?

— А чего делать?

— Я знаю? Ждать. Может, вода спадет.

— Сколько ждать?

— Не бойсь, хулиган, от жажды не умрем.

— А от голода?

Мишка решил подбодрить друга.

— Я не умру. Я тебя, Кролик, съем, как проголодаюсь. Прямо с ушами. Сырого.

— Чуть что — так сразу Кролик... — слабо улыбнулся Васька.

Одна надежда оставалась — на Кольку. Хорошо, что он с нами не пошел, подумал Мишка.

— Андрей Сергеич! Дядя Андрей! — разбудили участкового крики за окном. — Скорее, дядя Андрей! Ребята застряли!

В голосах было столько тревоги, даже страха, что Андрей мгновенно оказался на крыльце. К нему подскочили Галка и Челюкан.

— Ребята застряли в подземелье! — кричали они. — А там вода вытекает! Скорее, дядя Андрей!

— Тихо! — оборвал их Андрей. — Говори ты! — и ткнул пальцем в грудь Кольку.

Колька коротко и толково рассказал все, что произошло.

— Я их в склепе ждала, — сказала Галка, — а оттуда вода хлынула.

— Беги к Леониду. Скажи, чтоб веревку захватил. Коля, а ты со мной.

Побежали к кладбищу. Скользя по размокшим тропам, путаясь в высокой мокрой траве, Андрей лихорадочно соображал: если река прорвалась в подземный ход, то к церкви она высоко не поднимется, ребята, наверное, догадались, где им спастись. Ой, как хотелось в это верить! Андрей весь холодел, когда представлял, что с ними там творится и что может произойти...

— И что вас туда понесло? — ругался он по дороге. — Тати церковные! Теперь уж не отвертитесь!

— Мы не эти... не тати! — возмутилась Галка. — Мы краденые сокровища хотели отыскать. И батюшке их вернуть! Для храма.

— Неужели нашли? — Андрей даже приостановился на мгновение.

— Это все Миха разузнал. Он к своей тетке ездил, в Березки. А там ему дед Федя попался.

— Это который? Который в церкви забаррикадировался?

— Ну! — подтвердил Колька. — Он у какой-то ведьмы лечится, от запоев. Миха его и расколол.

Впрочем, ведьмы, запои, дед Федя — это все потом. Сейчас главное — ребят выручить.

Дело дрянь, подумал участковый, когда спустились в склеп. Пол его был залит водой.

Андрей скинул куртку, бросил ее на постамент, на куртку положил пистолет. Разулся, пристегнул сзади к поясу наручники, вывернул карманы брюк — он знал, что когда они зальются водой, то потянут вниз, как гири.

— Дядя Андрей, — сказал Колька, — подожди. Сейчас батюшка веревку принесет. Обвязаться вам надо — вдруг не доплывете. Мы вас вытащим.

— Некогда ждать. Я под водой тридцать метров проплываю, — успокоил его Андрей, — а здесь всего двадцать восемь.

Сел на край дыры, продышался как следует, скользнул вниз. Уже под водой перевернулся и, цепляясь за ступеньки, устремился в подземелье. В подводное теперь подземелье.

Главное, чтобы воздуху хватило, билась в голове мысль. А еще главное — не заблудиться под водой, не уплыть к реке. Для этого нужно все время держаться правой стенки.

Андрей резко загребал руками, толкался ногами, иногда касаясь стены, иногда ударяясь затылком в поверхность свода.

Грудь уже распирало — неудержимо хотелось вдохнуть, сердце тряслось мелкой дрожью, руки немели...

Ступени! Цепляясь за них, Андрей как пробка вылетел на поверхность.

Шумно, резко вдохнул, продышался.

Ребята были здесь! Они вначале испуганно шарахнулись от него, потом обрадованно бросились к нему.

Андрей стоял, упершись рукой в стену, дышал часто, глубоко — с наслаждением. Соображал, как говорить с ребятами, чтобы не напугать их предстоящим подводным путешествием.

Шутливо надо говорить, будто они не в подземелье, залитом водой, а на лавочке у магазина.

Фонарь еле светил, керосин, видимо, почти весь выгорел.

— Проголодались? — спросил Андрей.

— От жажды гибнем, — весело подхватил Мишка. — Последнюю каплю воды вчера поделили.

Вообще, тянуть особо нельзя — уже сейчас чувствовалось: воздух тяжелый, сжатый, нечистый, тут и керосиновый фонарь свою роль сыграл.

— Дядя Андрей, — Васька указал на мешок, — тут это... Что-то в нем собралось... Клад, в общем... Для батюшки...

— Оставим здесь, — перебил Андрей. — Вода спадет, вернемся за ним. Повыше только положи его. — Затем спокойно обыденным тоном произнес:

— Так, ребята, надоело мне здесь. Пора выбираться. Слушайте внимательно. Оба. Особенно Васька — ты первый со мной поплывешь. Видишь? — Андрей повернулся спиной, показывая пристегнутые к поясу наручники. — Хватайся за это кольцо одной рукой, другой подгребай. Только не выпускай его, что бы ни случилось. Крокодил нападет, воздуху не хватит — кольцо не выпускай. Если захлебнешься, я тебя наверху откачаю. Сделаю тебе искусственное дыхание, ремнем. Все понял?

— Я нырять совсем не умею, — сказал Васька. — Я боюсь.

— Я тоже, — сказал Андрей. — А вместе не страшно. Пошли, — не дал ему раздумывать.

Они спустились по ступеням, стали по грудь в воде.

— Дыши, — приказал Андрей. — Глубоко дыши. Старательно. Готов?

Кролик вцепился в кольцо наручников, зажмурился.

— Вперед!

Андрей нырнул и сразу почувствовал, что обратный путь будет нелегким. Кролик вел себя правильно, руками за него не хватался, но тащить его на буксире было тяжело.

Господи, неужели я его не вытащу? Стало на мгновение страшно из-за пацана. Но бояться нельзя. Все силы на страх уйдут.

Андрею казалось, что плывут они долго-долго. Что конца этому тоннелю нет. И не будет. Организм яростно требовал кислорода. Андрей сжал зубы, чтобы произвольно не сделать жадный вдох под водой, — тогда все, и пацана погубит, и сам здесь останется. Грудь лопалась, в закрытых глазах бесились желтые и зеленые круги, в висках стучало сердце.

Андрей почувствовал, как сзади задержался Васька — и в этот момент наткнулся на ступени. Он вылетел на поверхность, ухватился за край дыры, рывком подтянулся, а Колька и батюшка Леонид уже подхватили Кролика под мышки.

Участковый и Васька лежали на полу, в воде.

Глаза у Кролика были закрыты.

— Утонул? — спросила Галка.

— Притворяется, — ответил Колька. — Дышит вовсю.

— Ты молодец, Василий, — сказал Андрей.

Васька открыл один глаз.

— Отважный парень. И воля у тебя есть.

Теперь уже оба глаза моргали.

— Только отпусти меня, — попросил Андрей.

— Не могу, — признался Кролик. — Пальцы сжались.

Колька попытался разжать его ладонь. Не вышло.

— Коля, возьми в левом кармане куртки ключик, отомкни меня от него.

Светало. Андрей с тоской думал, что сейчас надо плыть за Мишкой. Ну, с ним проще, он хорошо плавает, воды не боится. Нужно только быть с ним рядом.

Отец Леонид развернул махровое полотенце.

— Так, отрок Василий, донага раздеться и крепко растереться.

— Чуть что, так сразу... — начал было Васька. — Я подожду. Вот они вернутся, тогда...

Не пришлось ждать. Из дыры вырвался фонтан брызг, и, как дельфин, вылетел Мишка.

— Заблудился, — сказал он, отдышавшись. — Не в ту сторону поплыл. Вынырнул в часовне, метров двести под водой проплыл. Там гробы плавают.

— И крокодилы, — добавил Колька. — Где твоя правая нога?

— Все, — сказал Андрей, — порезвились. Отдавай, Васька, наручники. Они мне нужны.

В доме священника было хорошо. Тихо, мягко стучали напольные часы, щебетала разбуженная канарейка, мерцала лампадка под образами.

Сонная матушка поставила на стол певучий самовар, накрыла к чаю и ушла досыпать — видно, не впервой ей было принимать страждущих гостей в своем доме.

Отец Леонид разлил по красивым чашкам чай, а себе и Андрею щедрой рукой наполнил стопки.

Миха и Кролик сидели, закутавшись в одеяла, Андрей красовался в пестрой пижаме батюшки, а мокрая одежда сохла на печке.

— Так всегда, — потихоньку ворчал Мишка, допивая третий стакан, — как себе — так водочки, а как нам — чаек. А мы для кого старались? Жизнью рисковали...

— Зависть, Михаил, есть большой грех, — наставительно, но с улыбкой произнес отец Леонид, чокаясь с Андреем.

— А тако же и пьянство, — в тон ему произнес Мишка.

Постепенно согрелись, оживились, Мишка стал красочным и яростно врать про приключение в подземелье.

— Вот что, ребята, — попросил Андрей, — о вашей находке — никому ни слова. Пацанва узнает — на подвиги ринется. И еще — завтра я на склеп замки навешу. Уговор: чтоб дужки не пилить.

— С условием, — сказал Миха. — Когда вода спадет, чтоб без нас не обошлось.

— Обещаю.

Стали собираться домой.

— А вы молодцы, ребята, — серьезно сказал Андрей, одеваясь в свое.

— Достойные отроки, — похвалил их и отец Леонид.

— Атеисты, однако, — притворно вздохнул Миха. И добавил: — А вам, Андрей Сергееч, очень пижама идет. Вы ее почаще надевайте.

...Тебе, парень, нужно научиться и в привычку взять каждому факту правонарушения давать оценку, анализ делать: почему вдруг такое произошло с человеком? Что его на кривую дорожку свернуло, кто еще, кроме него самого, в том виноватый? А разобравшись, не отступай...

Трудно Андрею было работать. Правда, уже признали его — сумел себя поставить. Но ведь чуть не все сельчане — родня, друзья, все знают его с детства. И уже многие держат обиду на участкового — не узнают при встрече, отворачиваются, особенно после того, как повел непримиримую борьбу с пьянством, потому что большого греха в буйном застолье пока не видели. Прежний участковый был не из местных, для всех чужой, для каждого — понятная, законная власть. Андрей же вроде свой, должен же иногда и поблажку сделать, в положение войти. Не входит. Правда, на селе заметно спокойнее стало, порядку прибавилось. И помощники настоящие появились. Но многие еще косятся на него, никак не поймут, что не для себя, не для авторитета своего старается. А с другой стороны, что случится — все-таки к нему бегут, у него ищут и помощи, и защиты, и совета. Непонятная история...

Алевтина все-таки вернулась в магазин, уговорили. Но всему селу условие поставила: крупа там, пряники, что другое — это ладно, а вот водку в долг отпускать больше не станет. Нельзя сказать, что с восторгом, но условие приняли. Хотя без инцидентов не обходилось. Поэтому Андрей за правило взял приходить к магазину к открытию — Алевтину поддержать. Синереченский пьяница выработался упорный, настойчивый, изобретательный.

У магазина уже роились страдальцы, из самых заядлых. Но вели себя смирно. Кто на корточках сидел, прислонясь к нагретой солнцем стене, сдвинув на глаза кепочку, кто прямо на зеленой травке вольготно расположился, покуривая, беседы вел.

Ратников внутрь зашел. При его появлении несколько мужиков озабоченно, будто вспомнив неотложные дела,

гуськом, послушно, по-детски подталкивая друг друга в спину, выбрались на улицу. Один только Генка-Шпингалет не оторвался от прилавка, яро уговаривая продавщицу, демонстративно, нахально не обращая внимания на участкового.

Кличку свою дурацкую Генка с собой привез. Видно, как прозвали его там, в колонии, так она и здесь каким-то чудом проявилась. Был он собой мелкий, но жилистый, и на вид — шпана шпаной давних лет: липкая челочка до глаз, сапоги гармошкой и зуб золотой. Первую отсидку получил Генка за злостное хулиганство. Андрей — это еще до армии было — его тогда задержал и доставил, Андрей же и в суде свидетелем выступил. Однако отбытое наказание ничуть ума не прибавило, как говорится, на путь исправления Генка не встал. В рабочем блокноте участкового была тревожная запись: «Геннадий Шухов (Шпингалет). Дважды судимый. Последнее наказание отбывал за нанесение тяжких телесных повреждений. Злобен. Жесток. Истеричен. В возбужденном состоянии способен на крайние поступки. В своих действиях непредсказуем. Злоупотребляет алкоголем. При проведении профилактических бесед на контакт не идет».

Серьезных проступков пока еще за ним не замечалось, но ходил Генка по краешку, это ясно. Участковый поэтому сразу и крепко его прижал, не спускал с него глаз, да и знал — злопамятный, истеричный Генка не простит ему, если удобный случай выпадет, — жестоко счета сведет...

Андрей без лишних разговоров крепко взял его за локоть и кивнул в сторону двери. Шпингалет вырвал руку и пошел, бегая глазами и шипя чуть слышно:

— Не цепляйся, не хватай — руки оборву!

— Иди, иди, — Андрей довел его до дверей и вышел следом.

Старая Евменовна, дотошно изучавшая у прилавка поблекшие ценники на конфеты, — решала, какие послать внукам в армию, — одобрительно закивала головой, хотя ничего не поняла. Потом быстренько выбрала те, что подешевле, и, прижимая кулек к груди, засеменила за участковым.

Андрей, выйдя из магазина, присел на скамейку и, сняв фуражку, положил ее рядом. Мужики, умело скрывая разочарование, сделали вид, что разошлись по делам.

В селе было тихо. Изредка гремело ведро, падая в колодец, слышался где-то на дальнем конце глухой стук топора, противно, с явной неохотой, задребезжала коза у Пантюхиных. И только во всю мочь горланил запоздалый петух бывшего председателя.

Афродита Евменовна Чашкина осторожно, как на гвоздики, присела рядом, пристроила кулечек на худых коленках, завздыхала, косясь на Андрея, ждала, не спросит ли сам, что ей надо.

Смолоду она была красавица редкая. И если случается, что и на склоне лет остается что-то в человеке от бывшей красоты — стать ли, упругая ли поступь, а то — и свежий голос и ясная мудрость во взгляде, то Евменовна к старости все потеряла, живая Баба Яга стала, даже голос обрела новый — как у пантюхинской козы. Даже в характере черты преобразились, будто и душа старела вместе с телом: была бойкая на язык — стала сварливая, легкую живость поменяла на суетливую пронырливость, вместо общительности приобрела надоедливость. Никто и не заметил, как веселая фантазерка и безобидная болтушка превратилась в ярую сплетницу и выдумщицу, сменила природный ум на упорную хитрость. И это бы еще ничего, но, смолоду, привыкнув быть на виду, до сей поры любила Евменовна, чтобы о ней поговорили, вечно изобретала себе приключения, лишь бы внимание привлечь. Андрею доставало с ней хлопот.

Бабка покончила со вздохами, перебрала, уложила складочки юбки, перевязала платочек. Андрей тоскливо ждал.

— Андрей Сергеевич, а ведь я заявление тебе несу. Для принятия мер. К Лешему — охотничьему егерю — ходила: не берет, ругается, ногами топает. Ты б, говорит, не шлялась по лесам, а на печке б сидела. А если у меня характер беспокойный, если...

— Я твой характер знаю, — улыбнулся, перебивая, Андрей. — Говори, пожалуйста, о деле.

— Помнишь, Андрюш, как ты мне быстро корову разыскал, — польстила бабка, — теперь снова выручай, опять беда пришла: от мишки избавь — чуть в лес не утащил.

— Какой Мишка? — не сразу понял Андрей. — Курьянов, что ли? Нужна ты ему, как же! Ему девяносто скоро стукнет.

Евменовна законфузилась кокетливой улыбочкой, игриво отмахнулась конопатой рукой, собрала сухие губы в ладонь:

— Андрюш, не смейся над старой — грех ведь. Какой Курьянов? Он уж до завалинки доползти не сумеет. Медведь за мной ходит. Вчера всю дорогу из Оглядкина следом перся, паразит, и мычал; как корова недоеная, — зашептала, приблизившись. — Знаешь, в народе говорят, если медведь вдовый, так он еще с лета бабенку себе присматривает, чтобы в берлоге теплее зиму коротать. А как бабенки нынче все крашенные, в пудре-помаде да духами обрызганные, так он ими брезгает, а я, видать, ему в аккурат пришлась. Да и немолодой уже, верно, в годах — морда и загривок седые, по себе, значит, подбирает, охальник.

«Совсем спятила», — сердито подумал Андрей, отодвигаясь.

— А чего тебя в Оглядкино занесло?

— Ну, а как же? Бабы говорят, туристы там остановились, в Хмуром бору, — так поговорить с ними хотела, пообщаться, от них новости узнать и им что-то рассказать.

— Правильно Леший тебе посоветовал — на печке сиди, а по лесам не шлейся!

— Помоги, Андрюш, не дай бог, припрется ночью, утащит в лес — совсем ведь пропаду.

Еще до армии — Андрей помнил — побрызгали здешние леса с самолета, чтобы извести какого-то вредного жучка, да так крепко побрызгали — не то что ежика, комара в лесу не осталось. В последние годы ожил старый лес, помолодел, зазвенел птицами, боровая дичь откуда-то взялась, лоси осмелели, волк за ними с севера потянулся. Вот и медведь объявился. Если, конечно, не врет Евменовна, горадая придумывать что-то уж вовсе несуразное.

Но всякое может быть. Сам он недавно едва увернулся возле Марьиной просеки от дикого лося. То ли подраненный, то ли больной, он с треском и ревом вырвался из чащи и, яростно склонив горбатую морду, бросился на мотоцикл. Надо бы егерю об этом сообщить, да Леший, поди, уже сам знает. Мужик в своем деле крайне добросовестный и надежный...

— Сходи, Андрей Сергеич, — ныла бабка, — и туристов погляди — вроде уважительные ребята, чайком с конфеткой меня напоили, да уж больно костры шибкие жгут и водки в кустах цельный мешок прячут. Вот пойдешь поглядеть — и медведя застрели, ладно?

— Нельзя его стрелять, — теряя терпение, отрезал Андрей и встал. — Он на весь край небось один. На развод оставим. А ты не бегай от него, не бойся — не польстится он на такое сокровище.

— Смейся, смейся, внучок, — с неожиданной злостью прошамкала ему вслед Баба Яга, — кабы не заплакать тебе, злорадному!

Андрей забежал на минутку к себе, снял с вешалки планшетку, проверил на всякий случай, есть ли в ней бумага и бланки. Открыл сейф, достал пистолет — подумал, подумал — и положил обратно...

В Оглядкино он оставил мотоцикл и пошел искать туристов. Нашел их легко, поздоровался, осмотрелся. Ни «шибкого» костра, ни водочных бутылок не обнаружил. Ребята оказались аккуратные. Стоянку держали в порядке: палатки туго натянуты, костерок обложен камнями — не поленились с речки натаскать, топоры торчали в старом пеньке, а не в живом дереве, как иногда бывает, даже ямка для мусора отрыта и прикрыта лапником от мух.

Медведя они, оказывается, тоже видели — приходил под утро, чисто вылизал немытую с вечера посуду, погремел пустыми банками в помойке и ушел, «ничего не сказав».

Ребята предложили Андрею дожидаться ухи — вот-вот должны были вернуться рыболовы, но он отказался — некогда...

Хмурый бор только зимой был хмурым, а вообще-то в Синеречье не сыскать места приветливее и солнечнее. Андрей давно уже не бывал здесь, и радостно ему дышалось, весело было хрустеть валежником, поддавать носком сапога крепкие шишки, снимать ладонью с влажного лица невесомую, упрямую паутину. Он, не удержавшись, срезал два крепких ранних грибочка и зачем-то положил их в планшетку, высыпал в рот горсть горячей земляники и у большой, туго натянутой между землей и небом сосны остановился, прислонился к горячему звенящему стволу, чувствуя, как он дрожит, шевелится, толкает в плечо, запрокинул голову. Над ним, высоко-высоко, размашисто качались далекие кроны, гнали по синему небу белые, пронизанные солнцем облака; толстым сердитым шмелем гудел в ветвях упругий ветер.

И вдруг в этом прекрасном, разумном мире где-то недалеко раздались два резких, слившихся выстрела. «Дуплет. Пулями. Кто?» — мелькнуло в голове Андрея, уже быстро шагавшего на еще разбегающийся, мечущийся по лесу грохот.

Он шел бесшумно, не раздвигая ветки, а скользя между ними так, чтобы не шуршала листва по одежде; ставил ноги легко, чтобы не трещали под сапогами сухие сучки.

На краю небольшой, зарастающей молодняком вырубки, Андрей остановился, осмотрелся — увидел совсем рядом задержанное густой листвой жиденькое, прозрачное облачко дыма, и ему показалось, что в воздухе еще стоит нарастающий, тревожный запах пороха. Какой-то человек, стоя на коленях, возился с чем-то большим, темным, что-то быстро делал с ним.

Андрей терпеливо дождался порыва ветра, тихо подошел сзади, сжал зубы, непроизвольно закачал головой. Медведь лежал на спине, раскинув лапы, как убитый человек, запрокинув большую голову, с открытыми, будто еще видящими глазами. Земля вокруг него была изрыта когтями, забросана клочьями выдранной травы; в глубокой бороздке шевелилась, извивалась белая личинка, облепленная муравьями. В воздухе густо стоял тяжелый дух сырого горячего мяса, жадно жужжа, кружились большие зеленые мухи.

Леший, мотая головой, сдувая с лица комаров, сноровисто, воровато свеживал тушу. Левая рука, голая по локоть, в ошметках красного мяса, в клочьях мокрой шерсти, задирала, оттягивала взрезанный край шкуры; в правой — окровавленной — безошибочно, точно сверкал тусклым лезвием длинный нож.

— Здравствуй, Федор Лукьяныч, — негромко сказал Андрей..

Егерь вздрогнул, выронил нож, мокрая красная лапа метнулась было к ружью.

— Тыфу, черт! Напугал ты меня, Андрюша. Ловко подкрался.

— Участковый инспектор Ратников, — спокойно, официально представился Андрей, поднося руку к козырьку фуражки. — Прошу предъявить документы на предмет составления протокола о злостном нарушении правил и сроков охоты.

Леший хмыкнул и, давая понять, что оценил и поддерживает шутку, кивнул куда-то за спину:

— А вона, за пенечком, в котомке мой докэмент. И мне плесни чуток, может, комар отстанет — заел совсэм, в рот ему селедку.

Имя синереченского егеря редко кто помнил, а уж фамилии вовсе никто не знал. По облику своему — щедрая борода, седые обильные брови, лохмы седых же, едва не до плеч волос, скрипучий «от редкого употребления» голос, хромота — и повадкам (из леса не вылезал, частенько ночевал у костра, людей сторонился и появлялся, когда его не ждали) он справедливо звался Лешим.

Андрей никак не ожидал застать за таким подлым делом этого истинного лесовика, всегда упрямо честного, не по должности — по совести честного егеря. Как-то они вместе задержали браконьера, и Леший, отщелкивая цевье от дорогого новенького ружья, в ответ на угрозы сказал твердо, со спокойной уверенностью в своей правоте и силе: «Это мой лес. Мне доверено соблюдать в нем все живое. И здесь, пока я сам жив, будет порядок. Никому — ни свату, ни брату — не позволю его нарушить». Лешего боялись и свои, законные охотники, и браконьеры; самые отпетые и

отчаянные бегали от него, как пацаны из чужого сада. Какой-то козелихинский парень даже, говорят, прятался от него на болоте, всю ночь просидел по горло в вонючей жиже, но зла на него не держал никто — видно, хорошо понимали, в чем корень его беспощадности.

«Не слышать бы мне этих выстрелов, — растерянно думал Андрей, стоя перед спокойным, уверенным, ничуть не смущенным егерем, — пройти бы мимо. Мало ли палят в лесу — за всеми не побегаешь. А теперь как быть?» Может и не совсем так он думал, но похоже на это.

— Андрюша, возьми там папироску, сунь мне ее в пасть, будь другом — руки-то, сам видишь... А ты что без ружья-то? Тут лось дикой шастает. Завтра охотовед приедет. Будет решать — отлавливать или отстреливать.

Андрей достал ему папиросу, зажег спичку и внимательно, будто хотел понять, что же такое случилось и что ему теперь делать, смотрел, как Леший жадно курил, густо выпуская дым на потное, искусанное комарами лицо, жевал и мочалил мундштук, гоняя его из угла в угол волосатого рта. Он щурил глаза от папиросного дыма и все еще удивленно и весело улыбался, когда Андрей сел на пенек и щелкнул кнопками планшетки, доставая бланки протоколов.

— Погоди, Сергеич, ну что ты? Дай слово-то молвить, — Леший выплюнул окурок, потоптал его тяжелой ногой, сердито ухмыльнулся. — Я думал, поможешь мне, а ты дурака валять пришел.

— Обижайся — не обижайся, Федор Лукьяныч, а протокол я обязан составить. И составлю. Хотя, по правде, очень тяжело мне это делать и обидно. Кого хочешь мог здесь ждать, но только не тебя. Такое доверие тебе от людей, а ты, прости, воруеть то, что охранять тебе поручено.

— Ты что, с печки упал, такие слова мне говорить? Сопляк в фуражке! Медведь-то полудохлый, больной, что я, не знаю! Ты ему зубы посмотри — одни пеньки торчат. Он и потомства не даст, и беды наделает, потому что в берлогу не ляжет.

Андрей оторвался от бланка, поднял голову:

— Ты еще скажи, что он сам на тебя напал, а в твоём ружье случайно «жаканы» оказались, и Евменовну в свиде-

тели притяни. Больно хорошо все сходится для того, кто на днях внучку замуж выдает.

— Все знаешь, участковый, — топнул ногой Леший. — Верно — выдаю Женьку. Гулять-то все село будет. Где же мне мяса и водки столько взять? На какую зарплату? Или на свадьбе родной внучки квас пить да макаронами закусывать?

— А если б не медведь? Где взял бы, украл?

— Сроду не крал, даже для голодных детей. Тебе ли не знать...

— До сего дня не крал, — жестко отрезал Андрей. — А сегодня ты — вор...

Он едва успел отвернуться от быстрого, наотмашь, удара — так молниеносно бьет рысь когтистой лапой, — вскочил, перехватил на перелом тяжелую, неумолимую в своей силе руку, успел завернуть ее за спину и почувствовать, что все равно не удержит ее, даже если повиснет на ней всем телом. Но рука егеря вдруг ослабла, обмякла, плечи его вздрогнули, он какими-то нутряными рывками захрипел и рухнул лицом в разодранную медведем землю. Андрей испугался, упал на колени, повернул его голову и замер — Леший плакал.

Андрей оглянулся, встал, отошел в сторону. Издалека проговорил:

— Федор Лукьяныч, ты что? Больно тебе сделал?

Леший замычал, справляясь, простонал от стыда, сунул лицо в ладони, крепко потер его, будто затирал слезы внутри, вдавливал обратно.

— Ничего, Андрей, это так — старый стал. Давай-ка, костерок наладим, успокоимся. Только слова свои обратно возьми. Всю жизнь таких не слышал, не заслужил.

Андрей поспешно закивал (беру, мол, беру), стал суетливо ломать сушняк, чиркать спичками, стараясь не видеть страшного и жалкого лица — в слезах, грязном медвежьем сале, в крови.

Леший тяжело поднялся:

— Пойду умоюсь.

Пока его не было, Андрей сидел неподвижно, бездумно смотрел в огонь — гнал от себя мысли, оттягивал трудное решение.

Леший подошел к костру, вытираясь выпущенным подолом рубахи, сбросил телогрейку, сел на нее и, покопавшись в котомочке, вытащил старую солдатскую фляжку в потертом матерчатом чехле.

— Давай-ка, Андрей, спокойно поговорим, разберемся.

— Да не о чем...

— Есть, участковый, есть. Я, по правде, этого случая давно жду. Человек ты хороший, но еще молодой, поэтому часто несправедливость делаешь, а при твоей работе та несправедливость неисправимой может стать, — он не торопясь отвинтил колпачок фляги, наполнил его, протянул Андрею все еще дрожащей рукой. — Осторожней пей — спирт. Я почему так огорчился? Первое, конечно, что ты меня вором назвал. Какой же я вор, Андрюша? Медведь этот проклятый отстрелу подлежит, сам понимать должен. Моя вина — не поспел заявку на него дать, лицензию не поспел выправить. Но ведь я всю жизнь в этом лесу, я шишки гнилой для себя не вынес и другим не позволял. А вот зам твоего начальника который год кабана без лицензии бьет, это как? Значит, кому — можно, а кому — осторожно?..

— Я не знал об этом! — перебил Андрей.

— Не знал! Ты все обязан знать. Сеньку, друга своего, засадил (за дело — не спорю), Плетнева-старшего вытрезвиловкой опозорил на всю округу, теперь меня вот выследил, а про начальника — не знал! Правильно, такие всегда из мутной воды сухими выходят. Я за себя стерплю, а за других мне обидно. погоди, дай сказать. — Леший выпил, провел ладонью по губам. — Тебе бы вот о чем подумать: когда ты по селу мальцом бегал, все тебя любили, а как участковым стал, так еще и уважать начали, но что я заметил, — он для убедительности поднял палец, посмотрел на него, будто проверял — правильно ли говорит и нужно ли это сказать, — заметил, что любят-то тебя уже не все. Ты многих непримиримостью своей отталкиваешь, без разбора судишь каждого. Сколько ты хороших мужиков на срамную доску повесил, опозорил. Может, оно и хорошо вы придумали эту доску для пьяниц, но и здесь мера должна быть. Не каждый пьяница — горький, а ошибиться может каждый, срыв у любого случается, особенно при

нынешней жизни. И уж если решили кого пристыдить, с умом это делайте, не рвите человека с корнем. Карточку на вашу доску можно и с паспорта взять — чтоб в пиджаке и при галстуке, а не выставлять человека в пьяном безобразии, в скотском обличье, чтоб за ним потом сопливые пацаны бегали и дразнились. Это жестокость к нему проявляется, а от нее лучше никто не стал.

Леший говорил медленно, подолгу замолкал в тяжелом раздумье, перекладывал в догорающем костре головешки, подгребая в кучку красные живые угли. Андрей слушал, не возражая, не перебивая его, чувствуя — хоть и прав в чем-то егерь, но чем больше он говорит, тем сильнее в нем, Андрее, нарастает сопротивление, поднимается какая-то упрямая строптивость. В этих вроде верных и человеческих словах было что-то очень неправильное, такое, на что сразу не найдешь возражения, что ответными словами не опровергнешь.

Леший встал, выдернул из пенька нож и вновь взялся за прерванное дело. Андрей не шевельнулся, только переложил на колено планшет.

— Или вот Ванюшку Кочкина взять — вот за кого душа болит. Помнишь, как твои ребята-иксперты, когда он загулял, по твоему совету на пленку его засняли, а ты в клубе ту пленку показал, помнишь такой факт? С того дня — как потерял себя Ванюшка. А какой парень был — и на работу, и погулять молодец. А теперь? Ты его хоть раз после этого веселым видел?

— А пьяным его кто-нибудь с того дня видел? — с вызовом спросил Андрей. — Он себя раньше потерял, когда до поросычьего визга напивался, когда на родную мать руку поднял.

— Чудной ты парень стал, не в свое лезешь. И я твой протокол гадский не подпишу. Правда на моей стороне, и я за нее отвечу.

— Ну, давай, Лукьяныч, вали, круши все, что на пути попадет. Подавай, егерь, пример. Стреляй так, чтоб детям и внукам ни перышка, ни шерстинки не оставить!

Леший, не выпрямляясь, резко обернулся, будто Андрей неожиданно ударил по больному. В его позе, в лице и даже

в голосе появилось что-то непреклонное, сильное и злое. Видно, решил для себя главное — теперь не отступится.

— Чьим таким детям-внукам? Моим? Или новых спекулянтов пузатых? Кому, значит, запрет, а кому — добывать дичину? Отчего же такая разница, участковый? Я на этой земле родился, все в ней мое — и слезы, и пот, и кровь! Моя она, и все, что по ней бегают, что растет, — все мое! Сам все возьму, доберу остаточки! Ты только не мешайся!

— Не допущу, — твердо сказал Андрей, — не будет так.

Леший выпрямился, заслонил, казалось, собой весь лес, протянул к Андрею руку с ножом:

— Мы, знаешь небось, с твоим отцом замерзали вместе тут, неподалеку, когда его браконьеры поранили. Я его тогда от смерти выручил, двенадцать верст на себе по голому снегу волочил, валенцы свои ему на руки насунул, чтоб не отморозил, а сам потом себе черные пальцы на ноге, чтоб вовсе не погибнуть, бритвой отхватил, хромым навсегда остался. Что же ты хочешь, Сергеич, чтобы я пожалел теперь, что друга своего от гибели спас, что ты потом на свет от него родился?

— Тихо, — привстал Андрей, прислушиваясь к близкому уже, хорошо различимому среди шума листвы, стуку телеги. — К тебе едет? Кто?

И увидел егерь, что не смутил он молодого милиционера своими словами, что тот, хотя и слушал его внимательно, но не поколебался, выходит, в своей правоте, да и слушал-то, значит, не потому, что сомневался. Понял егерь — окончен разговор, и каждый приступает к своему делу, к своим обязанностям, каждому теперь — своя доля, свой ответ. Набывчившись, отвернувшись, Леший хмуро бросил:

— Генка это, Шпингалет.

— Нашел себе дружка, Федор Лукьяныч? Что же не по себе-то выбирал? — Андрей встал, сложив за спиной руки, прислонился к дереву. — Ну, встречай подельника.

— Не тебя же было просить, честного...

Шум становился громче — видно, Генка дороги не выбирал и о конспирации не заботился. Он пел во все горло, гнал лошадь и наконец появился на краю вырубки. Заметно хмельной, стоя в телеге, размахивал над головой

своей кепочкой. Вид участкового его не смутил, похоже, что Шпингалет даже обрадовался.

— Сейчас я получу искреннее удовольствие! — заорал он, прыгивая с телеги и вытаскивая из нее лопату. — Ну-ка, Федя, придержи его, чтоб не убег.

Андрей удивленно, со спокойным презрением смотрел на него, еще не понимая Генкиной наглой веселости, не понимая, что ситуация для Генки долгожданная, неужели ж упускать такой удобный случай — участковый один, безоружен, а их двое, и глухой лес кругом. И Андрей все так же стоял, прислонившись к дереву, и так же держал руки за спиной: он никак не ожидал нападения.

Шпингалет подбежал, перехватил лопату и со словами: «Не правда ли, чудесный день?» — ударил участкового ногой в живот. Андрей всхлипнул, согнулся и почувствовал, как что-то тяжелое обрушилось на него...

Очнулся Андрей от того, что будто кто-то мягко, но настойчиво поталкивает его в плечо, и от этого очень больно голове. Он открыл глаза — перед ним медленно двигалась полоска кустов, мелькали желтые головки цветов, качалась трава — и понял, что он лежит в телеге, под головой — свернутая телогрейка Лешего. Сам егерь сидит впереди, покачивается его широкая спина, ветерок шевелит длинные седые волосы.

Андрей попытался подняться. Леший обернулся:

— Ну как ты, Андрюш? Темень шибко болит? Вот ведь какая служба у тебя нерадостная. Хорошо еще — черенком попало, а не железкой.

Андрей старался держать голову неподвижно, чтобы не было так больно, говорил одними губами.

— А Шпингалет где?

— Там же и валяется небось. Не убеget. Тебя доставлю и за ним съезжу. Так я и позволил, чтоб всякий кусок дерьма наших, синереченских, бил...

Андрей старался понять что-то очень важное, что должен сделать сейчас же, пока не уснул, — в сон клонило неумолимо, жестоко. Вспомнил.

— Лукьяныч, сумка моя там осталась? Не видал?

Егерь пошевелился, запустил руку под зад, вытащил планшетку.

— Держи. Ты когда падал, так у ней ремешок лопнул.

Андрей, морщась, противно слабыми руками раскрыл планшетку, вытряхнул раскрошившиеся грибы, достал протокол...

— Погоди, погоди рвать, — опередил его Леший. — Ты почитай сперва.

— Я помню — что там читать...

Но уже бросилась в глаза косая, неровная строчка внизу листа: «В чем собственноручно и подписуюсь. Федор Лукьяныч Бугров (Леший)».

Андрей уронил руку с листком на грудь, помолчал.

— Мотоцикл мой надо из Оглядкина забрать.

— Ключи где у тебя? В сумке? Не беспокойся, жениха пошлю — он сумеет.

Андрей повернул голову набок, облегченно прикрыл глаза и тотчас глубоко и спокойно заснул.

Вот такая была история. Непонятная...

ЗАСАДА

...Ну, насчет агентуры... В наше время их доверенными лицами считали. А кто поглупей, тот «стукачами» обзывал. Так вот, парень, без помощников ты будешь слеп и глух. Людская молва на селе — большая сила, парень. Худо о тебе станут говорить — не жди помощи. А вот если милиция — свой человек в селе, ему и без вопросов что надо подскажут...

Фамилия начальника районной милиции вполне соответствовала его характеру и облику. Крутов был немногословен, порой резок в служебном общении, но без унижающей грубости. Крепкие плечи, кулаки с хорошую тыкву, острый взгляд и цепкий ум. Умение мгновенно оценить и человека, и обстановку, выбрать из нескольких возможных решений самое верное — все эти качества он приобрел и развил в себе на многолетней оперативной работе.

Говорят знающие люди, что хороший опер — это одинокий волк, ищейка, со своим нюхом и со своими метода-

ми. Он предпочитает «свободный поиск», скованно работает в стае, а уж руководить — ему такого качества вообще не дано.

Так или нет, но вот Крутов это мнение опроверг и сумел свой специфический опыт сделать общим достоянием личного состава.

К Ратникову он еще приглядывался и оценки его работе не давал. Выслушивал терпеливо, советовал коротко, указывал по существу.

Так же по существу, лаконично провел Крутов совещание, на котором рассматривалась работа участковых уполномоченных. Дошла очередь до лейтенанта Ратникова.

Крутов высказался сдержанно. Служивцы отметили недостатки и промахи, дали свои советы. Замначальника по работе с личным составом покритиковал:

— Слабо с агентурой, с внештатниками работаете, Ратников. Нет у вас агентуры. А значит, и оперативной информации не будет. Берите пример с Огольцова. У него информаторов по списку — двадцать восемь человек. Вот как надо работать.

Тут слово взял следователь Платонов:

— Вот так как раз, извините, работать не надо. Вся агентура Огольцова — туфта, извините, голая.

Вспыхнул Огольцов. Зам возмутился. Но Платонов движением руки попросил их подождать.

— Двадцать восемь человек. Да, впечатляет. А информация от них? Я по своим делам скажу — пустышки все, сплетни, выдумки. Зато через участкового насчет дровишек в лесхозе разжиться или лесом строевым на льготных условиях отовариться — тут они первые в очереди. А что же касается Ратникова, то он, видимо, сам еще не понял, что на правильном пути стоит. Да, нет у него агентуры официально. В списках не значится. Но ведь и служит он всего второе полугодие. Да и не в этом дело. Вот, пожалуйста, по краже двух тракторов из Чистяковского автохозяйства. Кто нам информацию о местонахождении краденых машин сообщил? Участковый Ратников. Кто подсказал, где дезертира Шитикова искать, где он скрывается? Участковый Ратников. Я таких примеров могу десяток привести. А откуда у Ратни-

кова эти сведения? Он что, Шерлок Холмс гениальный? А я скажу: все эти сведения участковому люди сообщили. Потому что ему доверяют. Видят в нем справедливую власть. Которой не грех и помочь. Преодолевая круговую поруку. Разве это не агентура? — и сел Платонов сердито.

А Ратников изумился его словам. Ведь и правда, не было у него никакой агентуры. Про трактора ему Женька Косых намекнул. Про беглого Шитикова Настя Кузнецова подсказала. А вот почему? Неужели потому, что участковый Женьку от вина отвадил, а Настенкиного мужика от несправедливого подозрения оградил? Что ж — за добро добром ответили? А если всегда так-то? И работы милиции скоро не станет...

И еще — Андрею было очень лестно мнение Платонова.

Оно дорогого стоило. Платонов вообще был человек независимый в решении профессиональных вопросов; принципиальный, но доброжелательный. Своим вниманием (искренним, не демонстративным) он добивался контакта с подследственным, получал признание вины. В его практике не было (довольно частых в наше время) случаев, когда подследственный полностью признавал свою вину, а став обвиняемым, в суде отказывался от показаний и ссылался на психологическое и физическое давление, оказываемое на него следствием. Платонов был с ними честен, и они его не подводили, отвечали тем же.

Он очень помогал Ратникову в его первых шагах. И не столько — делясь своим опытом, сколько своим отношением к преступникам и потерпевшим, вообще к людям. Не случайно, если в отделении у кого-нибудь возникала необходимость посоветоваться (и профессионально, и по-житейски), человек шел к Платонову.

Андрей многое получил от него, научился распознавать людей и относиться к ним соответственно. Научился сочувствию к тем, кто в нем нуждался; ненависти к тем, кто ее заслуживал...

...Поймав благодарный взгляд Андрея, Платонов подмигнул ему и улыбнулся. Улыбнулся так, что понять его можно было лишь однозначно: мы еще поговорим с тобой об этом.

— Прошу внимания, — закрывая совещание, поднялся со своего места Крутов. — Еще один вопрос. На нашей территории участились случаи хищения легкового автотранспорта. Схема традиционна: угон—отстой—замена номерных знаков, перебивка номеров двигателя, перекраска—сбыт. По всем признакам, работает устойчивая группа, которая имеет стационарную точку, где угнанные машины получают необходимый камуфляж.

Совместно с соседями ведется проверка автохозяйств, станций технического обслуживания, стоянок, мастерских. Контролируется авторынок. Результатов нет. Но есть сведения, что такая точка может находиться в глубине района. Я прошу всех, не оставляя, естественно, своих прямых обязанностей, подключиться к этой работе. Особенно это касается участковых. Всю полученную информацию, все соображения замыкать на капитана Платонова. Все свободны.

Вставая, Андрей дал знак Платонову, и они задержались.

— Товарищ подполковник, — обратился Андрей к начальнику райотдела, — у меня есть предложение.

— Докладывайте.

Андрей доложил.

— Толково. Только где я тебе машину возьму, а?

— Я свою ему отдам, — предложил Платонов. — Мне не жалко.

— Я бы тоже такую не пожалел, — улыбнулся Крутов. — Действуйте, Ратников.

Однако уже на следующий день обстановка резко осложнилась. Дела по угонам совсем дурно запахли. Две из угнанных машин «засветились» в разбойных нападениях на обменные пункты валюты.

— Плохо, — сказал Крутов. — Похоже, проба пера.

Он не ошибся. По оперативным данным прошла слабая информация, что какая-то группа готовит ограбление сбербанка. Ни проверить ее, ни уточнить пока не удавалось.

А затем — еще угон с плохими последствиями. На участке шоссе, где сидели в засаде два инспектора ГАИ, отлавливая лихачей, они сделали попытку остановить по-

дозрительную «Волгу». В ответ, как сейчас пишут в газетах, прозвучали выстрелы. Оба инспектора получили тяжелые ранения. «Волга» скрылась. Эксперты установили, что стрельба велась, скорее всего, из пистолета «ТТ».

В управлении был создан оперативный штаб. Введен усиленный вариант несения службы. Работа велась круглосуточно. Напряжение нарастало.

Дня два-три, занимаясь обычными делами, Андрей то там, то здесь, то вообще в неподходящем месте, а чаще всего в магазине, ронял, как бы случайно, слова своей близкой заботы. Что вот, мол, выделили ему, наконец, в райотделе легковушку. Это славно! Да вот беда — машина то не новая, износ большой у движка, да и битая кое-где. Если ж в городе ее в порядок приводить — накладно выйдет. Надо что-то думать.

Дня два-три бросал семена в добрую почву, затем начал урожай собирать. То один что-то посоветует, то сразу двое что-нибудь подскажут. Слушал Андрей, прикидывал, что-то отбрасывал, что-то на заметку брал.

И нарисовалась картинка. Есть такой мастер, на все руки. Где-то он в Ямочках проживает. То ли две версты до них не доезжая, то ли — вовсе наоборот: как Ямочки миновал, так по праву руку. И звать этого мастера не то Саша, не то Саня. А вроде даже Яша.

Однако, как помнилось Андрею, в этих Ямочках даже в колхозное время ни мастерских, ни машинного двора не было.

Все-таки проверить надо.

Андрей оставил мотоцикл в отделе, пересел в Платоновскую «копейку», поехал лесными дорогами за тридевять земель, за тридесять рек в далекие Ямочки.

Машина ему глянулась. То, что нужно: старенькая, но ухоженная. Неприметная.

— Смотрится не очень, — похвалился Платонов, отдавая Андрею ключи, — а бегаёт хорошо.

— Как бегаёт — не важно, — отозвался Андрей. — Главное — смотрится как надо.

В соседних с Ямочками Березках Андрей остановился в сторонке, на въезде, сбил зажигание — двигатель стал «верещать», плохо набирать и держать обороты.

Возле магазинчика под громкой вывеской «Зайди!», больше похожего на обычную сельскую лавочку, сидели чуть хмельные мужички и, покуривая, похлебывая из общего баллончика мутное пиво, обсуждали свои невеселые дела.

Андрей притормозил возле них, двигатель чихнул, дернулся и заглох.

Андрей вышел, закурил, поднял капот и начал над двигателем уныло и глубокомысленно чесать затылок.

Мужики, видно, от скуки, а может, и по доброте, потянулись с советами.

— Что, дядя, искра в землю ушла?

— Выхлопные кольца дома забыл?

— Дай-ка я гляну. Бензин-то есть? Карбюратор сдох, не иначе. Вань, глянь-ка.

— Чего глянь? Я по дизелям, в общем и целом.

После всех советов и практических действий Андрей еле завел двигатель. Он чихал, выплевывал из выхлопной трубы сгустки черного дыма, но, однако, работал. Неровно, задышливо.

— Ехай ты, дядя, в Ямочки, — подсказал было один из мужичков, но осекся, получив тычок под ребра.

И тут же услышал Андрей за спиной приглушенное:

— Не, мужики, не бойсь. Признал я его — синереченский участковый. Правильный мужик. Подлянку не кинет.

Сообразил Андрей — опасались мужики, как бы он на хорошего, нужного всем человека налоговиков не навел. А сзади уже уверенно:

— Гони в Ямочки, шеф. Ямочки тут недалече. Килуметра три, не боле. Спроси там прежнюю кузню. Круглова Саню. Он что хошь наладит, добрый мастер. И берет не так чтобы дорого.

Ну вот, видать, не зря поехал. Добраться бы только до этого Сани, после всех издевательств над машиной.

«Три килуметра, не боле» тянулись долго. В самих Ямочках Андрей, уточняя дорогу, двигатель не глушил —

справедливо опасался, что после не заведет его. Машина выдержала и окончательно заглохла возле бывшей кузницы, а теперь нелегальной автомастерской, где сельский умелец Саня Круглов комплексно ремонтировал землякам их ржавые тачки. И брал за это не так чтобы дорого. Порой и комбикормом для своей скотины.

Вывески, конечно, на мастерской не было. Вернее, была, но очень своеобразная. Дверь в воротах — вся обитая старыми номерными знаками, даже дипломатические попадались.

И тут же Андрею бросились в глаза пустые места среди многообразия цифр и букв на металлических пластинах — на дверях явно не хватало номеров. А они некогда были — следы от винтов в двери остались.

Саня Круглов к клиенту не вышел. Шибко занят был — домкратами, клиньями, монтировкой растягивал смятый в гармошку кузов «Таврии». Андрей даже залюбовался. Медленно, но верно, на глазах, бесформенный комок железа приобретал знакомые очертания украинского лимузина. Где подогревая металл паяльной лампой, где просто и от души охаживая его молотком, Саня творил чудо — как великий скульптор — создавал из хаоса красоту.

— Тебе чего? — оторвался на секунду от дела, прикуривая давно загасшую, зажатую в зубах папироску. — Чем страдаешь?

— Если б знал... Еле доехал. Верещит, чихает, дергается на ходу.

— Зажигание. Сейчас посмотрю, покури пока.

Андрей покурить не успел, как Саня вышел из мастерской, вытирая руки ветошью. Глянул под капот, ослабил крепление трамблера.

— Заводи.

Двигатель завелся. Саня, склонив голову, медленно, нежными движениями вращал трамблер туда-сюда, прислушиваясь к меняющемуся шуму двигателя.

— Газани!

Двигатель послушно, даже как-то радостно взревел, плавно сбросил обороты и ровно, устойчиво забормотал, довольный собой. И чуткими руками механика.

— Вот и вся недолга. А ты боялся. — Саня закрепил трамблер.

— Сколько я тебе должен? — Андрей достал бумажник.

— Да брось, мужик. За такую ерунду-то.

— Это для тебя ерунда, а для меня темный лес.

— Каждый своим делом должен заниматься. Кто чего лучше умеет. К чему сердце лежит. Вот ты, к примеру, чем занимаешься?

— Жуликов ловлю. — Андрей уже понял, что с этим человеком хитрить не надо. Вряд ли он заодно с угонщиками. Скорее всего, и не подозревает, что пособничал им своими чистыми и умелыми руками.

— Во, видишь. Я ведь в твое дело не лезу.

— Клиентов-то много?

— Хватает. Техника у мужиков до ручки дошла. Времена такие — новую-то не больно купишь. Вот и помогаю по мере сил.

— Движок перебрать можешь?

— А зачем? У тебя неплохой, я ведь слышал, как он дышит — ровно и чисто.

— Нет, я так, из интереса.

— А чего? Я ведь все делаю. И жестянку клепаю, и резину варю, и в электрике малость петрю. Ну и покраска — ради бога.

«Ну все, хватит», — решил про себя Андрей.

— Недавно черную «Волгу» перекрашивал?

— Двадцать четвертую? Было дело. Клиент знакомый. Часто заезжает. Старыми тачками торгует. Нечестный, конечно. Покраску сделает — и цену ломит. Как-то даже номер на движке ему перебивал.

— Зачем? Нельзя же.

— Да уговорил. Клиент, говорит, ушлый попался. По номеру движка год выпуска узнает. Вот я ему, говорит, и впарю. Он меня тоже, говорит, разок подставил — квиты будем.

— Наивный ты мужик, Саня Круглов, — серьезно сказал Андрей.

— Да что ты? — изумился Саня. — Неужели ворованная? Ты, стало быть, с тем и приехал? Во дела! Во влип Саня Круглов — дурак круглый!

— Дела еще хуже, Саня. — И Андрей рассказал ему все. Саня выслушал, изумленно помолчал.

— Ежли б знать. Да я б ему кувалдой в лоб вмазал разок — и вся недолга.

— А ты ведь ему еще и номера давал, — Андрей кивнул на дверь с прорехами.

— Во впрямь дурак-то! — Саня схватился за кудлатую голову, закачался, застонал: — Он ведь мне врал, что старые номера коллекционирует. Хобби у него такие. Вот тебе и хобби. — Закурил мятую папироску. — Ну что, собираться мне? Пару белья да кусок мыла?

— Не спеши, — улыбнулся Андрей. — Поговорим еще. Вот что скажи: сколько раз он у тебя был? Как выглядит? Что заметил необычного?

— Необычного ничего. Мужик крепкий такой, приземистый, пенечком. Руки длинные, сильные. Взгляд быстрый. А был он у меня разов шесть. — И Саня назвал все те машины, которые числились в угоне.

— Он один всегда приезжал?

Саня кивнул:

— Однажды только с ним какой-то парень был. Молодой, картавый немного. «Кавоша» мы таких зовем.

— Это как? — не понял Андрей.

— Не всегда букву «лэ» выговаривает. Вместо «лодка» говорит «водка».

— А вместо «водки»? — улыбнулся участковый.

— «Водку» правильно выговаривает, не ошибается. — Он помолчал. — Мне помнилось, что он вроде как бы охранник у него.

— Почему помнилось?

— По ветру, — усмехнулся Саня. — Куртку ветром распахнуло, а тама — пистолет в кобуре.

— А какой пистолет, не заметил?

— Да где... Большой вроде. Но не «макарыч», точно.

— Ладно, Саня Круглов, спасибо за сведения. Вот тебе телефон — по нему в любое время можно звонить. Как объявится твой премудрый клиент, не медли. У него дела нехорошие.

— Да понял уже, — Круглов смущенно поскреб макушку. — Ну и дурак же...

Все эти сведения Андрей срочно передал в штаб.

Оперативному дежурному райотдела поступило условное сообщение. Он срочно передал его начальству, начальство — участковому Ратникову для проверки и принятия мер.

Андрей снова помчался в Ямочки.

Саня Круглов встретил его словами:

— Как машинка? Бегает? — будто и не было в мире других проблем.

— Ты звонил? Что случилось?

— Звонил, — пожал плечами Саня. — Что ты спешешь? Время есть. Садись, покурим.

Они сели в теньке, на старое удобное сиденье с грузовика. Перед сиденьем торчал широкий чурбак, вроде столика. А над головой — густая крона старой липы.

— Выпивать здесь хорошо, — помечтал Саня. — Душевно очень. Правда, я стакан всегда ладошкой прикрываю.

— Что так? — не сообразил Андрей — не до того было, не до хитростей со стаканом.

— Гнезд на ней много, — кивнул вверх кудлатой башкой Саня. — Воробьи-то, ладно, а вот Лехе Седому раз ворона в стакан капнула. Он аж взвыл. Говорит: нарочно она. Случайно так точно не попадешь.

— Может, хватит? — не выдержал Андрей.

— Ты слушай, вникай, — как-то многозначительно проговорил Саня. — Ты человек служивый — тебе наши деревенские дела полезные.

«Неспроста он тянет», — сообразил Андрей. И точно — в разгар разговора из мастерской вышел клиент. Подошел, поздоровался с Андреем, а Сане сказал:

— Значит, точняк договорились? Сделаешь?

— А то! Делов-то. Авансик бы надо. Вот с городским дружком посидеть. А то и ты присоседься.

— Спасибо, времени нет, — сказал клиент, серенький невзрачный мужичок в кепке, которые никто уже не носит — взять их негде.

Он отдал Саньку деньги и пошел в село.

— Осторожный, — сказал Саня, — машину в селе оставил, ко мне пехом явился. Я нарочно его задержал, чтобы ты срисовал его.

— Я понял. Кто это?

— Имени не знаю, не назывался. От того человека.

— Подробно, Саня.

— Я и так стараюсь. Сказал так: твой такой-то клиент, помнишь его, сейчас очень занят, еще две тачки к продаже готовит. А меня, мол, попросил их тебе подогнать. На перекраску.

— Какие марки? — уточнил Андрей.

— То и дело-то, что не назвал, понимаешь? Сам еще не знает, какие угонит, ясно тебе?

Куда яснее!

— А еще просил диагностику сделать. По полной программе. Чтоб и движок как зверь, и ходовая как ветер. Мол, клиент придирчивый, толк понимает.

— Когда он приедет, не сказал?

— Сказал. Да уж больно точно — на днях, говорит.

— Покажи свою мастерскую, Саня.

— Это как? — хитро улыбнулся.

— Сам знаешь, — улыбнулся в ответ Андрей.

Они вошли в ворота. Со света в мастерской было темно, не все, что надо, разглядишь. Саня щелкнул выключателем, под потолком тихо загудело — засветились дневные лампы.

— Ну, гляди.

Обычная мастерская, без наворотов. Но все, что надо, есть. Смотровая яма, стеллажи с запчастями и инструментами. Газовые баллоны, лебедка, сварочный аппарат. И все в порядке, все под рукой. Никаких ржавых уже десять лет железа, никакой прелой от старости резины. Все чисто, аккуратно, надежно.

Но не это интересовало Андрея. В глубине он заметил небольшую дверь.

— Это куда?

— Подсобочка там такая. Масла держу, топливо.

— Покажи.

Они вошли в небольшое помещение. Без света, об одно окошко и с небольшой дверцей в задней стене.

— Эта дверь куда?

— На зады, — Саня щелкнул щеколдой, распахнул дверь. — У меня там хобби — городошная площадка. Люблю это дело.

Андрей выглянул. Сразу за дверью — густые заросли акации, тянутся до той самой липы, с которой мудрые вороны по-своему с пьянством сражаются.

Андрей прикрыл дверь, запер.

— Годится? — с хитрецей спросил Саня. — Могу скамеечку здесь соорудить, лежак поставлю. Тут и чайничек можно спроворить. А для нужды — ведро старое найду.

Хорошо иметь дело с умным человеком. Андрей давно заметил: если мужик хорошо свое дело знает, он и в других делах сметлив.

Вот и Саня таков. Но уж больно простодушен. Да плохо ли это? Не легче ли жить с открытой душой? Не подозревать в хитрости всех и каждого, а на доброе в человеке рассчитывать?

Андрей сердечно попрощался с Кругловым, поблагодарил его за помощь.

— Все бы так на наши просьбы отзывались.

— Странный ты парень, товарищ лейтенант. Ты себя благодари. Ведь я об тебе тоже кое-что слышал.

Оперативное совещание. Докладывал начальник угрозыска.

— Резюмирую: по косвенным и некоторым прямым данным, «Стая» намеревается совершить разбойное нападение на сбербанк с последующим уходом с территории области. Лейтенанту Ратникову удалось получить сведения о готовящемся уgone двух легковых автомобилей и их перекраске в мастерской Круглова в Ямочках. Видимо, эти машины и будут использованы в предстоящей преступной акции. В Ямочках необходимо организовать засаду из опытных оперативных работников.

— Нет у нас свободных людей, — вздохнул Крутов. — Тем более — на очень неопределенное время.

— Задача несложная, — вставил Платонов. — К Круглову приедут максимум двое. И нас двое — я и Ратников. Справимся, Андрей Сергеевич?

Ратников молча кивнул.

— Насчет того, Андрей, что их будет только двое, я подзагнул маленько. Кто знает, может, вся банда заявится. Так что работа нам предстоит серьезная. — Платонов улыбнулся: — Стало быть, сделано должно быть все в лучших традициях. Будто не следователь и участковый их берут, а взвод ОМОНа и рота спецназа.

— Что ты имеешь в виду?

— Прежде всего — внешний антураж. И повышенную осторожность.

Собирались внимательно, не спеша, учитывая все мелочи. Камуфляж со всей спецназовской атрибутикой, вплоть до кобуры к баллончику, маски-шапочки. Сухпай, сигареты. Автоматы со сдвоенными рожками.

— Броники берем? — спросил Андрей.

— Обойдемся. Нам нужны будут быстрота и гибкость.

Машину сперва хотели оставить в Березках, но решили не привлекать к себе внимания, да и мятая «копейка» перед мастерской подозрения не вызовет. Скорее — наоборот.

У Круглова разместились с удобством. Саня устроил им вполне комфортное логовище. Даже свет специально провел. Гвоздики для автоматов вбил. Баловал домашними обедами, обеспечил одеялами. Заботливо поставил в угол ведро с крышкой:

Потянулось время.

Сперва настораживались из-за всякой ерунды: то шум проезжающей машины, то говор Саниных знакомцев, то — наоборот — вдруг птицы смолкли. К концу первых суток притерлись к обстановке. И глаз, и ухо выхватывали только нужное.

Потихоньку беседовали. Обо всем. И о многом.

— Вот послужишь еще, Андрей, — покуривая, говорил вполголоса Платонов, — поймешь, какой у нас «на земле» показатель работы самый важный...

— А я и так знаю, — похвалился Андрей: — Раскрываемость.

— Оно так, конечно, — усмехнулся Платонов. — Если на твоей территории с твоей помощью все правонарушения раскрываются, да еще и в срок, — это, конечно, показатель. Но не главный. А когда у тебя вообще правонарушений не случается, вот это показатель. Самый показательный. Потому что за ним — не видная на глаз, но огромная работа участкового. Его контакты с населением. Профилактика.

«Профилактика, — не отвечая думает Андрей. — А как ее проводить? Если почти поголовно пьют люди? Если работы у них нет? Если тоска и злоба на сердце черным камнем лежат?»

— ...Потому что брошены люди властью, на выживание. Им до Бога высоко, Андрей, а до царя далеко. Да и толку-то от этого царя... А ты на селе — власть, простая и понятная. А если еще и справедливая, так ей цены нет... Конечно, квартиры ты не даешь, зарплату не платишь, но слабого защитить, обиженного поддержать, злобного оборвать — в твоих силах. В твоей власти...

«Власть, — думал Андрей, — не только справедливой должна быть. Она должна быть честной».

— ...А в общем, Андрей, — продолжал Платонов, — ты себя правильно поставил. Ведь на селе как? Все всё обо всех знают. И о тебе в первую очередь. И в комоды эти знания не держат, активно обмениваются информацией. Прижал ты за дело кого-то или отстоял невинного — вмиг вся округа узнает. И молва об участковом пойдет: справедливый человек, правильный; если что — к нему смело иди — поможет. К тому же, Андрей, если правильно себя поставишь, не будет у тебя проблем с информацией. Не станут люди от тебя замыкаться. Ведь вот по сути: если какая, к примеру, кража случается, поверь, Андрей, вся деревня знает — кто и что украл. Знает, но не скажет. Как, мол, милиции своего соседа выдать? Мы с ним столько водки вместе выпили, сколько раз друг другу морду били да сколько раз выручали друг друга по-соседски! А я милиции на него настучу? Не бывать тому. А вот если эта милиция — справедливая власть, то ей и поверят, и помогут...

Луна, невысоко поднявшись, робко заглядывает в узкое окошко, кладет на щелястый пол квадратик света. Тишина вокруг, аж в ушах звенит. Только пискнет спросонья малая птаха, неугомонно, ладным хором стрекочут кузнечики, да выдаст вдруг протяжную трель бессонная лягушка.

Идет неспешная беседа. Ночь спокойная. Вряд ли бандюки нагрянут — что им здесь ночью делать... В сон клонит, особенно к утру. Спят, дремлют по очереди.

— ...Да, Андрей, к стыду и боли сказать, — сильно наша милиция изменилась. Раньше, я бы сказал, у нее социальная направленность была. А нынче? Какого-нибудь Ваню за мешок комбикорма, от нищеты им спертого, сажаем. А богатеев, явных бандюков и жуликов, не трогаем. Вон, на Белом озере, какой наша администрация берег отхватила. Особняки в три этажа, яхты американские. А зарплаты у них скромные. Поменьше моей, побольше твоей. У меня сейчас в производстве дело Синякова. Знаешь его, он в районе строительством ведает. Бандит откровенный. Я его по трем статьям расколоть пытаюсь, и все никак...

Андрей вспомнил поджигателя Шурика, мальчишек, поделился сомнениями.

— Что ж, получается, что нынче и мы — милиция — так или иначе закон нарушаем?

— Что я скажу? — помолчав, отозвался Платонов. — Не скажу ведь: для защиты граждан, мол, иногда и закон можно нарушить. — Обтекаемо, с усмешкой высказался старший по званию и должности.

Светает. Стихают сверчки и лягушки. Смелеют птицы. Свежеет воздух — даже здесь, в каморке. Скоро Саня на трудовую вахту заступит. Принесет либо пивка своим постояльцам, либо молочка парного.

На третий день Круглов дал условный знак — громко включил в мастерской радиоприемник.

К бывшей кузне одна за другой подъехали две машины — «жигули», шестерка и четверка. За рулем первой сидел давешний мужик в кепке, за рулем другой — молодой пацан в бейсболке, остервенело жующий жвачку. И кто-то еще.

— Похоже, клиенты прибыли.

Платонов снял с гвоздя автомат и положил его на колени. Ратников подошел к окошку. Выглянул с краешка.

— Что наблюдаешь лейтенант? — чужим голосом спросил Платонов.

— Их трое. Двое вышли, идут сюда. Один остался в машине.

— За рулем?

— Нет, сзади.

Платонов встал, бесшумно взвел затвор.

— Действуй, лейтенант. Работаем жестко.

Ратников выскользнул через заднюю дверь и исчез в зарослях акации.

Платонов немного выждал, перешел в мастерскую, из темного ее нутра оценил обстановку.

Шагах в десяти двое прибывших — один в кепке, другой в бейсболке — разговаривали с Саней. Тот стоял перед ними, небрежно опираясь на городошную битку. Вооружился он, что ли, подумалось Платонову.

Прислушался.

— Принимай, мастер! — тот, что в кепке, потянулся, разминаясь. На лице его играла довольная улыбка, за которой угадывалось облегчение вора — кражу сделал, от погони ушел, бабки получит. — Тебя просили и номера сменить. У тебя их много.

— Это как? — удивился Саня. — Так не договаривались. Я темные машины не делаю.

— Сдеваешь! — с явной угрозой произнес тот, что жевал жвачку. — Тебя люди просят.

— Люди так не просят.

— Ты что гонишь, вох? — рука парня нырнула под мышку. — Девай, что велят.

Ну, тут уже думать было некогда, да и Ратников вышел на позицию.

Платонов надвинул шапочку, вылетел из тьмы мастерской и, полоснув короткой очередью над головами, закричал страшным голосом:

— Лежать! Замочу, суки!

Мужик в кепке послушно бросился наземь, обхватил руками затылок. «Кавоша» попятился, зашарил правой рукой под мышкой.

Андрей молча, с силой ткнул его стволом автомата меж лопаток. «Кавоша» изогнулся, упал на колени. Андрей заломил ему руки, надел наручники. Выдернул из его кобуры пистолет. «ТТ»! Неужто тот самый? Выщелкнул обойму: так и есть — двух патронов не хватает. Едва сдержав сильнейшее желание врезать «Кавоше» по ребрам, Андрей обернулся.

Сидевший в машине парень уже перебежал дорогу.

— Стоять! — крикнул Андрей, вскидывая автомат.

Саня взмахнул своей битой. Бросок был мастерский — палка вошла точно парню меж ног. Тот грохнулся как подкошенный, Андрею пришлось волоком тащить его к машине.

Платонов между тем, заломив мужику в кепке голову, глянул ему в лицо и воскликнул:

— О! Гога Мокрый! Я рад! Восьмерик тебе обеспечен.

— Еще поглядим, — проворчал Гога, вставая.

Платонов обыскал его. Оружия у Гоги не было, зато оба внутренних кармана были набиты техпаспортами на автотранспорт различных марок.

— Сами их отвезем? — спросил Андрей. — Или наряд попросим?

— Отвезем, только не сразу. Ты сажай этих, а я с Гогой парой слов обменяюсь.

Он взял Гогу за шиворот и поволок в мастерскую, запахнул за собой ворота.

— Саня, — попросил Андрей, — на нашу машину сядешь? В райотдел отогнать.

— Без вопросов.

— Здорово ты его снял своей палкой, — похвалил Андрей.

— Хобби у меня такое, — усмехнулся Саня.

Андрей усадил двоих задержанных на заднее сиденье «копейки», закрепил наручниками.

— Сидеть молча, — предупредил. — Кто дернется — в лоб. — И уточнил: — Пулю.

Тем временем из ворот мастерской вышел довольный Платонов, подталкивая перед собой Гогу. Тот был в «слезах и соплях».

— Расколос я его. С трех нот. База у них в Опенках. Вся «стая» там гужется. Сообщи в штаб.

...Доехали благополучно. Сдали под охрану.

Андрей забрал свой мотоцикл, усадил в коляску Саню.

В Ямочках душевно с ним простился.

— Заезжайте опять, если что, — с хитринкой предложил Саня. — Ведерко я пока в том же углу оставил. Хобби у вас такое.

ХУЛИГАН

Из частности, парень, можно общее явление выявить, тенденцию заметить. Вот возьми хулиганство. Простая на первый взгляд квалификация преступления — грубое либо злостное нарушение общественного порядка. Но ведь ни один хулиган на другого не походит. Иной «разовый» бывает, а иной всю жизнь душит. И каждый — по своей причине. Один, к примеру, со зла хулиганит, от неуважения к людям, другой — по пьянке, когда его нелюдская суть наружу выхода ищет, третий — внимания к себе больше ничем привлечь не может, а очень ему того хочется, а который — и от возмущения или от сильной обиды на что. Вот тут ты времени не жалея, внимательно разбейся.

Закончив прием населения, Андрей распахнул пошире окошко (он его в эти часы всегда прикрытым держал — мало ли о чем ему люди жалуются, не всем же знать) и дал волю хорошему вечернему ветерку, свежему и пахучему после недавнего дождика. И ветерок, словно понимая, что все ему — такому славному — дозволено, вздул занавески, качнул абажур над столом и сбросил на пол листки бумаги.

И тут послышался издали характерный, всей округе известный скрип ни разу не мазанного почтальоншина велосипеда, дребезг незакрепленного, болтающегося на руле звонка.

Почтальонша Люба вскоре проехала мимо окошка, сильно кренясь на сторону от большой своей сумки и напряженно глядя на дорогу. Сколько лет уж ездила, а велосипеда боялась, все время ждала от него подвоха или неожиданной хитрости, без посторонней помощи в седло садиться не могла. Да и слезала с трудом. Однажды упала в поле на скользкой после дождя тропке, в семи верстах от села, и так и шла пешком, тянула велосипед, как упрямую козу до бригады, где опять ее посадили и подтолкнули.

— Андрей Сергеич, — крикнула она куда-то вперед, не поворачивая головы, не моргая глазом. — Хулиган Петрович опять к соседям мириться пошел! Торопись!

Ох уж этот Петрович! Инвалид войны, седой и старый, — буян и дебошир. Давно еще ему в драке оторвали и поломали хороший заводской протез, и он, вырезав липовую деревяшку, частенько с той поры использовал ее в своих боях. Теперь, когда уже неумолимо терпеть его стало, им детей пугать начали: «Придет Курлы — Липовая нога, я тебя ему отдам!» Было у Петровича и еще одно прозвище, но об этом потом, в своем месте.

Петрович, как правило, начинал буянить дома. Разогнав домашних, побив посуду и выкинув в окно цветы с подоконников, обыкновенно продолжал бой на соседской территории. С соседями они занимали пополам один дом, и участки у них были смежные, так что свеженький повод для войны всегда находился.

Сосед — тоже старик, но покрепче Петровича телом, ехидно используя его неустойчивость, спихивал того с терраски и, волоком оттащив к крыльцу, бросал в сени и подпирал дверь слегой. Петрович стучал деревяшкой, орал, ругался, потом мирно засыпал, а проснувшись, брал бутылку и шел к соседям мириться.

Перемирие кончалось быстро, тут же — за столом. Сначала звенела домовита посуда, слышался умиротворенный говорок противников, охотно идущих на взаимные уступки, совершались договоры по спорным вопросам. Потом голоса становились крепче, взвизывал над селом дуэтом «Хасбулат удалой...», а чуть позже — уже трещали

рубахи, опрокидывался стол, и... опять сосед волочил Петровича домой «на отсидку».

В этот раз Андрей решил припугнуть Петровича постороже. И — хотя рядом было — не пошел пешком, а перебросил через плечо ремешок планшетки, сел на мотоцикл.

У соседей петь уже кончили, наступило краткое затишье перед встречным боем. Андрей, нарочито стуча сапогами, строго поднялся в избу, вошел, осмотрел поле битвы, вынул из планшетки лист бумаги, черкнул что-то на нем, строго произнес: «Понятно».

Петрович, отставив для устойчивости липовую ногу, примерял в руке чужой, непривычный ему сковородник. Сосед щитом прижимал к груди подушку с дивана.

— Так, — официально сказал Андрей. — Собирайся, Петрович, поедem.

— А! — обрадовался неостывший от азарта предстоящей схватки Петрович. — Вовремя ты, Сергеич. Иначе бы в этот раз уж точно пришиб эту чудовищу.

Андрей взял его под руку, вывел и усадил в коляску, нахлобучил на голову шлем.

— Куда едем? — наконец опомнился Петрович.

— В милицию, — спокойно, как-то даже равнодушно ответил участковый. — Хватит тебе безобразить. Пора ответ держать.

Петрович нерешительно засмеялся:

— Инвалида не посодют.

— Посодют, — уверил Андрей, выезжая на шоссе. — Еще как посодют. Работать, конечно, не заставят, а позору тебе до смерти будет. Сиди, сиди! А то вывалишься еще, опять ногу сломаешь.

Петрович выбросил на дорогу сковородник, насупился, думал.

— По всей форме, что ли, тюрьма будет?

— По всей. Я на тебя уже три рапорта написал. Начальство говорит — воспитывай. А у меня терпение лопнуло.

Петрович подскочил как ужаленный:

— Больно быстро! Худо ты свою службу справляешь. И начальство тебе правильно толкует. Ты формализму не

допускай, с людьми работаешь... — и покосился: не обиделся ли участковый?

Андрей промолчал, про себя посмеиваясь, а на лицо хмурясь.

— Простил бы ты меня, а? Я больше не буду, — помолчав, по-детски попросил Петрович.

Андрей притормозил, остановился, сдвинул фуражку, будто раздумывая. Хотя только этого и ждал.

— Я ведь не со зла. Характер у меня такой боевитый. Дух у меня горячий, все в бой рвусь.

— Чего ж ты со старухой-то воюешь да с внуками? Сколько от тебя терпят!

— А с кем же еще мне воевать, увечному? Меня боле никто не боится.

— А зачем тебе, чтобы боялись?

— Авторитету хочу. Чтоб слушались и уважали старого дурака.

— Уважения хулиганством не заслужишь. Его надо добром и пользой брать. Ты почти всю свою пенсию в магазине на вино меняешь, а внучатам хоть раз конфетку подарил? Сказку им рассказал? На гармошке играть поучил? Других дедушками зовут, а тобой детей пугают. Дожил!

— Распустился, — покорно признал Петрович. — Боле не повторю безобразия. Слово даю!

— Ну, смотри, — как бы нехотя согласился Андрей и похлопал по планшетке. — У меня тут на тебя материалу много, чуть что — сразу в ход пушу! Запомни!

— Не сомневайся, Сергеич! Не допущу.

Вернулись в село, подъехали к дому.

— Что скоро-то? — поинтересовался сосед. — Отсидел уже? А сковородник где дел?

Петрович подошел к нему, протянул руку:

— Прощай, сосед. Боле тебя видеть не хочу, не желаю. Рожа твоя в грех тянет — так и хочется тебя костылем огреть. Отворачивайся от греха при встрече, прошу тебя как человека, хоть ты и чудовище. Но верно люди говорят: с кем поведешься, с тем и наберешься. А сковородник твой в

поле ночевать остался. — Пошел к себе, обернулся: — Сергеич, а песни играть можно? Душу отвести.

— Можно, — усмехнулся Андрей. — Хоть весь день ори, но в двадцать три часа — отбой.

По правде сказать, не очень Андрей тем разговором успокоился. Вроде, по обязанности он вышел, не по сердцу. Не было в нем нужного стержня. Что-то неясное осталось. Так, договор какой-то неустойчивый получился. Но все-таки поверил Петровичу. Не думал, что тот снова в бой ринется. Да ошибся — ненадолго Петровича хватило...

Опять же к вечеру случилось, Андрей как раз в клуб собирався зайти, за порядком присмотреть.

Несмотря на разор по деревне, разделение да разногласия, иногда собирались односельчане в старом клубе, по старой колхозной памяти, у старого телевизора. Тянулись друг к другу и не столько на экран глядели (в доме-то у каждого свой телек, а у некоторых и с видачком), сколько беседовали, вспоминая времена прежние, жалуясь на нынешние.

Актный зал в аварийном состоянии был, Андрей лично на его двери замок навесил, а вот бывшая игровая так называемая, где прежде шашки, шахматы и домино водились, та еще держалась. Ну, стекла в ней не все сохранились, полы под ногами проминались, обои со стен языками висели, но работал здесь телевизор, и даже бильярдный стол, хоть и качался на некомплектных ногах, но все еще жил. И даже два шара по драному сукну катались.

Ну, понятно, когда в таком месте народ собирается, за ним доглядеть нужно. Хорошо еще, если мужички втихаря на бильярде бутылочку маханут и по домам разойдутся. А уж если дискуссию затеют по вопросам прежней и нынешней политики...

Словом, направился Андрей в бывший клуб, а уже из клуба за ним бежали, руками махали, смеялись и что-то вовсе несурзное кричали. Вроде того, что Петрович в клубе телевизор бьет.

Так оно и было. Когда участковый вбежал в бильярдную, Петрович, изготавившись для дальнейших боевых действий, держал на отлете обломок костыля, а сосед-

чудовище одну руку с кием, как со шпагой, вперед выставил, а другую на загривок положил (видно, досталось уже). Телевизор, разбитый вдребезги, лежал на полу. А вокруг стояли мужики и мальчишки, с интересом ждали продолжения, хрустели, переминаясь в нетерпении, битыми стекляшками.

Петрович, увидав участкового, с горечью отбросил кость и закрыл лицо руками. Андрей составил протокол, и они поехали на мотоцикле в милицию.

Дорогой Андрей все обдумывал — как поступить? Что-то в нем боролось. И не к месту вспоминались назидания прежнего участкового. По поводу бытового хулиганства: «Вот тут ты времени не жалея, внимательно разбирайся».

Разберись тут...

...Добирались к шоссе проселком. Здесь не до разговоров было, дорога ухабистая, коварная.. А как до перекрестка доехали, Андрей на обочину свернул, остановился. Что-то покоя ему не давало. Занозой сидело внутри чувство своей вины, непонятной еще, но колючей, досадной.

— Покури, Петрович, далеко еще.

Петрович вздохнул, свернул махорочную сигарку — с войны так и не отвык от нее, — приладил поудобнее протез.

— Не стыдно тебе? — вдруг спросил Андрей. — Ты у нас на всю округу один живой фронтовик остался. Примером для молодежи должен быть, а что вытворяешь? Дожил старый солдат — и боятся тебя, и смеются над тобой.

— Примером... — буркнул Петрович. — Для пацанов, что ли? Да я их раз в год вижу, на Девятое мая, когда они меня в школу зовут... в президиуме посидеть. Первый раз пришел — таких слов наслушался об заботе, об светлой памяти, что слеза пробилась, на другой раз — те же слова, но уж не плакал, а после, кроме обиды, вовсе ничего не тронуло. Музей в школе сделали, гимнастерку мою пробитую повесили, а чтоб просто так навестить либо в хозяйстве помочь — где они?

Андрей насторожился:

— А телевизор-то при чем? И сосед твой?

— Да, это все одной грустной песни слова. Задрознил меня сосед. Не говорил я никому об этом. Тебе первому. Все понимает: что ж, ты, мол, Петрович, воевать воевал, а ничего не навоевал? Какая тебе благодарность вышла? Одни ордена и медали? Пенсия маленькая, с усадьбы крайние сотки отрезали. Юные следопыты к тебе не ходят. Премии тебе не дают. Не очень глупый, вроде, мужик, а как ему объяснить, что не за эти сотки я воевал, а за всю Россию. Поневоле, если слов не хватает, за костыль возьмешься. Ведь это он меня «кастелянтом» прозвал. Загадочное слово, а обиды в нем много: как услышу, она вот так — прямо за горло — берет.

Петрович закашлялся, бросил в кювет окурок, обхватил ладонью шею.

По-вечернему засвежело. Ветерок тихий пробежал, пошевелил листья на деревьях. На лужке, что прямо от дороги к лесу лежал, забелело чуть заметно — туман поднимался. Небо еще все светлое было, а на краю его одна звездочка зажглась, поторопилась.

Шоссе в оба конца пустое было, тишина кругом стояла.

Ратников эту историю с «кастелянтом» плохо знал. Началась она, когда он в армии служил.

Приехала тогда в село съемочная группа, чтобы «на натуре» сделать кино о войне. С ними прибыла и небольшая воинская часть, танки привезли, под немецкие переделанные, настроили рубежи да укрепления, колючую проволоку растянули, воронок и окопов нарыли как раз на этом лужке — они и по сей день остались, только сейчас не видны в тумане.

Солдатики, которых для съемок отобрали, тут же в палатках жили, а артистов во главе с режиссером в бороде и американской кепке устроили в селе — хорошо устроили, с уважением, с удобствами.

Ну, понятно, съемки эти вся округа смотрела. Доковылял туда как-то раз и Петрович, интересно ему очень было. И вот не удержался да замечание сделал — не понравилось что-то, неправильно было. Режиссер в бороде и кепке обрадовался, еще что-то спросил и заставил Петровича зачислиться консультантом, как он говорил, «по вопросам

деталей фронтового быта». Петрович немного поломался от неловкости и стеснения, но согласился и взялся за дело всерьез.

— Всю фронтовую науку им преподавал, веришь, не забывается она. Показал, как шинельку подстилать и ею же укрываться. А то ведь и это не знают. Ты, говорю, хлястик отстегни — она и распахнется одеялом, во всю ширь, недаром у ней складки назади — вот теперь и подстелить есть что и чем укрыться хватит... Опять же — костерок в траншее развели — дыму-то, ровно паровоз напустил. На фронте такой костерок немец живо миной загасил бы. Ну, и это им подсказал как надо. Научил, как в окопе ниши расположить — печурками мы их называли — для гранат, для закурки; показал, где приступочку оставить, чтобы ловко было выскочить, если команда выйдет в атаку бежать. Ну все, как говорится, путем наладил. Слушались меня хорошо, уважительно. Даже машину за мной присылали попервости. И очень мне поначалу они понравились — старательно работу свою делали и переделывали, с умом и с душой трудились.

А потом у Петровича разлад с артистами вышел, да такой, что не обошлось без последствий.

— Вот, пойми, какой-то сначала у меня холодок к ним стал появляться. Вроде, без ничего, без причин. Ну, сядут они в кружок отдохнуть, понятное дело — люди ведь, и сразу разговоры про другое: кто про гараж свой — протекать стал, кто жалуется, что сапоги дочери какие-то особые все не достанет, кто про долги свои... Понимаешь, Сергеич, только что они плакали для кино, когда товарищей боевых хоронили, а тут же и жалуются на зарплату. Ну не сразу ведь, правда? Ну, подожди маленько, потерпи ради тех, про кого кино снимаешь, и ради тех, для кого это делаешь...

Дальше — больше. Заметил Петрович, как одна артистка (она сандружинницу играла) после каждого взрыва, когда на нее землю сыпали, стала уж больно сердито отряхиваться, а потом и вовсе за воротник гимнастерки начала платочек закладывать.

— Не могу, говорит, земля за шиворот сыпется. Ну и другие за ней следом жаловаться пошли, трудно, мол,

устали. Тут случись у них междусобойчик маленький — день рождения у кого-то совпал. Коньячку понемножку под кустиком хлопнули. Меня, конечно, тоже пригласили, поднесли с хорошим словом. Ну и разговор пошел обратно об усталости, об трудностях быта. И нет-нет, а кто-нибудь и вставит: видишь, отец (они меня кто отцом, кто дедом звали), тут у нас совсем как на фронте, верно?

Не стерпел я. Земля, говорю, вам за шиворот сыпется. А как же, говорю, по правде было, когда девушки наши месяцами бани не знали. Когда они круглые сутки на глазах у мужиков — нужду справить, и то задача. Да все время под огнем, когда не знаешь, где тебя косая ждет и сколько еще у нее терпения. А ты, говорю, девка, вечером отряхнулась, в баньке попарилась да в теплую постельку к своему начальнику — прыг! Трудно им! А мы за четыре года из окопов только в госпиталя вылазили. На голой земле спали, и платочков у нас вовсе не было. Я на войне ногу свою оставил и сердце. А они равняют... Словом, обложил их в четыре наката, плюнул и ушел.

Не простили. Бумагу на меня написали. Всю-то я не знаю, а про какое-то нетактичное поведение, про грубость и еще чего-то, забыл уже, мне в военкомате читали. Из-за этой бумаги меня с юбилейной медалью обошли. Сами в каждый срок проверяют на комиссии — не отросла ли нога, а медаль пожалели. Камень холодный на сердце лег. Не из-за медали, конечно. Я их с войны достаточно принес. Настоящих. На иных четверых хватит.

Андрей слушал и молчал. А что тут скажешь?

Петрович снова закурил, спустился в коляску мотоцикла поглубже и фартук набросил — озноб его брал.

— Вот с той поры, с того случая и задразнил меня сосед. Говорит, не получился из Петровича артист, один «кастелянт» вышел.

Наконец-то понял Андрей, из чего эта кличка вышла — из консультанта и костыля. Трудно с такой обидой жить, особенно когда о ней каждый день напоминают.

— Ну ладно, с соседом я разберусь, — пообещал участковый. — За дело ему от тебя доставалось. Да телевизор-то зачем ты разбил? Тоже виноват?

— Телевизор не виноват. Тут совпало. Чего-то по телевизору казали, и мужики про жизнь говорили, я не прислушивался, а сосед возьми и ляпни: «Вот, Петрович, побил ты немца, а зря. Уж давно б его доброе пиво пили». Я б и тут стерпел, ни дурака соседа, ни телевизор бы не тронул. А кого бы надо — того под рукой не оказалось.

— Это кого же? — удивился Андрей.

— Режиссера этого, с бородой и в кепке. Он аккурат по телевизору и выступал, вспоминал, как этот самый фильм они снимали... И обратно про трудности — и в дождь, и в грязь, и в холод... А потом при всех своих артистах и при всех мужиках наших начал он обо мне рассказывать. Все хвалил, а я жду, когда же критика пойдет за нетактичное это мое поведение. И дождался. Знаешь, Сергеич, чего он сказал? Тут не то что телевизор, собственную голову расшибить будешь рад.

Петрович перевел дух — собирался с силами, снова все переживал.

— И вот, говорит, этот бывалый ветеран, инвалид войны, прошедший сквозь... это... горло, что ли?

— Горнило, — подсказал Андрей.

— Во-во, через это горнило огня и смерти... Вот посмотрел он, как мы работаем, прослезился и сказал: «Да, ребята, у вас тут, как на фронте. Тяжелый ваш хлеб, боевой!»... И это, понимаешь, при всем народе. При соседе моем, который сразу заржал и опять «кастелянта» выкинул. Я сначала его по шее, а потом за телевизор взялся...

— Ладно, Петрович, поехали домой, — сказал Андрей решительно и включил мотор. Мотоцикл ровно этого и ждал — взревел с удовольствием в тихом и холодном воздухе, ярко бросил на дорогу белый луч света.

— А... это от начальства тебе будет теперь, а? — спросил Петрович. — Накажут.

— Моя печаль, — отрезал Ратников. — Поехали.

Андрей вел мотоцикл и думал вовсе не о том, как примут его решение односельчане, и не о том, что скажет начальство и как уладить эту историю со старым телевизором.

Он думал о том, как убрать из сердца старого солдата боль этой долгой обиды. О том, что это его, Андрея, долг. И не понять толком — милицкий или человеческий. И какая в них разница.

СОЛОВЬИНЫЕ БОЛОТА

...Вообще, парень, если что-то из ряда вон случается, возьми за правило: по горячим следам работать...

Незаметно подбиралась осень. Нет-нет да мелькнет в кроне осинки или березки желтый листок. Пахнёт вдруг неожиданным холодком утренний ветерок. А слабое, набежавшее на солнце облачко, хоть и светится насквозь, а напомнит — скоро затянется небо серой пеленой, заморосит долгий дождик, будет шуршать сперва в листве на деревьях, а потом — не заметишь и как — уже в палых листьях.

Незаметно бежит время. Особенно — за делами, повседневными, неотложными и, вроде бы, и невидными. Дела небольшие, а время крадут...

Где-то в полдень позвонил из отдела дежурный и огорошил:

— Ратников? Боцман твой бежал, — и соединил Андрея с Платоновым.

— Слушай внимательно. Раскрутил я твоего Боцмана. Сычев, он киллер, в розыске. У тебя скрывался. От нас и от заказчика. Видно, знал, что его тоже убрать должны.

— Какого же хрена он на разбой пошел?

— Думаю, в деньгах нуждался. А там, кто знает...

— Как это произошло?

— Сам еще толком не знаю. Сейчас выезжаю на место. Вроде бы, лось на машину налетел. Или она на него.

— Где это случилось?

— Возле Семеновского, на выезде к трассе. У Марьиной просеки, знаешь?

Еще бы Андрею не знать! Именно там его гонял этот психованный лось. То ли подранили его, то ли узрел в ревушей машине соперника.

— Я подъеду в отдел, — сказал Ратников. — Дождусь тебя.

— Затем и звоню. До встречи.

Когда Андрей добрался до отдела, Платонов уже вернулся с места происшествия.

— Ну, что там? — в нетерпении спросил Ратников.

Платонов коротко обрисовал ситуацию.

Сычева (Боцмана) и еще одного задержанного этапировали в центр. Сопровождали их два опера. На дорогу неожиданно вылетел лось, опрокинул машину. Водитель и сопровождающие получили серьезные травмы. Боцман освободился от наручников, забрал автомат, газовый баллончик, наручники и скрылся. Второй задержанный бежать не пожелал, остался на месте.

— Ты его допросил?

— Конечно. Я, говорит, усугубляться не хочу. Лучше отсижу положенное, чем в бегах маяться. А Сычев, говорит, другое дело — ему пожизненное светит. В город подался. Сказал (Сычев): там затеряться легче, и точка у меня там надежная есть.

— Затеряться... — задумался Андрей. — Это как посмотреть.

— Вот именно, — кивнул Платонов. — Ты теперь поосторожнее. Он ведь грозился тебе голову оторвать, так?

— Не совсем. Кишки на заборе развесить.

— Тоже нехорошо, — улыбнулся Платонов.

Андрей встал.

— На место съезжу. Посмотрю.

— Давай. Какие соображения будут, не стесняйся поделиться со следователем Платоновым.

«Проглядел я его, — казнил себя Андрей дорогой. — Как же я его проглядел!» Чувство вины по поводу незавершенного из-за повседневной суеты дела не оставляло, саднило где-то внутри. Ведь приглядывался он к Боцману, подозревал в нем что-то чужое, неясное и тревожное. Играет простоватого лукавого торгаша, но взгляд умен, пронзителен, холоден. Словно с ленивым презрением смотрит сы-

тый волк на овечье стадо. На добычу, которая от него не уйдет...

...Вот это место — чернолесье, густое, влажное. Дорога здесь зажата кюветами, заросшими травой и залитыми черной водой. Усыпана битым стеклом, какими-то обломками, клочками шерсти, которые лениво перекатывает легкий ветерок.

Машину уже убрали. А убившийся лось все еще лежит здесь. Один рог сломан, голова безысходно опущена на передние ноги. По горбатой хребтине бродит озабоченно черный ворон. Завидя человека, нехотя стал на крыло, тут же, в десяти шагах, опустился в траву, наблюдает, ждет.

Андрей внимательно осмотрел дорогу. Со своей точки зрения. Группу, которая сейчас сюда выезжала, больше всего пока интересовало, что и как произошло. А его — что дальше будет.

Андрей нашел нужные следы. Вот здесь Сычев перемахнул канаву. Следы на влажной земле, отмеченные примятой травой, были четкие, будто старательно нарисованные. Опытный человек такие следы не оставит. Разве что — умышленно.

Недаром, конечно, второй задержанный не пошел в побег. Сычов его остаться заставил, чтобы погоню на неверный след навести. Но эту догадку надо проверить.

Андрей прошел по следам до того места, где они снова выбрались на дорогу и здесь исчезли. Тогда он вернулся назад и пошел другой обочиной, все так же пристально обшаривая ее нетерпеливым взглядом.

И вот они снова — следы. В глубь леса. Тропкой вдоль дороги. «На Соловьиные болота метит, — решил Андрей, — там отсидеться думает. А что? Опытный человек, да с оружием, в эту пору в глухом лесу не пропадет».

Началось редколесье, показалась залитая водой луговина, за ней — грунтовка на Семеновское. После недавнего дождя ее развезло, и на обочине следы Боцмана-Сычева исчезли. Зато четко отпечатались рубцы тракторных колес — останавливался здесь трактор!

Андрей бегом вернулся к мотоциклу, помчался в Семёновское. Там был всего один трактор и всего один тракторист — Степка Моховой.

Андрей остановился возле крашенного в зелень сруба, посигналил, поглядывая на стоящий во дворе трактор.

Степан распахнул окно, выглянул и, что-то жуя, спросил:

— Что случилось, командир?

— Ты подвозил сегодня кого?

— Ага. Мужика одного, он у меня еще сигареты стрелянул.

— Какой из себя?

Степан задумался:

— Да так... Средний такой. Не особо видный. — Еще подумал, вспомнил: — Да, фиксы у него золотые, вот здесь. — Он сглотнул и ткнул себя пальцем в верхние зубы. — А вот здесь, — поскреб под рубашкой грудь, — здесь тельник у него, полосатый.

— Где он сошел? — нетерпеливо спросил Андрей.

— Аккурат на повороте на Дворики. А чего он, а? Может, помочь, Сергеич? У меня «тулка» есть.

— Сиди уж! — Андрей поправил шлем. — «Тулка» у него! А лицензию на нее когда выправишь?

Степан молча скрылся в доме. Тут же возник опять в окошке:

— Сергеич, на мотоцикле в Дворики не проедешь — круто развезло.

Андрей и без него об этом знал, и потому помчался к себе, в Синеречье.

Мотоцикл мотало по раскисшей дороге, он буксовал, ревел, глох, разбрызгивал то воду, то жидкую грязь. Дважды его бросало на придорожные деревья, один раз вынесло так, что он прочно вломился в густой кустарник и так плотно засел в нем, охваченный тугими гибкими ветвями, что Андрей едва его вызволил.

Шлем поминутно забрасывало грязью, но Андрей как-то ухитрялся на ходу, не сбавляя скорости, протирать его щиток левой рукой.

Первым, когда он ворвался в село, встретил его Колька Челюкан.

— Вот это да! — в голосе мальчишки и испуг, и восхищение, и зависть. — Круто едешь, дядя Андрей.

Ратников попытался дозвониться в райотдел. Линия молчала. Такое и раньше бывало в дожди. Где-то что-то подмыло, где-то что-то замкнуло... Да и чем ему сейчас могли бы помочь? Машина не пройдет, вертолета не допросишься. Самому надо действовать.

Связаться с отделом по радиации тоже не удалось, она и в молодые свои годы дальше десяти верст не брала. А уж теперь... Поскрипела, пискнула, поймала кусок какой-то музыки и отключилась.

Андрей захватил запасную обойму к пистолету и выбежал на крыльцо. Колька, будто его об этом просили, дождался на лавочке под окном. И под морозящим дождиком.

— Коля! — обрадовался Андрей. — Сбегай к Митрохину. Пусть подъезжает сюда.

У Митрохина был старенький, но проходимый «газик».

— А вы куда, дядя Андрей?

— На Соловьиные болота.

— Туда уже и на тракторе не проехать. А у Митрохина задний мост полетел.

Андрей выругался — Колька удивился.

— Давайте, дядя Андрей, я вас на лодке отвезу, на Выселки. А там — на Воронке. Самый короткий путь.

А ведь верно!

Спустились к реке. По тропке, что бежала с горы, струилась мутным ручьем дождевая вода. Разлилось уже сильно. Вместо реки распласталось под горой широкое озеро.

— Ты дорогу лучше меня знаешь, — сказал Андрей, разбирая весла, — садись на руль.

Плыли известными только мальчишкам протоками, извилистыми и такими узкими, что порой весла приходилось вынимать из уключин и грести, как на каноэ. А иной раз сильно мешали ветки деревьев — вода поднялась, и плыли, будто по лесу.

Колька ничего не спрашивал, Андрей, чтобы не сбить дыхание, тоже молчал.

...Лодка ткнулась носом в берег, Андрей сложил весла. Подошли к сараю. Колька распахнул одну створку ворот.

— Сейчас я его заседлаю, дядя Андрей. Транспорт повышенной проходимости.

Воронок встретил их радостным ржанием, заиграл ушами, мягко застучал по гнилому полу копытами — соскучился. На Андрея косил сторожко большим глазом: взрослым не очень доверял.

— Не скакун, конечно, — вздохнул Колька, выводя Воронка из сарая. — Но, как ход наберет, идет ровно, не остановишь. Особо не гоните его. Понужайте поводом, коленками, только не шлепайте — обидится, или сбросит, или вообще встанет.

Андрей взял повод, вскочил в седло — Воронок заиграл, нетерпеливо затоптался на месте.

Колька стоял, нахохлившись, под дождем. Вроде уже большой, но такой еще маленький.

Воронок шел ходко. Сочно, с удовольствием чавкал копытами по размокшей земле. Дождь кончился, и когда пересекали луговину, залитую водой, из-под ног коня вее-ром разлетались брызги, играла в них, зажигаясь, веселая радуга.

Вскоре в просветах редколесья показалась дорога на Семеновское. Андрей придержал лошадь, пригнувшись к шее Воронка, взгляделся. Свернул на тропу, которая петляла меж деревьев, рядом с дорогой. Срезал небольшой поворот. Соскочил с коня, забросил повод на ветку ближайшего дерева, возле этого же дерева постоял, наблюдая за дорогой, расстегнул клапан кобуры, пригнувшись, вышел из зарослей.

Прошел обочиной, почти сразу же обнаружил знакомые следы. Бегом вернулся в лес, вскочил на коня и погнал его вдоль дороги, не щадя. Воронок вроде бы забастовал, заплясал, попытался встать на дыбы, но Андрей справился — и тот, почувствовав, что с ним не шутят, стремительным галопом пошел по лесной тропе.

Время от времени Андрей, не останавливая коня, выхватывал взглядом следы Боцмана. Да других тут и не могло

быть. Этой дорогой практически никто не ездил, а уж не ходил тем более — некуда. Дорога кончалась у реки, где стояла в три двора деревушка, которая так и звалась — Дворики. Речка, маленькая, полузаросшая, извилистая, петляла лесом, журчала лугами и исчезала в Ведьминой протоке. Там, где начинали свою жизнь Соловьиные болота.

Соловьиными болота назывались вовсе не потому, что сидел в них когда-то злой Соловей-разбойник, хотя ему тут самое место было, а потому, что действительно свистели в них голосистые птицы свои щедрые песни. Собственно, соловьи звенели не в самом, конечно, болоте, а в его начале, по берегам речушки, которая уходила в глубь лесов, раздавалась вширь, зарастала по-над водой зелеными травами, превращалась в жидкую трясиину.

Еще эти болота называли «блудными».

Неопытный, невнимательный человек, попав сюда впервые, увлекшись сбором отменных боровичков, не замечал, как забредал к болотам, и долго потом метался в панике по хлюпкой жиже, неровно шагая с кочки на кочку и все больше оказываясь под властью холодного мистического ужаса. Иной искал выхода по нескольку дней, иной так его и не находил, навсегда оставаясь, вконец обессилев, либо под сухим и кривым, мохнатым от лишаев деревом, либо погрузившись в черную вонючую бездонную трясиину. А иной дичал до такой степени, что уже забывал о прежней жизни и превращался в дикого зверя. И жил среди болот дикой жизнью, не боясь ни волков, ни медведя-шатуна, ни охотника. Обрастал шерстью, забывал речь, пользуясь лишь звериным рыком. Ладил гнездо на дереве в густых ветвях и, бывали случаи, срывался оттуда на плечи неосторожного человека, грыз ему горло, рыча и сладостно захлебываясь горячей кровью.

Да, места были страшные, считались нечистыми. Многие верили, что в болотах водится какая-то темная сила, ходили про них худые слухи. Старуха Чашкина — уж она-то все знает — и та очень туманно поясняла: «Тама по ночам лешак с кикиморой хороводятся. Лешак-то пово-

дит, поводит огоньками по кочкам, да и столкнет в бучило. А нет — так кикимора защекотит». И человек вместо того, чтобы отчаянно звать на помощь, хохочет жутким дурным голосом на весь лес, отпугивая своих возможных спасителей.

Что и говорить — много косточек гнило здесь, в смрадной вечной глубине, многотью кровью разбавлялась черная болотная жижа.

Вот уж на нашей памяти, годов десять тому, Леший Бугров, который один осмеливался заходить на болота и знал их тайные тропки, подцепил концом ствола плавающий среди зеленой ряски новенький картуз. Кто его потерял, вовек не узнать. Как он туда попал, что и говорить — яснее ясного.

И травы здесь растут яркие, коварные и обманчивые. И деревья — кривые да коряжистые, поросшие, как грязным клочкастым волосом, путаным и рваным мхом. И часто сидит на таком дереве черный ворон и каркает хрипло, скрипуче, до мороза по коже.

Все было в болоте том. И пузыри вырывались из черной глуби, и туманы ходили меж дерев, будто утопленники в саванах, и огоньки плавали над бездонными пучинами. И стоны по ночам глухо доносились до путника, и вроде шепот шел над кочками, и говор слышался глухой, нелюдской, непонятный...

Даже луна здесь особая была — холодная, белая, безразличная. Смотрит сверху, как над болотами бродят туманы и огоньки, бесшумно, а то и с гулким хохотом, мелькают меж кустов страшные совы — и вроде все это ей очень нравится.

Поговаривали, что в самой глуби болот, где кончается Старая гать, живет на островке вредная старуха ведьма. Что охраняют ее там черные вороны и злые глазастые совы. Деды рассказывали, что жила она прежде в дальнем глухом селе, ворожила понемножку. А потом вдруг вредить начала: кого сглазит, на кого порчу напустит. Хотели даже утопить ее в болоте, но ведьма вовремя прознала и сбежала в город. Там опять за колдовство взялась, но власти ее из города

поперли. Скорее всего, не власти, а конкуренты выжили — к той поре столько развелось на Руси всяких колдунов да «экстрасексов», что уж и больных на всех не хватало.

Обосновалась ведьма на болотах, помогала людям в их хворях и бедах — тем, конечно, кто дорогу к ней мог найти.

Не любили синереченцы Соловьиные болота, боялись их и без крайней нужды сюда не заглядывали, далеко стороной обходили, хотя ягода тут водилась знатная и дичь хорошая хоронилась.

Миновав Каменковскую просеку, Андрей направил Воронка к дороге, толкнул его коленями, и тот, перемахнув кювет, полный ржавой воды, старательно зачастил к реке. Будто понимал нетерпение всадника.

К речке они выбрались возле Двориков. На берегу спал над удочкой мужичок в телогрейке и брезентухе с капюшоном.

Андрей тронул его за плечо. Рыболов вскинул голову и сперва выдернул удочку. Осмотрел наживку, чему-то подивился, покачав головой, и снова забросил, а уж потом обернулся:

— Чего тебе?

— Чужие у вас были?

— Мужик был. На лодке уплыл.

— Кто ему лодку дал?

— А никто не давал. Сам взял. Кол вывернул и взял. Сел да и уплыл. А милиция на конях катается.

— Лодка какая?

— Зеленая по цвету. По имени «Фофа».

— Куда он поплыл?

— Так не сказал. — Рыболов снова вытащил крючок и опять чему-то подивился. — А по-видимости, в самые болота.

— Я тебе оставляю коня, ты мне даешь лодку. Мотор есть?

— А как же! Еще какой!

— Отлично.

— Бензина только нет.

Андрей лишь зубами скрипнул.

— А я виноват? — резонно возразил мужичок.

Андрей вложил ему в руку повод:

— Тащи весла.

Рыболов поднялся, повел утомленного Воронка к ближайшему двору. Там основательно, не спеша, по-хозяйски расседлал лошадь, протер потную спину тряпицей, шлепнул ладонью по крупу — Воронок послушно скрылся в коровнике.

Так же, не спеша, вразвалку мужичок вынес из сарая весла, вскинул их на плечо, побрел на берег. По дороге два раза останавливался: папиросы доставал, прикуривал и все чему-то дивился.

«Нет, — злился Андрей, — он не только над удочкой — он и на ходу спит».

Мужичок отдал Андрею весла, почему-то по одному, торжественно, оттолкнул лодку.

— Чистая лебедь, — уважительно крикнул. — Не плывет — летит.

«Чистая лебедь» оказалась головастиком — вертелась лодка на воде, виляла, никак не хотела идти прямо, будто никогда и не умела. К тому же и весла были разные — одно длинное с узкой лопастью, другое короткое — с широкой, вроде лопаты. Не столько «летела» лодка, сколько крутилась на месте.

— За коня отвечаешь, — крикнул Андрей.

Мужичок вскинул руку:

— А ты за лодку. — Уселся на прежнее место и снова задремал над удочкой.

Кое-как приноровившись, Андрей погнал лодку вниз по течению, хотя уже понимал, что Боцмана на этом корыте не догонит. Однако гнал и гнал вертлявую «лебедь» к Ведьминой протоке.

Здесь Андрей еще хорошо ориентировался — знал эти места с детства — петлистая речушка Светлая, ее узкие рукава, похожие на зеленые тоннели. Рыба играет, утка под самым носом лодки взлетит суетливо, с заполошным криком, на лету, на подъеме, роняя в воду трусливые какашки. Тихо и мирно, полно своеобразной гармонии, мудрой,

глубокой, безжалостно нарушить которую может лишь человек. И злой и добрый. И глупый и умный. Одинаков он здесь по своей, чуждой природе, сути.

Русло становилось все уже, все теснее смыкался по топким берегам густой кустарник. Все глубже и темнее становилась вода.

У Ведьминой протоки лодка словно задремала на ходу, завял ее скользящий ход; пошла туго, путаясь в густо разбросанных по воде кувшинках, которые вскоре сменились густой ряской, тяжело виснувшей на лопастях весел. Вскоре все кругом укрылось ею.

Лодка еле двигалась, вязла, как ложка в густом холодном супе.

Наконец, гулко стукнулась носом в первое полусгнившее бревно Старой гати, к которому скромно приткнулся чей-то долбленный челнок, полный дождевой воды и лягушек. А вот зеленой «Фофы» не видать.

Андрей вышел, прошел немного вперед, вглядываясь в болотный сумрак, выдавливая сапогами буро-зеленую жижу меж бревен.

Дальше идти не было смысла. В бесчисленных запутанных протоках, меж ершистых, высохших почему-то трав, шуршащих без ветра, островков, в бескрайних болотах бесследно, как призрак на рассвете, растворился Боцман.

Но Андрей все-таки пошел. Какое-то устойчивое чувство подсказывало ему: не бросай утерянный след. Возможно, пока он горячий, ты снова на него выйдешь.

Гать, чем дальше, тем становилась добротнее. Бревна под ногами уже не казались ненадежными, коварными; лежали все плотнее меж собой.

Вскоре впереди показался островок, густо заросший доброй травой, темным ельником. Из-за него вдруг взмыла оглушительно горластая стая ворон, покружила, вся вперемешку, поднимаясь все выше и выше и, вытянувшись острым клином, пошла вниз, в атаку на пришельца. Как тысяча маленьких пикирующих штурмовиков.

Андрей присел, натянул куртку на голову — спастись было негде. Но стая согласно, словно одно черное крыло,

взмыла прямо над ним и стройно, без гвалта, снова скрылась в темном ельнике.

Андрей перевел дыхание, облегченно усмехнулся. Прошел еще вперед, и перед ним как бы раздвинулся театральный занавес — показалась избушка на курьих ножках, бревенчатая, старая, на узловатых пеньках. Малое оконце, щелястая дверь. Тесовая крыша сплошь заросла мхом, из которого торчат на длинных тонких ножках мухоморы и поганки. На коньке уставились друг на друга седая ворона и черная кошка. Из трубы идет, вьется дымок.

Перед избушкой тешет на чурбачке колышек старый дед — в длинной бороде, в длинной, до колен, рубашке навывпуск в разного цвета заплатах, босой.

— Здравствуйте, — сказал Андрей. Интуитивно не ожидая выстрела из узкого окошка.

Дед отогнул ладонью корявое ухо, безнадежно махнул рукой: иди, мол, в дом — от меня тебе толку нет.

Дверь скрипнула, и на порог ступила... Баба-Яга. С клюкой, согнутая в пояснице, из-под темного платка падают на впалые щеки седые космы, остро блестят среди обильных морщин и бровей умные быстрые глазки.

— Здравствуйте, бабушка.

— И ты здравствуй, милоч, — приветливо отозвалась старушка. Посторонилась: — Заходи, отдохни чуток. Вижу — притомился через край.

Андрей вошел в избушку. Изба как изба. В его селе и победнее были. Печь большая, хорошая, теплом исходит, обдает жаром поспевающих пирогов. По стенам — лавки, стол в середке да буфетик с синими стеклами, разрисованными цветами и птицами. Под потолком — пучки сушеных трав, от них тоже по избе дух идет — пряным сеном с лесной опушки, богатой разнотравьем.

А на буфете неподвижно сидит сова — живая птица, не чучело. Изредка мигнет желтым глазом и поглядит за спину. Рядом с ней — опять черная кошка.

«Надо же, — подумал Андрей про нее, — прыткая какая. Только что на крыше сидела, а уж сейчас здесь».

— То другая кошка, — пробормотала старушка. — Там Мурка, а тут, наоборот, — Васька.

И Андрей не сразу сообразил, что вслух он про кошку ни слова не сказал. «И впрямь колдунья», — подумал.

— Колдунья и есть, — отозвалась старушка на его мысль. — Что ж такого, милоч?

— А дед? — Андрей кивнул на окошко. — Тоже колдун?

— Федя-то? — скупое, но добро улыбнулась, показав все свои зубы — один слева внизу, другой справа вверх. — Какой он колдун? Лечится у меня. Запойный он. — Провела сухой ладонь по столу. — Садись, милоч, чайком попотчую.

«Не тот ли это дед Федя — террорист и жулик?», вскользь подумалось Андрею. Но не до того было.

— К вам никто не заходил из чужих людей? — спросил он, садясь к столу.

— Давно никто не был. — Колдунья поставила перед ним чашку в цветочках, вкусно парящую чаем на травах, положила на тарелку кусок горячего пирога. — А ты, милоч, стало быть, ищешь кого? Дурного человека никак?

Андрей кивнул, объяснил:

— Может зайти к вам мужчина... — Андрей коротко описал Бодмана.

А бабушка утвердительно кивнула седой головой:

— Убийца.

— Да, злой, жестокий и коварный человек. Весь в крови. Вы осторожнее с ним, если зайдет. Не спорьте, не перечьте ему... Приветьте его, — с трудом заставил себя проговорить главное. — Пусть ему у вас понравится. Отдохнет, подлечится...

Колдунья стрельнула в него умным взглядом.

— А что, милоч, мы люди добрые, лишний рот нам не в горе.

— Вот и хорошо. — Андрей поднялся, поблагодарил за чай. — Он где-то здесь, на болотах бродит.

— Заглянет, — уверенно сказала Колдунья, заворачивая ему в тряпицу кусок пирога на дорогу. — Избушку мою не минует.

Проводила до порога, сказала в спину:

— Доброй дороги тебе, милоч.

Дед все так же сидел под окошком, чертил на песке что-то замысловатое острым колышком.

Андрей пригляделся к рисунку. Довольно красиво дед изобразил початую бутылку, полный стакан и кружок колбасы.

Андрей улыбнулся — ему почему-то стало легко.

Ратников забрался в лодку, отчалил. Что-то заставило его оглянуться. Но он ничего не увидел. Только опять, где-то в гнилом сердце болот вдруг послышался ему густой вороний гай — будто обрушился, упал куда-то злобной черной тучей с темнеющего неба...

Отплыв совсем немного, Андрей заметил под низко нависшими ветвями, у сухого берега, зеленый борт лодки. Лодка такая фифаном называется. Но несмотря на смешное название, она по здешним местам очень пригодная — легкая под веслом, неглубокая в осадке, верткая, если надо. А если надо — по росной траве, как по воде, заскользит.

Скорее всего, та самая лодка («Фифа», как ее рыболовы называли), что Бецман забрал. А проплыв протокой, оттолкнул ее подальше от места высадки, надеясь свой след скрыть. Здесь она и приткнулась, отнесенная медленным течением.

Андрей перебрался в фифан, осмотрел его, но ничего, кроме жестяного черпака, не обнаружил. Весел, кстати, тоже. Предусмотрителен Бецман, осторожен... Здесь он где-то, здесь. Не на него ли ополчились вороны, охраняющие ведьмино жилье?

Взяв «лебедь» на буксир, Андрей отправился в обратный путь. После славного колдовского чая он ему не в пример легче показался.

Дежурный, увидев в окно участкового Ратникова, осадившего коня, сначала ошолбенел немного, поморгал, удивляясь, а потом по внутренней связи оповестил всех сотрудников отдела. Мол, легендарный командарм на лихом коне прибыл.

На крыльцо даже Крутов вышел. И спросил ехидным голосом Чапаева:

— А винтовка твоя где?

Андрей с трудом слез, скорее, кулем свалился с коня, на непослушных задеревеневших ногах пошел к начальнику. Обернулся с полпути:

— Ребята, коня бы покормить.

— А чем? — спросил молодой водитель Женя. — Овес нынче дорог. А сенца нам самим не хватает.

— Хлебушком, сахарком, — сказал другой водитель, пожилой.

Андрей зашел вслед за Крутовым в его кабинет.

— Не догнал я его, — устало опустил на стул. — На след его вышел, но не догнал. Он где-то в болотах хоронится. Оттуда его не просто выкурить.

— Меня другое беспокоит, — разминая папироску, заметил Крутов. — Там ведь где-то какая-то одинокая старушка живет.

— Будем надеяться, товарищ подполковник, — не тронет он ее. Что со старушки ему взять?

— Не знаю... Не знаю... — Крутов покачал головой. — Он как бы ее в заложники не взял...

— Старушка там не одна, — сообщил Андрей. — С ней дед Федя живет, от запоев лечится.

— Вот как? — вскинулся Крутов, внимательно взглянув на него. — Побывал ты там? И что?

— Выйдет он к ним, товарищ подполковник, — уверенно сказал Андрей. — И задержится...

Крутов решительно встал, прошелся по кабинету, положил руку на телефонную трубку.

— Вот что, Ратников, ты отдохни сегодня. А завтра так... Завтра отбери ребят понадежнее под свое начало...

— Нет, товарищ подполковник, — смело перебил начальника Андрей. — Нет, я один пойду. Я его достану.

Андрей говорил убедительно, напористо, но главную свою задумку не выдал — ни словом, ни взглядом..

Крутов помолчал. Согласился.

— Что тебе нужно?

— Лодку бы надувную, одноместную, полегче. Патронов побольше. Ракетницу неплохо бы. Бинокль.

Обговорили детали, условились о связи, о сигналах.

— Ну все, езжай домой, Ратников. — Крутов улыбнулся как сыну: — На коне поскачешь?

— Никогда в жизни! — искренне заявил Андрей.

...Собирался Андрей тщательно и продуманно. Как на серьезную охоту. Экипировался по-походному. Проверил и хорошо смазал автомат. Накачал для проверки лодку. Зачехлил бинокль. Уложил в мешок ракетницу, патроны в двух запасных магазинах (итого — четыре их, вместе со сдвоенным изолентой в автомате), сухой паек, носки запасные. На пояс с одного бока — пистолет, с другого — штык-нож.

А тут в сених затопталось, забурчало — Леший Бугров явился.

— Здоров, Сергеич, — он был в ватнике, подпоясанном бурским патронташем, с карабином. — А я за тобой. Да ты, видать, ждал меня?

— Не ждал, Лукьяныч. Уходить собрался.

— На болота? — Леший сел у стола, карабин меж колен поставил. — Вот и я туда же.

— На охоту? — Андрей натянул шерстяные носки, вбил ноги в сапоги, прошелся.

— На охоту, — кивнул Леший многозначительно. — На бешеного волка.

— Не темни, Лукьяныч.

— А чего темнить, когда все, как свет, ясно?

— Откуда ты знаешь?

— Выследил, — спокойно пояснил Леший. — Да и воронье подсказало. Знаю, что и ты там побывал. Пошли, время настало. — Леший встал, подтянул патронташ.

— Сядь-ка, Лукьяныч. Ты со мной не пойдешь. Мне одному надо...

— И не говори даром. Не теряй слов.

— Вот что, Лукьяныч. Мне надо одному идти. Если вдвоем — не получится. — И внимательно посмотрел Лешему в глаза.

Тот ответил ему острым взглядом.

— Вот так, Сергеич? — в глазах Лешего — и понимание, и одобрение, и тревога. — Приманкой, стало быть?

— Не имею права никем рисковать. ...

— Ладно! — хлопнул ладонью старик по столу. — Дай-ка бумажку, я тебе хороший путь подскажу. Через Белую протоку.

Корявыми линиями, но очень точно, нарисовал пути подхода. Отметил хорошее место для укрытия основных сил — когда их черед придет. Добавил:

— Вечер остатний дома скоротай. Выходи с ночи. В самый раз будет.

Потоптался в дверях, вернулся к столу.

— Обожду с тобой. Провожу, однако. Я на чужие проводы счастливый.

Андрей согласился, Леший прав — в этом случае он доберется до Ведьминой протоки в самое подходящее с определенной точки зрения время — на рассвете, в сонный час. Когда даже у бдительного волка глаз мутный и ухо тугое.

Главное — не заблудиться в пути. Но места эти он знает с детства, когда плавал с пацанами на рыбалку, а позже — немало хаживал там с охотничьим ружьем. Да и толковая бумажка Лешего не даст ему затеряться в болотах.

Ночь наконец пала. Леший забрал его мешок, лодку. Вышли на крыльцо.

Все спало. И в селе, и вокруг него. Даже собаки не брехали. Только лягушки квакали, да дергач бессонный скрипел где-то в лужке. Ну и комары, конечно, позванивали.

На берегу Леший уложил в корму вещи. Поправил опять патронташ, потоптался и вдруг коротко обнял Андрея за плечи, подтолкнул к лодке.

Ратников бросил на носовую банку бушлат, разобрал весла. Леший оттолкнул лодку, вода подхватила ее, легко понесла по своему течению.

Андрей, сидя лицом к корме, недолго видел стоящего на берегу старика...

Ночь выпала темная, месяц невысоко еще стоял, то за ветками, то за облаком прятался — неохотно, словом, светил, неярко.

Андрей, чуть пошевеливая веслами, держал лодку на страже. Увлекаемая течением, она шла легко и охотно —

оставалось только подправлять ее ход, чтобы не жалась к берегу.

Часа два плыл, неспешно, покуривая время от времени. Проплыть мимо Белой протоки не боялся — возле нее приметная ветла стояла — старая, жутковато кривая, будто кто-то нарочно ее такой сделал, со зла.

Светлеть еще не стало, но видно кругом хорошо было — и глаза к темноте привыкли, да и месяц заметно поднялся, блестел по реке серебристой дорожкой, путь указывал.

Свернув же в протоку, словно в темный туннель вошел. Она сильно заросла по берегам, ветки над ней, листва густо смыкались сплошным плотным сводом. Иные склонялись к самой воде, купали в ней листья. Здесь и днем-то сумрачно, а сейчас почти черно было.

Плыл медленно, осторожно, в тишине, — даже слышно было порой, как шуршат по бортам круглые листья кувшинок — из-за их обилия, видно, и звалась протока Белой. Время от времени пригибался, когда наплывали над головой особенно низкие ветки; чувствовал на щеках ошупывающие прикосновения влажных холодных листьев.

Месяц потускнел, знать, уже солнышко издали его заметило. Сильно посвежело. Но, работая веслами, Андрей холода не чувствовал.

Протока кончилась, опять в реку вошла, в ту же самую — она петлю большую делала. Теперь и Ведьмина протока недалеко уже.

Светать начало. Над водой парок потянулся, за ветки цепляясь. Рыба заиграла. Птичий щебет осмелел. Пронеслась бесшумно, прямо над лодкой желтоглазая сова — домой, в дупло, после ночной охоты спешила. Все это говорило Андрею: человека вблизи нет, все спокойно.

Где-то в дальней деревне петух заорал, хриплым спросонок голосом.

Показалась впереди, по правому берегу, Ведьмина протока — низко клубящийся болотный туман. Оттуда потянуло нездоровым холодом, от которого не столько знобко, сколько тревожно.

Андрей пересел лицом к носу лодки. Медленно подгрел к протоке. Вдали, в глубине ее, показался ему низкий

дрожащий огонек; исчез, в другом месте появился, опять пропал. Андрей невольно поежился, вспомнилось ему, как рассказывал дед: такой болотный огонек над утопленником стоит...

Задолго до Старой гати Андрей замедлил ход, вглядываясь в берега. Разглядел меж двух старых осин узкий рукав, свернул в него. Здесь пришлось управляться одним веслом как шестом, — так было узко. И приходилось порой вытаскивать нос или корму лодки на сушу — настолько крут оказывался очередной поворот.

Андрей начал уставать, а предстоял еще трудный путь.

Он начался с тупика — речной рукав кончился. Словно Андрей заехал по незнанию в глухой дворик. Откуда выхода нет, а вход уже заперт.

Андрей прижал лодку к берегу, выгрузился. Вскинул на одно плечо рюкзак с оружием и припасами, на другое — надувнушку с двумя короткими веслами-гребками; сверился, подсветив зажигалкой, с «картой» Лешего — и зашагал — где твердым, с опорой под ногой, где прыгая с неверной кочки на еще более мягкую, уходящую под ногой в ржавую, вонючую глубь.

Конечная точка его пути — Ведьмин островок с тыла, где в избушке на курьих ножках нет ни окон, ни дверей...

Сычев, наверное, первый раз в жизни растерялся. Сильный, беспощадный волк-одиночка, он вдруг оказался в западне. Обложен со всех сторон. И кто его загнал? Сопляк, мальчишка, сельский околоточный. Однако до Сычева ему далеко. Волчонок — да, но далеко не матерый волк. Ладно, парень, ты меня сюда завел, ты меня и выведешь. Сычев усмехнулся. Найдет он меня, найдет. Ну а после я этого гаденыша... Кишки — не кишки, а башку разнесу вдребезги...

...Сычев знал, что где-то возле Ведьминой протоки есть жилье. Он искал его. Жилье — это не только кров. Это люди, у которых он может взять все, что ему нужно. И с их невольной помощью сможет выбраться отсюда, затеряться.

Сычев снова взял себя в руки. Он снова был доволен собой. Он снова самый умный и самый сильный среди этих

хилых недоумков. И он уже не брел, волоча ноги, с усилием вытягивая их из болотной жижи, — он опять шел упруго, мерно, ровно — волчьим, неспешным, на взгляд, махом. И он снова знал, что будет у него впереди. Не оглядываясь, знал, что у него за спиной.

Лодку он бросил, сильно оттолкнув ее от берега, — пускай плывет подальше. Ему она не нужна, а тому, кто ее найдет, будет о чем бесполезно подумать.

Переночевал на дереве, догрыз кусок завалявшегося в кармане кекса — охотиться он боялся, понимал, что один его выстрел может стать последним.

Ранним утром Сычев вышел к Старой гати.

Вышел не просто. Долгое время просидел в кустах, на единственном здесь сухом бугорке, наблюдая через переплетенные ветви. Изучал обстановку.

Решился — опасности не видел, не чувствовал. Ступил на чвакнувшее в гнилой воде бревно. И тут из-за недалекого ельника взмыла стая ворон, выстроилась в боевой порядок и пошла на него неотвратимой бедой.

Сычев изготовился, поднял автомат, чтобы отбиваться прикладом. Но было в этом нападении что-то жуткое, мистическое. Оно, конечно, не парализовало его волю, но чем-то смутило внутри — там, где у нормальных людей находится душа.

Злобный гвалт, хриплое карканье, полновесные зловонные капли, треск и хлопанье крыльев — все разом обрушилось на него. Одна ворона ударила его в лоб, другая в щеку. Удары твердых клювов посыпались на руки, сжимавшие бесполезный автомат. Вороны кружились над ним, одна стая сменялась другой — будто кто-то невидимый, но могущественный командовал ими.

Сычев не выдержал, отступил. Шагнул назад и обрушился в болото. Вынырнув, он отбросил с лица шматок ряски. Вороны, словно выполнив свою задачу, взмыли разом вверх и нестройной толпой, галдя, обсуждая побоище, скрылись в ельнике.

Сычев выбрался на гать, сбросил с одежды болотные травы, смахнул, где смог, липкую грязь. Побрел по хлюпающим бревнам.

Добрел до избушки на курьих ножках, распахнул дверь ударом ноги.

Колдунья лежала на печи — занемогла. Дед Федяпил чай, поднял на незваного гостя бесцветные старые глаза.

— Я ваш новый участковый, — сказал Сычев и прошел к столу, оставляя за собой мокрые, грязные следы, — ищу одного бандита. Не заходил к вам? — он положил автомат на стол.

— Обсушись, — слабым голосом сказала Колдунья с печи. — Никто у нас с Нового года не был. Чайку выпей с дороги.

— Никого не было, — прошамкал дед. — Кому мы нужны?

— Врешь, пень старый! — Сычев схватил деда за бороду, ткнул стволом в шею: — Кто здесь был, говори!

Дед слабо вскрикнул.

— Брось оружие! — услышал Сычев за спиной усталый, равнодушный какой-то голос. — Не оборачивайся.

Сычев не обернулся. Не вздрогнул. Он понял свой шанс.

— Оружие не брошу. Ты, ментяра, с выстрелом не успеешь. — Он сильно ввинтил ствол в шею старика. — А потом всю жизнь мучаться будешь.

Андрей промолчал.

— Выйди за дверь, — сказал Сычев. — Вот так. — Он зашел деду за спину, рывком за ворот треснувшей рубахи поднял его, повел впереди себя к окну, вдавливая ствол в спину.

— Сдавайся, Сычев, — выкрикнул Андрей, прикрываясь дверью.

— Щаз! — ответил Сычев злорадно. — Моя карта, командир, сильнее. Козырная. Я тебе рад, пес легавый. Слушай сюда. Иди до своего начальства, доложи: волчара Сычев заложников взял. Требования: вертолет и мегафон. Миллион баксов просить не стану — у вас их нет. Но полмиллиона возьму. Ты, шериф, полетишь со мной. По пути я тебя где-нибудь сброшу с борта. Не бойся — с небольшой высоты. Метров с двухсот всего. Принимаешь условия? — и он так ткнул деда в спину, что тот взвыл.

— Уйди по-доброму, — простонала с печи Колдунья.

— С добром уйду, — усмехнулся Сычев.

— Условия приемлемые, — спокойно сказал Андрей. — Особенно насчет двухсот метров. Боюсь только, начальство согласия не даст.

— Твоя проблема, шериф. На твоей совести две души невинные.

— А на твоей? — не удержался Андрей.

— А я считал? — с издевкой отозвался Сычев.

— Мы считали, — с невольной угрозой сказал Андрей.

— Конец связи. Жду ответа.

Андрей повернулся, пошел. Но оглянулся:

— Заложников не обижай. Неизвестно еще, как дело обернется.

— Вот-вот, — выдавил дед. — Ты это... ты... не угусу... не сугубляй вину, парень. — За что и получил по ребрам.

Колдунья закричала на печи, завозилась, слезла с трудом.

— Куда? — рявкнул Сычев. — Сиди на месте, карга старая!

— До ветру надо, по нужде.

Опираясь на клюку, вдвое согнутая в пояснице, Колдунья вышла за дверь, остро взглянула на Андрея.

— Поможете мне? — шепнул он.

Она тряхнула седыми космами:

— Глазами скажешь, я пойму. — Вздохнула тяжело: — Кабы не болесь, я бы его в гадюку обратила.

— Гадюка и есть...

Ну вот, кажется, получилось.

И у Сычева, и у Ратникова. У каждого свое...

— Так, Ратников, докладывайте, — сказал начальник штаба, полковник ФСБ.

Андрей встал. Обрисовал кратко и сдержанно обстановку. Добавил:

— Нужно выполнить его требования, пусть летит. Чем дальше, тем лучше.

— Преступник прекрасно осведомлен о наших приемах и методах борьбы с террористами. Хорошо подготовлен. Риск возрастает многократно. Нужен какой-то неожиданный ход.

Я полагаю, у лейтенанта есть какие-то соображения? Что вы скажете, Ратников?

— Я согласен с вами. Нужен неожиданный ход с учетом психологии Сычева. Его слабое место — крайняя самоуверенность. На этом я и постараюсь сыграть.

Андрей изложил свой план. В целом, он не встретил возражений. Сомнения вызывали два пункта. Участие в акции Ратникова как заложника и реальность его «сотрудничества» с Колдуньей. По первому пункту полковник пообещал принять дополнительные меры по обеспечению его безопасности, а по второму участковый уверенно заявил:

— Она мысли запросто читает, сам убедился. Очень способная колдунья. — И заметил, что в ходе операции конкретные условия могут измениться, в том числе — и в благоприятную сторону.

— Что с вертолетом?

— Есть у нас подходящая машина, — заметил армейский офицер, — вполне сгодится. Ее и готовить почти не надо. Так, — он улыбнулся, — кое-что по мелочи. В частности, дверцу. Для вас, — он обратился к Ратникову, — в нужном месте на ней мы поставим метку.

Обсудили все другие детали операции, еще и еще раз «ппокрутили» их со всех сторон, чтобы по возможности предусмотреть все неожиданные повороты.

— Ну, Ратников, — начальник штаба встал, протянул ему руку, — действуй. Главная задача — твоя. Удачи тебе.

— Спасибо.

Во дворе горотдела слабо вращал гибкие лопасти старенький двухместный вертолет. Вокруг него и внутри шла работа. Один из механиков поливал его аэрозольной краской, придавая машине более надежный вид. Остальные химичили с двигателем. Слышался легкий звяк металла и тихие, отрывочные фразы: «здесь придержи», «вот тут подтяни», «подвигай чуток», «нормально».

Наконец один из механиков забрался в кабину, дал обороты. Вертолет вздрогнул и чуть завис, оторвавшись от земли колесами на высоту спичечного коробка. Армейский офицер, стоявший поодаль с пультом в руке, нажал кноп-

ку — двигатель мгновенно заглох. Будто зажигание выключили. Собственно говоря, так оно и было. Лопасти замедлили вращение, машина села на колеса.

— Порядок, — сказал офицер и передал пульт полковнику. Полковник взглянул на часы:

— Всем: тридцать минут на подготовку. К восьми часам полностью скрытно блокировать объект.

У начала Ведьминой протоки Андрея ждали в лодке двое сотрудников.

— Все в порядке, Андрюша, — сказал один из них. — Удачи тебе.

Андрей снова взялся за весла и, как ни шарил по сторонам глазами, ничего и никого не увидел. А ведь здесь, он знал, два десятка бойцов, да еще и всякая техника. Поверить в это было трудно. В протоке шла своя жизнь — лягушки, цветы, птицы — все вели себя так, словно никого подозрительного, и ничего постороннего в их обиталище не было...

Причалил к бревну. Вышел из лодки, захватив мегафон и чемодан с деньгами. Деньги были настоящие.

Шагая к избушке на курьих ножках, Андрей чувствовал всем телом настороженный встречный взгляд Сычева и десятки внимательных глаз товарищей, готовых в любую секунду прийти на помощь.

Остановился у двери.

— Входи, — слышался голос Сычева.

Он стоял в проеме, косил взглядом в окно, проверял, не привел ли участковый подмогу?

Колдунья так и лежала на печи. Дед сидел на скамье, в дальнем углу.

— Сейчас я тебя обыщу, — сказал Сычев, забрал у него мегафон и неожиданно ударил в лицо прикладом. Андрей потерял сознание. Сычев надел на него наручники.

Очнулся, когда тот тряс его за воротник и кричал в лицо:

— Хватит спать, пора за работу!

Андрей поморщился — болела голова, тяжело дышалось.

— Где вертолет?

— Будет, — с трудом проговорил Андрей. — Вертолетов у нас не густо. Но будет. В одиннадцать ноль-ноль. Учитывая твой «послужной список», твою социальную опасность, руководство приняло решение удовлетворить все твои требования во избежание кровопролития и жертв.

— Испугались? — оскалился Сычев. — Поняли, дурачье, с кем дело имеете?

— Испугались. Скажу больше: не будет никаких попыток перехватить тебя в пути.

Сычев хмыкнул:

— Это все?

Андрей кивнул:

— Но есть встречная просьба. Вернее, условие.

— Ну? — насторожился Сычев.

— Не выбрасывать меня из вертолета.

— Дать честное пионерское?

— Принять к сведению: если ты меня сбросишь, вертолет взорвется.

Сказав это, Андрей улыбнулся. Но, как ни странно, именно эта улыбка убедила Сычева в его правдивости.

— И последнее: еще раз предлагаем тебе добровольно отказаться от террористической акции и сдаться властям. В этом случае можешь рассчитывать на некоторое смягчение приговора суда.

— Вот это ты врешь, шериф. Я сам никого не шадил, и мне пощады не будет. И я лучше проведу оставшиеся мне годы не на нарах, а на Канарах. — Подошел к окну. — У тебя все? Кто это там маячит? — насторожился.

— Да никого там нет, — усмехнулся Андрей. — У тебя глюки.

Сычев положил чемодан на лавку у окна. Глядя в него, приказал Андрею:

— Открой сам. Знаю я все ваши штучки.

Сцепленными руками Андрей отщелкнул замки, поднял крышку.

— Выкладывай деньги. Я считать буду.

— Долго придется, тут много.

— Не твоя печаль. — Он на выбор распечатал несколько пачек, проверил, осмотрелся. — Дай-ка вон тот мешок.

В одном мешке были сухие грибы, в другом — сырой гриб «чага». Андрей высыпал сухие грибы на пол, подал Сычеву мешок.

— Знаю я все ваши штучки, — злорадно пробормотал тот, высыпая деньги из чемодана в мешок и завязывая его. — Чемоданчик-то, небось, со многими секретами. Поставь-ка мешок на место, до прибытия транспорта.

Андрей изготовился, хотя внешне ничем этого не показал. Так же равнодушно и послушно отнес мешок с деньгами в угол, поставил рядом с тем мешком, что был набит «чагой». Внутренне примерился к прыжку почти через всю избу. Конечно, он не надеялся свалить Сычева, справиться с ним одними ногами. Да и задумка была не в этом. «Но попытаться не грех, — стучала в висках беспокойная мысль, — вдруг повезет. Тогда все проще окажется...»

Андрей вскинул голову, встретился глазами с Колдуньей, которая с печи внимательно наблюдала за ним. Показал движением ресниц на мешки, бабка чуть заметно кивнула и уставилась деду в глаза.

Тот привстал...

Андрей взвился в воздух, метя ногой в шею Сычеву. Попал, но не очень удачно — в плечо, они грохнулись на пол. Сплелись в яростный, рычащий клубок.

Андрей попытался, блокируя удары Сычева скованными руками, сгибом колена захватить его шею, но тот резко вывернул ему стопу и с маху ударил носком ботинка в живот, и тут же ребром ладони — в шею. Теряя сознание, Андрей еще несколько мгновений чувствовал, как его трещат ребра под ударами озверевшего бандита...

Тяжело дыша, Сычев бросился к окну. Но схватка прошла мгновенно, за окном опасности не было. Он засмеялся, но тут же прервал смех, заслышав шум вертолета, взглянул на часы. Схватил мегафон.

Вертолет завис рядом с домом. Медленно опустился на траву, разгоняя ее зеленые волны своим винтом.

Сычев, прячась в простенке, поднес к губам мегафон:

— Летун! Движок не глуши! Сбавь обороты! Вот так! Свободен!

Летчик прыгнул на землю, послушно пошел в конец гати.

Сычев вернулся к Андрею, приподнял его за ворот, стал шлепать ладонями по щекам. Потом плеснул водой из кружки.

Андрей застонал, открыл глаза.

— Собирайся, шериф. Дилижанс у крыльца. Живо, живо! — рывком приподнял Андрея, поставил на ноги. — Бери мешок, ментяра!

— Была бы я здорова, — проскрипела с печи Колдунья, — я бы тебе услужила. Воронью бы отдала, чтобы тебя, злодея, на мелкие кусочки растащили.

Сычев даже не обернулся.

Превозмогая боль, стараясь не стонать и не дышать глубоко, Андрей шел к вертолету, прикрывая собой бандита и с облегчением думая о том, что нет худа без добра — избитого, без сил, Сычев вряд ли станет пристегивать его наручниками к сиденью.

Прикрываясь Андреем, Сычев остановился у дверцы, приказал:

— Мешок в самолет. За сиденье. Не туда, дурак, слева. Вот так.

Пятясь, Сычев встал на ступеньку, спиной забираясь в вертолет, все так же прикрываясь Андреем. Захлопнул и запер дверцу. Запор на дверце — это было предусмотрено — лишь имитация, спасение для Андрея.

Сычев сел в кресло пилота, чуть сдвинул боковое стекло, вывалил динамик мегафона на шнуре наружу:

— Все свободны, господа! Благодарю за службу! От винта! — и выкинул мегафон за борт.

Взревел двигатель, вертолет качнулся, оторвался от земли, стал набирать высоту.

«Все, — подумал Андрей, — пора». Ударил ногой в дверцу — в то самое место, где было нацарапано для него неприличное слово, — она с готовностью распахнулась — и вывалился за борт.

В кустах скрывался небольшой катер на воздушной подушке, готовый подлететь и выхватить Андрея из трясины.

Но все получилось не так. Вертолет в это время находился на высоте десяти-двенадцати метров, но над гатью.

Конечно, не мягкое болото, не жидкая грязь, но для бывшего десантника — не проблема. Однако в том состоянии, в каком находился Андрей — со сломанными ребрами, со скованными руками, — сгруппироваться и безопасно приземлиться ему не удалось. Он тяжело рухнул на бревна и опять потерял сознание.

В этот момент уже весь остров был полон невесть откуда взявшимися людьми. К Андрею тут же подбежали — сотрудники, пилот вертолета, врач.

А Сычев кругами поднимал вертолет все выше и выше.

— Вот дурак-то, — сказал полковник ФСБ.

Он задумчиво смотрел ему вслед. Рядом приплясывал от нетерпения снайпер с гранатометом:

— Срежу, товарищ полковник? Уйдет ведь.

— И не проси. Береги патроны для другого раза.

— Да уйдет! — в отчаянии завопил стрелок.

— Ты думаешь? — спокойно спросил полковник. — Кто тебе сказал? — он достал из кармана пульт, направил его на вертолет и нажал кнопку.

И вертолет вдруг повел себя странно: вращение винта его замедлилось. Остановилось. Он резко пошел вниз. Лопасты стали лениво вращаться в другую сторону, чуть замедляя его падение.

Плюхнулся в болото, стал неудержимо погружаться в него. Дверца распахнулась. Сычев с мешком в руке суетливо, как крыса, вскарабкался на капот, стал махать рукой. Потом поднял мешок над головой, затряс его: что вы, мол, делаете, вместе со мной уйдут в трясину такие доллары... От тряски мешок раскрылся, и на голову Сычева обрушились эти «доллары» — березовый гриб «чага» и какой-то другой лесной сор. И все это вместе с ним погрузилось в пучину, вспучился на этом месте и лопнул громадный пузырь, разбросав в стороны лохмотья ряски, — и снова сомкнулась трясина, укрыла свою бездонную смрадную глубину ровным зеленым ковром...

— Вертолет жалко, — сказал кто-то.

— Не жалко, — ответил армейский офицер. — Он свое отлетал, мы его еще вчера списать должны были.

Андрея уложили на носилки. Ногу зажали в лубки, грудь обхватили бинтами, прямо поверх куртки.

Обезболивающий укол неудержимо тянул его в сон...

Солнечное утро. За окном больничной палаты — свет, бегающие тени листвы, птичьи голоса.

Лейтенант Ратников лежит в повязках. Нога — в гипсе и задрана высоко над кроватью какими-то механизмами, с подвешенным грузом.

Скрипнула дверь. Вошел полковник Крутов. В руке не пистолет, а букет цветов. Под мышкой — коробка конфет. Из кармана брюк — точно — выпирает бутылка.

Андрей улыбнулся.

— А ты, капитан Ратников, хорошо выглядишь, — сказал Крутов. — На экскаватор похож.

КАК СВОЮ СОБСТВЕННУЮ

...Знаешь, парень, кто настоящий мент? Тот, кто чужую боль чувствует, как собственную. Когда ему потерпевший, с его горем, как брат, близок. Вот тогда ты и будешь для него стараться. Пуще, чем для себя самого...

Нынешняя осень в Синеречье была хороша: сухая, теплая, солнечная. Не страдала она своей обычной обреченностью, болезненной слякотью и противным, промозглым холодом, а была поначалу очень похожа на лето, которое славно потрудились, устало и теперь быстро погружается в здоровый, заслуженный сон, счастливо вздыхая, устраиваясь поудобнее и светло улыбаясь сквозь легкую еще дремоту.

Листва на деревьях высыхала, не опадая; быстро, охотно набирала яркий багрянец. Не мочило ее дождиком, не трепало ветром, и потому — чуть похолодало — тонко запела она в твердом и чистом морозном воздухе, мелко задрожала, отражаясь буйными кострами в застывшей, неподвижной синеве рек. А потом вдруг рухнула на землю тяжелым золотым дождем, зазвенела чеканными червонцами...

За ручьем, сплошь засыпанным листьями, похожим на большую, покрытую бронзовыми чешуйками змею, шурша, ползущую к реке, Андрей присел на пенек, перебросил планшетку на колено и достал из нее письмо в простом конверте. С дерева тихо упал на него последний бледно-желтый листок. Он машинально снял его и, сжав зубами горький черенок, развернул письмо, стал, вздыхая, перечитывать.

Письмо было от Катьки. Пустое какое-то письмо, бессмысленное. Ни в строках, ни между строк — ничего конкретного. «Проба пера, — горько усмехнулся Андрей. — Совсем на языкастую Катьку не похоже. Будто хочет что-то спросить, но боится в ответ совсем не то услышать...»

Андрей вложил письмо в конверт и, в раздумье сдвинув его уголком фуражку на затылок, пошел в село. Он шел напрямик — березовой рощей, насквозь прозрачной, пронизанной длинными солнечными лучами, под которыми новенькими монетами загорались опавшие листья. Шел медленно, заложив руки за спину, опустив голову, будто в самом деле выбирал — какой бы золотой поновее подобрать с земли, и было ему грустно и немного тревожно.

Добрый денек нынче выдался. Конечно, и бабье лето, и золотая осень уже позади. Но и сегодня славно.

Лес чутко задремывает, еще противясь подступающей зиме. Деревья голы — только ели зеленеют, — меж ветвей сияет чисто-синее небо. Сверкает на золотой опавшей листве нерастаявший первый снежок. Дремотно... Лишь речка пока бежит — торопится завершить до зимы оставшиеся дела, перед тем как крепко уснуть подо льдом и снегом.

Чуть заметно пригревает солнышко. Безветренно. Славно...

Редко такой денек выпадает. Чаще всего — перед черными днями...

Костер догорал. В нем жарко, яростно рдели хорошие березовые угли. Андрей подправил их, откатил в сторону

потемневшие и еще не прогоревшие, играющие синими огоньками.

— Томка! Тащи шашлык.

Тамара выскользнула из-под руки Платонова, поднялась, пошла к машине. Вернулась, неся в охапке кастрюлю с шашлыком.

Андрей тем временем заострил рябиновые прутики, и они с Платоновым стали нанизывать на них сочные, одуряюще-пахучие куски мяса. Уложили шампуры на камушки, ограждавшие костер, сполоснули в реке руки, закурили.

Тамара снова с удовольствием под крылышко к Платонову нырнула, застыла, задумчиво глядя на угли, шипящие под обильно капающим на них соком.

Андрей заботливо поворачивал шампуры, Платонов демонстративно облизывался.

— Все! — сказал Андрей, снимая шампуры. — В бой! Усиленный вариант несения службы.

Он сложил шашлыки на перевернутую крышку кастрюли, Тамара нарезала и разложила на пакете хлеб, огурцы, зеленый лук.

— А что у меня есть, ребята! — лукаво улыбнулась она и вытянула из кармана куртки блеснувшую на солнце бутылку.

— Вот это женщина! — восхитился Платонов. — Я бы на ней женился.

— Давно пора, — хмыкнул Андрей, чтобы смягчить возникшую неловкость.

— Ладно тебе, — буркнул Платонов. — Ты же знаешь...

— Да знаю! — отмахнулся Андрей. — Но сколько можно так мучаться? И сами не живете, и другим не даете.

— У нее — сын, у меня — дочь, — проговорил Платонов.

— Наоборот, — тихо поправила его Тамара, грустно улыбнувшись.

— Какая разница! — он махнул рукой, едва не опрокинув бутылку. — А жить где?

— Вот уж не проблема. Ко мне переезжайте. У меня в доме три комнаты, не считая верха. Новоселье справим. — Андрей поднял кружку. — Вот что, ребята, выпьем за то, чтобы вы, наконец, приняли решение.

— Нет, — возразила Тамара. — Первый тост, как всегда, за ментов-оперов.

...Кострище подернулось пеплом. Солнце спряталось за лесом, посверкивая тонкими лучами меж веток. Похолодало.

Тамара собрала посуду, свернула плед.

— Хорошо посидели, да? — потянулся Платонов.

— Как в последний раз, — тяжело уронила Тамара, забирая у него ключи от машины.

Они поднялись и пошли за ней узкой тропкой к дороге.

Из глубины леса вдруг донесся тоскливо-угрожающий волчий вой.

Платонов вздрогнул. Андрей прислушался.

— На болотах воет. Зиму чувствует.

— Или добычу, — глухо уронил Платонов.

В составе опергруппы Ратников выехал в Березки, на кражу. Закончили работу к середине дня. Группа забралась в «уазик».

— А вы — со мной, — сказал Андрей Тамаре и Платонову. — Жилье свое посмотрите. Я вас потом отвезу.

По дороге захватили бутылку вина, кое-какие закуски.

— Знаю я эти холостяцкие избы, — пошутила при этом Тамара. — В них даже мыши не живут.

Тамара и впрямь, по своему имени, походила на грузинку — статью, густо-черными длинными волосами, невозмутимым спокойствием даже в волнении, а более всего — влажным, грустно-задумчивым взглядом черных глаз. Казалось, она носит внутри постоянную печаль, готовую в любую минуту обнажить себя тяжелой медленной слезой.

— В них живут хорошие люди, — сказал Платонов. — Вроде нас. — И улыбнулся своей замечательной улыбкой. Он всегда улыбался так: будто знает о тебе что-то хорошее и сейчас об этом скажет.

Когда сели за стол, Тамара спросила:

— От Катьки ничего нет?

Андрей почему-то покачал головой.

— Ну и не надо, — сказал Платонов. — Мы тоже гордые. Да, Андрюш?

— Я на нее не в обиде. — И резко переменял тему: — Я вот что думаю, Коля, не залетные ли Супруненко взломали? Высмотрели по пути домик побогаче, ломанули и слиняли за границу нашей области.

— Не исключено. Ориентировку, конечно, соседям дадим — вдруг вещички всплывут. — Он разлил вино. — За твой уютный дом, хозяин.

Дом и правда был хорош. Стар, осанист. По ночам в тишине побряхтывает, днем половицами играет, стеклом в окне дребезжит, когда на улице проезжает машина. Но уютен и спокоен. Своей старостью, обжитостью. Тем добром и теплотой, что творились в нем от века.

Уютен старый дом. Но пуст. Днем — тишина в нем мертвая, будто и не живет никто. А вечерами — лишь шаги Андреевы отзываются по углам да звякнет порой ложка в стакане.

...Катька в Андрея еще школьницей влюбилась. И на всю деревню сказала:

— Как восемнадцать стукнет, так сразу за него пойду.

— А если не возьмет? — ехидно спросила подружка Ленка.

— Меня? — изумилась Катька, во всю ширь распахнув отчаянно синие глазищи. — Да ты, дура, посмотри на меня!

А посмотреть было на что. Славная девчушка. Стройная, легкая, особенно на мордашку хороша: все будто улыбается. А почему так, сразу и не поймешь: то ли ямочек на лице много, то ли веснушки играют, то ли глаза вовсю светятся. А то, может, и просто все — хороший человек Катька, и того скрыть не может и не желает...

Да и характер у Катьки — юный. Решительный и бесповоротный. И всегда она своего добивалась, потому, видно, что шла к цели весело, вприпрыжку и напевая. Ни с кем на этом пути не считаясь, но и никого не обижая.

И вот как-то в ночь (на следующую после той, когда Андрею в окошко стреляли, был такой факт) забарабанило в дверь.

Впервые в жизни Андрей, прежде чем откинуть крючок, за пистолет взялся и спросил приглушенно:

— Кто?

— Я!

Андрей распахнул дверь — на крыльце Катька, босая, под мышкой подушка, в руке чемодан.

— Ты что? Что случилось?

— Знаешь, Андрей, в тебя уже из пулеметов садят, пропадешь ты без меня. Я к тебе насовсем. Мне уже восемнадцать исполнилось. Полчаса назад. Не веришь — у мамы спроси.

Тут у Катьки расчет был точный — мама жила далеко отсюда, аж в самом центре.

— А босиком почему? — только и нашелся Андрей.

— На всякий случай. Чтоб пожалел и не прогнал.

— Тебя выгонишь, как же!

Не выгонишь, точно. Сама ушла. Не выдержала.

— ...Не могу я так, Андрей, — честно призналась. — И день тебя нету, и ночь не твоя. Иной раз уходишь, и не знаю — дойдешь ли туда, вернешься ли обратно?

-++Не стал Андрей спорить, аргументы искать. Сколько раз тревожный стук в окно размыкал горячие объятия молодой жены. Сколько раз приходилось споро, сноровисто — по-солдатски — одеться и идти туда, куда звал его служебный долг: в чужую беду, боль, грязь, в опасность.

Уехала Катерина к матери, долго не писала и по-иному не тревожила.

Опустел старый дом, а до того весь был полон веселым щебетом юной птахи. Потому и рад был Андрей помочь друзьям, надеялся, что и ему в родном доме повеселей станет...

И Тамаре дом понравился, только за огород она хозяйина пожурила, когда покурить на крылечко вышли.

— Запустил ты его, Андрюша.

— Зато лебеда какая! — похвалился тот. — Лучшая в районе.

— Почему за постой брать будешь? — спросил Платонов, когда Андрей запирает двери.

— Бутылка в день.

— Годится.

— С закусью, — поспешил накинуть Андрей.

— Это еще надо подумать, — заявила Тамара. — Кулацкая у вас деревня. Так и норовите с бедных ментов три шкуры содрать.

Иван Макарыч как директор АО «Синеречье» всю свою организаторскую и руководящую работу свел в последние годы к одному — к экономике. Не надо про это думать что-нибудь мудрое. Просто решал постоянно директор одну и ту же задачу: как продать произведенную продукцию не за копейки, а хотя бы за рубли. Рыскал голодным псом по округе, искал каналы сбыта, выходил на прямые связи с торговыми точками, без наглых посредников и бессовестных оптовиков. Иногда ему это удавалось.

Нынешней осенью хорошо картошка уродилась. И удачно Иван Макарыч в город съездил, нашел магазины, где давали ему хорошую цену. Собрал до одной кучи весь урожай — и тот, что в хозяйстве, и с частных подворий, арендовал фуры (тоже по-божески), загрузил, отправил. И целый день счастливый ходил, улыбался. Денег за картошку, как бухгалтер Коровушкин посчитал, и на зарплату людям хватит, и на солярку останется.

Но, как говорится, недолго музыка играла. К вечеру он уже сидел в комнате участкового и колотил кулаком по столу.

— У нас есть власть или одни бандиты?

За его спиной стояли мрачные и злые водители. У одного из них заплывал левый глаз.

— У меня договор! У меня люди три месяца без зарплаты! У меня техника без горючего стоит!

Произошла обычная для нашего времени история. Уже недалеко от города, возле бензозаправки, колонну остановил милиционер.

— Мордатый такой, — говорил водитель с фингалом. — На актера Евдокимова похожий. Сперва все правильно шло — документы проверил, накладные на груз — и в сторону. А вместо него братки образовались. И сперва тоже по-хорошему. Мол, продавайте, мужики, груз оптом. Вам же выгодней — не гонять машины, не связываться с тор-

говлей. И цену сказали. Мы аж ахнули — за такие деньги проще в кювет картошку свалить. Ну, послали их... Они нам навалили как следует, скаты пробили, а в моей фуре керосином полили...

Ратников выслушал, позвонил начальнику.

— Это так просто не делается, — отозвался Крутов. — Разрабатывать надо. Сопроводи их до города. Я тебе двух оперов дам.

Поехали на следующий день. Красиво поехали. Впереди — Ратников на мотоцикле, в фуражке. В каждой кабине, рядом с водителем, — опера с пистолетами, тоже в форме. В третью фуру сам Иван Макарыч забрался, с ружьем, и всю дорогу ворчал:

— По родной земле под конвоем ездим. Дожили.

Проехали благополучно. Сдали товар. Разгрузились. Иван Макарыч уложил в сумку деньги, сунул ее под сиденье. Зашел в магазин, набрал выпивки, закуски. Поехали в село.

Когда подъезжали к той самой заправке, Андрей остановился.

Чуть в сторонке сгруппировались несколько легковушек, возле них парни, на капоте «девятки» стол накрыт, выпивают и закусывают. Уверенные хлопцы. По всему, — братки местного коррупционера Синякова, бандита откровенного.

Поодаль, за углом, где заправлялись дизеля, стояла еще одна машина, знакомая. В ней сидел участковый Огольцов, мордастый, на Евдокимова похожий. Андрей подошел к нему. Огольцов жевал.

— Привет, Ратников. Подрядился? Молодец, на нашу зарплату с голоду не умрешь, но долго жить не будешь.

— А ты чего здесь?

— У меня с информатором стрелка.

— В форме? Конспиратор...

— Да хрен с ним, какая разница?

Андрей разговаривал, краем глаза наблюдал за парнями. Они обменивались фразами коротко, по-деловому, усмехались. Поглядывали то на него, то на колонну. Опера демон-

стративно стояли на подножках, приоткрыв дверцы кабин. Иван Макарыч из машины так и не вышел, на деньгах сидел.

Попрощавшись, Андрей пошел к мотоциклу, стараясь понять — зачем участковому, тем более приехавшему на встречу с информатором, гаишный жезл на сиденье?

Вернулись без приключений.

Иван Макарыч запер деньги в сейф, пригласил водителей к застолью. Поблагодарил милиционеров. Те тоже от угощения не отказались.

— Что же, Сергеич, — сказал директор, когда все разошлись, — так и будем с охраной ездить?

— Разберемся, — не очень уверенно пообещал Ратников.

Андрея срочно вызвали в отдел — на общегородскую операцию. И хотя операция была хорошо разработана, реализация ее требовала значительных сил.

Андрея назначили в экипаж Платонова. Получив жезл, бронежилет, укороченный автомат и два магазина, он пошел к машине.

— Привет, Саня! — поздоровался с водителем. — Опять мы вместе.

— Это хорошо, Сергеич, — рассудительно сказал тот. — Боевой экипаж должен быть постоянным. Верно я говорю? Садись, чего стоишь?

Вскоре вышел Платонов, сел сзади:

— Так, ребята, наша задача — патрулировать район Заречья: от улицы Смежной до второго квартала. Особое внимание кабачку «Белая ночь» — по оперативным данным, там могут укрыться дуганы из группы Веселого. — Включил запищавшую рацию. — Пятый слушает.

— Пятый, — прохрипела рация, — готовы?

— Так точно.

— Выезжайте в район патрулирования. Связь постоянная. Осторожнее, ребята, ночь будет бурной.

Водитель включил двигатель, заработали щетки, снимая со стекла мокрый липкий снег.

Машина с малым светом тихо, словно лодка по глади пруда, поплыла по влажному асфальту, в котором отража-

лись то редкий фонарь на столбе, то поздний свет в ближнем окошке.

Город был пуст, затаился, будто знал, какие опасные дела сегодня будут делаться.

— Андрей, — сказал вполголоса Платонов. — На тебя кто-то заму настучал. И этот кто-то — не я. Будто ты частным образом подрабатываешь в охране грузового транспорта.

— Есть такое дело, — кивнул Андрей, вглядываясь в уснувшие улицы, в бессонные огоньки в окнах. — Полковник в курсе, он мне и поручил это дело. А кто настучал, догадываюсь.

— По-моему, там ребята Синякова шалят. Он ведь у нас на все руки мастер.

— Разматываешь его?

— Ой, как туго. Давление уже откровенное идет. Хорошо, меня Крутов прикрывает. Угрозы в ход пошли. Деньги подбрасывали... И еще, — Платонов наклонился к Андрею, шепнул: — Глухие сведения есть: к нашим ребятам подбирается...

Тут разговор прервала рация. Платонов отозвался, получил еще какие-то указания.

Поездили своим маршрутом, проверили пару раз документы у запоздалых прохожих, сделали замечание парням, оравшим песни возле больницы, и, обогнув «Белую ночь», пристали тихонько в темном переулке.

Приспустили стекла, стали ждать. Водитель время от времени включал «дворники».

— Как Томка? — тихонько спросил Андрей.

Платонов помолчал. Потом выщелкнул окурок в окошко, проговорил:

— Кажется, решается у нас. Я не сказал тебе: от меня Ольга-то ушла. Сама, без скандалов. Сына забрала и к матери уехала.

— Вот так вот? — защемило у Андрея. — Круто.

— Записку оставила. Красивую такую. «Не хочу стоять на пути твоего счастья».

— Молодец Ольга.

— В том-то и дело, — вздохнул Платонов. — Да и пятнадцать совместных лет из жизни не выкинешь.

Андрей не ответил. Да и что тут скажешь? Но душа у него за них болела. Как за товарищей, как за боевых друзей. Ментов-оперов.

— Съезжайтесь, Коля. Не тяните. И мне веселей будет.

Платонов с облегчением улыбнулся:

— Съедемся. И будет в твоём селе своя опергруппа, в полном составе. Следовательно, эксперт, участковый.

— Правильно решили, — подал голос откровенно прислушивавшийся водитель. Впрочем, эту нелегкую историю знал и переживал весь райотдел. — Я сам, когда налево ходил, ох, и мучался. Страдал прямо.

— А чего страдал-то? — подначил Андрей.

— Чтоб теща не прознала.

Опять шумнула и смолкла рация.

Долгое время было тихо. Но не сказать, что спокойно. Тревожно. Потому что знали, чем сейчас заняты товарищи и чем будут сейчас заниматься они сами.

Вдали прозвучал слабый, видимо, пистолетный выстрел. Ему ответила автоматная очередь. Ещё одна. Опять одиночные выстрелы. Тишина.

— Пятый, — вскрикнула рация. — У меня трое ушли. Угон автотранспорта. Вооружены пистолетами. Преследуем. Двигутся в вашем направлении. Белый «жигуль». Встречайте. Покруче брать — они двоих наших ранили.

— Вас понял, — Платонов подался вперед, всматриваясь в глубину темной улицы.

— Хорошо стоим, старшой, — успокоил его водитель. — Как раз на нас выйдет.

— Лучше бы промахнулись, — улыбнулся Платонов.

— Протараним, или как?

— Посмотрим. Они машину теперь, скорее всего, бросят, засветились.

Прохрипел искаженный мегафоном голос, послышался нарастающий где-то за домами гул машины. Он резко прервался — опять тишина.

А потом, в конце Лесной, застучали шаги бегущих людей. Все ближе. Казалось даже, что слышится — все громче и громче — чужое хриплое дыхание.

— Вот они, — Платонов достал пистолет.

На фоне длинной, из стальных прутьев ограды появились силуэты двух человек.

«Почему только двое? — мелькнула у Андрея мысль, — где третий?» Но думать уже было некогда. Все трое вылетели из машины.

— Стоять! — рывкнул Платонов и выстрелил вверх.

Бандиты замерли.

— Лицом к стене! Руки!

Ратников и Платонов рванулись к ним, водитель, страхуя, остался чуть в стороне. Невидимый в тени дома.

Платонов быстро накинуд наручники одному, Андрей стал обыскивать другого, уткнув ему в спину ствол автомата. Выдернул из его кармана пистолет.

И тут из темноты раздался выстрел. Платонов вздрогнул, изогнулся и упал. Коротко простучал автомат. Андрей ударил пистолетом в затылок «своего» задержанного — некогда было с ним возиться — и присел рядом с Платоновым, подсунул ему руку под голову.

Платонов был в сознании.

— Кажется, в плечо, — простонал он.

Подбежал водитель.

— Кто стрелял? — выпрямился Андрей.

Тот повел стволом куда-то в сторону:

— Третий. Отстрелялся уже.

— Молодец. Подгоняй машину.

Андрей снова нагнулся к Платонову, вытащил из его нагрудного кармана рацию, связался с первым.

Доложил, попросил прислать людей забрать задержанных. Развернул их лицом:

— Набегались, друганы? Все, парни, теперь подставляйте лобешники — вышка вам светит!

Андрей рассовал по карманам изъятое оружие. Одной парой наручников сковал бандитов, другой пристегнул их к ограде.

— Пойдите здесь, друганы, не до вас.

Вдвоем с водителем они подняли Платонова, стали укладывать в машину, на заднее сиденье.

— Тяжел ты, Платоныч, — с натугой пошутил водитель, видя, как тот морщится от боли. — Бросим мы тебя.

— Я вам брошу, — улыбнулся через силу Платонов. — Премии лишу. — Хотел что-то сказать Андрею, но потерял сознание...

Машина с визгом остановилась у входа в больницу, Андрей выскочил, взбежал на крыльцо, нажал и не отпустил кнопку звонка, пока не открыли.

— Носилки! — сказал он, вернее, выкрикнул. — Дежурного хирурга! У нас огнестрельное ранение.

Платонова прямо из приемного отделения увезли в операционную.

Вернувшись в машину, Андрей призадумался: кому из женщин сообщать о ранении Платонова — Ольге или Томке?

А потом малодушно махнул рукой на это дело — у Платонова начальство есть, это его головная боль.

Платонов пролежал долго. Ранение оказалось сложное, он перенес две операции. Да еще и воспаление легких схватил.

И личная жизнь его опять осложнилась и запуталась. Ольга, узнав о его беде, как законная жена и верная подруга, срочно вернулась и трогательно ухаживала за медленно выздоравливающим мужем.

Но и Тамара своего не упустила. Как они не схватились у одра больного и раненого, никто не объяснит. Поделити-таки дни недели на четные и нечетные. Скорее всего, забота о любимом отодвинула на второй план личную неприязнь.

Андрей часто, как только выезжал в район, заходил в больницу. Здравовался то с Ольгой, то с Томкой. Подолгу болтал с Платоновым. Но служебными делами его не загружал.

Дело Синякова передали было другому следователю. Но Крутов, как только тот доложил о ходе расследования, отстранил его, забрал все материалы и запер в сейф. И вдруг ни с того ни с чего распорядился о негласной охране Платонова. На время его пребывания в госпитале.

На это же время Андрей забрал «копейку» Платонова, которая заметно облегчила его службу.

А служба шла нормально. Ратников строго соблюдал инструкции, выполнял должностные обязанности. В нужные сроки проводил нужные мероприятия и вовремя по ним отчитывался. В меру сочувствовал потерпевшим. В меру гневался на нарушителей и преступников. Словом, служебный долг исполнял как положено, на хорошем счету был в управлении.

Той порой зима вошла в силу. Как ей положено — обильные снега, метели, морозы. Поздно рассветало, рано смеркалось. Новый год близился.

Андрей рассчитывал, что к этому времени Платонов выпишется из госпиталя, и они с Тамарой встретят Новый год у него в доме. Леший подсказал ему, где найти отличную елку, Андрей съездил за ней.

Возвращался уже по темному. Мело по дороге, змеилась поэмка на асфальте. В фарах встречных машин сверкали снежинки. Дорога была сложная.

Шедшая впереди машина мигнула тормозными огнями, свернула в лес. Проезжая этот поворот, Андрей проводил ее взглядом и подивился — куда же они поперли? Эта дорога никуда не вела. Где-то там, в глубине лесов, пряталось брошенное еще чуть ли не в войну небольшое село. Пеньки, кажется.

Место не из самых приветливых. Да и проехать туда зимой... Впрочем, машина, как показалось Андрею, — мощный внедорожник, пусть лезут. Небось тоже за елкой.

Подумал — и забыл. Тем более что следующее утро принесло ему заботу покруче, если не сказать горше.

Едва он вошел в свою резиденцию, зазвонил телефон. Андрей взял трубку.

— Ратников слушает.

— Вот и хорошо, летёха, — заговорил кто-то незнакомый ленивым, небрежным и наглым тоном. — Слушай внимательно. Платоша твой глупо себя повел. Лечится теперь. Это ему предупреждение. А теперь передай: пусть срочно сворачивает — он знает, что, — или будет ему очень больно.

— Кто говорит? — глупо вырвалось у Андрея.

— Я говорю. А ты слушай. Передай ему — сутки на размышление. А чтобы лучше думалось, скажи: баба его у нас.

— Какая баба? — растерялся Андрей.

— Любимая. — Собеседник помолчал, давая время освоить эту информацию. — Что с ней будет, говорить не стану. — Связь прервалась.

Андрей положил трубку, сел за стол, уставился невидяще в окно, за которым синело зимнее утро.

Растерялся Ратников. В голове звенело и что-то больно билось в висок, дрожали пальцы. Он постарался взять себя в руки. Проанализировать ситуацию и получить недостающую информацию, без которой невозможно было действовать.

Для начала ясно одно: Платонов не должен пока этого знать. Тем более, может, это просто очередная угроза, психологическое давление. Все-таки маловероятно, чтобы кто-то решился (даже сам Синяков) воздействовать на офицера милиции таким образом. Впрочем, в наше время все вероятно и всякое возможно.

Любимая женщина... Любимая женщина... А их у Платонова, можно сказать, две. Не считая дочери.

Андрей снял трубку, позвонил Ольге на работу.

— Минутку, — сказали ему в ответ. И он услышал: «Ольга Павловна, — вас». — Вы слушаете? Сейчас она подойдет.

Андрей не стал ждать, положил трубку. Так, Ольга на месте, никто ее не крал. Теперь — Тамара.

Андрей позвонил в район, попросил соединить его с экспертом Звонаревой.

— Сейчас узнаю, — ответил дежурный. Долгие секунды ожидания. — Нет ее, не приходила.

Андрей бросил трубку, выскочил на крыльцо. перевел дыхание, прижал руку к сердцу. Все. Решились все проблемы. И у Коли Платонова, и у Тамары Звонаревой.

Погнал машину в Ямское. Коротким путем, через лес — «пьяной дорогой», которой обычно ездили принявшие на грудь водители, обходя посты ГАИ.

Эта дорога еще та была! Даже сейчас, зимой. Машина пьяно металась меж бесконечных сугробов вдоль обочин, проваливалась в рытвины, занесенные сухим рыхлым снегом; ревел, захлебывался собственным ревом, снова взрывал, надрываясь, двигатель — обреченно, тоскливо, как загнанный зверь.

Никогда еще так не ездил Андрей. Разве что, когда догонял пьяного угонщика. Но тогда в сердце играл азарт погони, а сейчас в нем бился смертный страх, отчаянная боль.

Вылетев на шоссе, чуть не опрокинувшись и едва увернувшись от какой-то «девятки», на мгновение показавшейся чем-то знакомой, Андрей свернул на Ямское, промчался через весь поселок, резко затормозил у дома Звонаревых.

Дочь Тамары чистила во дворе снегом коврики. Андрей опустил боковое стекло, не выходя из машины, подозвал ее.

— Света! Маму покличь!

Света отбросила веник, подбежала к ограде.

— Ой! Дядя Андрей, а мамы еще нет. Я волнуюсь. Она как уехала к дяде Коле, так еще не вернулась.

— Не волнуйся, — через силу улыбнулся Андрей. — Я ее найду.

— Маме уже с работы звонили!

— Это я звонил, — соврал Андрей. — Соскучился. А когда мама уехала?

— Еще утром. Я и за дядю Колю волнуюсь. Мама сказала, что ему плохо стало, и помчалась.

— На чем?

— За ней машина заезжала.

— Какая машина, Света?

— Большая, черная. С черными стеклами. Вроде джипа. Крутая, в общем.

Подумал сразу: «Ни у кого из наших такой машины нет». И мелькнуло в памяти — совсем недавно он где-то такую машину видел. Черную. Крутую. Но ведь Тамара — не ребенок, не наивная девушка, она в чужую машину просто так не сядет.

Просто так не сядет, верно. А вот когда в опасности любимый... Да еще если в машине знакомое лицо...

— Света! А кто был в машине, не заметила?

— Я ж говорю: стекла у нее черные. Я только одного видела — на переднем сиденье. В форме он был. Мордастый такой...

Андрей попрощался со Светой, еще раз пообещал доставить маму и вернулся к себе. Связался с больницей.

— Платонов? — переспросила медсестра в справочной. — Шестая хирургическая? Минутку. — И через минутку, через шелест бумаг, отдаленный смех и говор, обрывки музыки: — Состояние удовлетворительное. Температура тридцать шесть и шесть. Готовится к выписке.

Вот так...

Андрей безнадежно опустил трубку.

Что делать? Доложить руководству? Крутов сразу же примет меры. Весь отдел поднимется... И среди них тот, кто... Вот именно!

Андрей потерянно сидел в своем замерзшем, затихшем доме — ни скрипа, ни мышиной возни, только неумолимо и зловеще тикают на стене старые ходики. Да за окном, в замерзших ветвях, чуть слышно, набирая силу, вкрадчиво шумит снежный ветер.

Так... Андрей встал, потер лицо ладонями, прошелся от печи к окну, глянул в назревающую метельную ночь. Вздрогнул: мобильник прозвенел певучую строку: «Наша служба и опасна, и трудна...»

— Ну что скажешь, летёха, — тот же ленивый, наглый в растяжку голос, — был у Платонова?

— Я теперь капитан, — выигрывая время, поправил Андрей, холодея от ненависти.

— Поздравляю, не знал. Говорил со следяком?

— Говорил...

— И что?

— Просит время подумать.

— У него было время. Но кончилось. Оттикало.

— Для него вопрос непростой, — убежденно проговорил Андрей. — Он...

— Знаю, знаю. Он шибко честный. Так вот, и я — очень честный. Привык держать слово. И потому напоминаю: завтра в двенадцать срок истекает. Сечешь, капитан?

— Как с вами связаться?

В ответ — смешок.

— Я сам тебя достану. В двенадцать по Москве. Конiec связи, капитан.

— Постой, — быстро произнес Андрей. — Ты понимаешь, на что идешь? Платонов вас за это из-под земли достанет и размажет без следа.

— Не успеет. Тик-так, капитан. И кстати, едидшь очень неосторожно. Особенно — на поворотах. Ты это учти, дружески советую.

Словно что-то вдруг вспыхнуло. Будто разом оборвалась метель за окном.

Синяков.

Его ребята на заправке. Рядом — Огольцов, похожий на актера Евдокимова.

Джип, забравший Тамару, с мордастым пассажиром в милицейской форме.

Джип, сворачивающий куда-то в темный лес.

Мелькнувшая на повороте «девятка» Огольцова.

Просчитался неведомый собеседник. Наглость подвела. Хотел показать: ты, Ратников, тоже под контролем. Каждый твой шаг нам известен. И невольно выдал тайное.

Андрей вскочил, накинул бушлат, вышел за дверь. Ветер и впрямь стих. Снег неспешно укладывался ночевать на сугробы и ветки деревьев. В черном небе неуверенно засверкали иголки робких звезд.

Андрей размашисто, ровно лось на болоте, зашагал к Бугрову. Уж Леший-то все в лесу знает, как свою невеликую избу.

В избушке Бугрова, занесенной снегом по самые окна, топилась печь. По стенам бегали огненные блики, мерцали на металле ружей, развешенных по стенам, в злых стеклянных глазах кабаньей морды над дверью. На подоконнике, в клетке из ивового прута бешено крутила свое колесо рыжая, пышнохвостая белка.

Леший Бугров, в мохнатом свитере и высоких белых валенках, сидел за столом и пил чай. По-старинке, вприкуску. С таким расчетливым азартом, будто по следу редкого

зверя шел. Андрей даже позавидовал, сбросил на лавку бушлат, сел к столу, подставил под кран самовара толстую кружку с лосиной головой на боку.

— С чем пришел, Сергеич? — Бугров снял с колен полотенце, промокнул красный лоб. Сверкнул из-под обильных бровей быстрым взглядом. — Нужда привела?

— Сильная нужда, Федор Лукьяныч. Ты Пеньки знаешь? Леший кивнул:

— Плохое место, Сергеич. Дикое, нечистое.

Пеньки — давным-давно заброшенная деревушка, название которой уже и не каждый старик помнил. К ней, вообще-то, доступ только зимой был — как уж она среди болот оказалась, как в ней когда-то люди жили, никто не скажет. В военное время здесь партизаны иногда задерживались. Нашлась черная душа — немцам донесла. Каратели туда дороги сыскать не смогли, побросали мины, из орудий побили — разбили дома, многих жителей погубили. После войны деревушка так и не возродилась. Зарастала лесом, гнила — никто там не бывал: ни к чему, да и боязно. Говорят, многие пеньковцы там непохороненными остались, под родными срубами...

— Там, Сергеич, еще до тебя бандиты кровавые скрывались, с-под Брянска, что ли. А тебе-то зачем?

— Надо, — коротко ответил Андрей, отставив кружку.

— Раз надо, сделаем. Когда иттить-то?

— Поскорей бы.

— Ну, покури пока. Я соберусь, да печка пушай дотопится. Я тебя коротким путем сведу.

— Лыжи вторые найдешь?

— Как не найти. — И Леший вышел в сени.

Прошли околицей, углубились в лес. Ночь хороша была. Уже ясная, месячная. Снега под его светом сверкали алмазами. Тишь стояла такая, аж слышно было шорох спадающего с еловой лапы снежного комка.

Сугробы под деревьями в лунном свете порой казались синими. Все спало кругом: птахи, белки, белошубые зайцы, и сам лес будто погрузился в глубокий здоровый сон, до самой весны, набираясь свежих сил для своей новой буйной, мудрой и простой жизни.

Леший напористо шел впереди, прокладывая лыжню к цели. Андрей к этой цели шел его следом. Только вот, если подумать, цель у них, единых в движении и мыслях, была совсем разная. И если Бугров, ее достигнув, мог вернуться и жить дальше, то вот Ратников — неизвестно. Однако без Лешего он на эту цель, на мрачные Пеньки, ни за что не вышел бы.

Бугров вдруг встал. Замер, прислушиваясь. Андрей вышел за ним на край леса, тоже остановился.

Впереди, через опушку, где из синего снега одиноко, редко торчали будылья бурьяна, в которых чуть слышно вдруг зазвенел ночной ветерок, виднелись снежные холмики — бывшие избы. Кое-где меж них скорбными обелисками торчали из сугробов, среди кустов, длинные печные трубы.

Бугров переступил лыжами, качнулся к Андрею, царапнул по щеке бородой:

— Чуешь, Сергеич? Дымком тянет. Крайняя от нас изба.

Кромкой леса подобрались поближе. Возле завалившейся всеми четырьмя углами избушки — след от мощных протекторов. Окна забиты досками, в щелях меж ними чуть мерцает свет, вокруг дома натоптано.

Леший перекинул из-за спины карабин. Андрей придержал его за руку, шепнул:

— Нельзя, Лукьяныч. Там женщина в заложниках.

Бугров стряхнул его руку:

— Ты — в дверь, я — в окошко! Мы их повяжем, Сергеич.

— Нельзя. Если что — ее в живых не оставят.

— А чего сделаем?

— Домой пойдем.

Леший вздохнул, закинул карабин на плечо.

— Так решил, Сергеич? Ну, тебе видней.

— Огольцов здесь? — спросил Андрей в дежурке.

— У себя. Прием граждан ведет.

Андрей обернулся, шагнул к участковому Сизову.

— Матвеич, возьми его граждан, а? Срочное дело. Я потом объясню.

Сизов, пожилой капитан, приподнялся, сказал с усмешкой:

— Но — за столом, ладно?

— Еще как! — и Андрей скачками поднялся на второй этаж.

Возле кабинета Огольцова смирно сидели на казенных стульях граждане. В основном, пожилые и усталые.

— Извините! — сказал Андрей громким голосом. — Вашего участкового срочно вызывают в Пеньки, на происшествие. Переходите к пятому кабинету. Вас примет капитан Сизов.

В кабинете Огольцова сидел, понурившись, замухрышистый мужичок. Огольцов, откинувшись на спинку стула, постукивая ладонью по резиновой палке, лежащей на столе, лениво, но весомо ему выговаривал:

— Имей в виду, Сучков, если твоя теща еще раз придет ко мне, то тогда уже я приду к тебе. — И приподнял дубинку над столом. — Все понял? Свободен.

Андрей проводил Сучкова взглядом, подошел к столу.

— Что, Оголец, тачка твоя на ходу?

— У меня, Ратников, все всегда, и везде на ходу. Я и сам ходок!

— Собирайся, — спокойно и деловито сказал Ратников. — В Пеньки поедem. За Тамаркой Звонаревой.

Огольцов мгновенно сменил на лице два цвета: белый и красный.

— Ты что, Ратников? С коня упал? Подсадить?

Андрей, уже не владея собой, схватил Огольцова за горло и прижал к стене.

— Мразь! Тварь продажная! .

Глаза Огольцова остекленели, с края рта побежала по подбородку слюна, он захрипел.

— Что ты! Что ты! Опомнись, Ратников! Оно же все шутка! Мы ж не знали, что и ты за ней...

— Думай, что говоришь, дерьмо! Собирайся!

Вышли из отдела друзьями. В машине Андрей пристегнул его наручниками к ручке дверцы.

— Сделаешь все чисто, понял? Сколько их там?

— Да один всего, Андрей. Лох конопатый.

Дорогой Огольцов немного пришел в себя.

— А ты дурак, Ратников. Не за тех воюешь.

— А я не наемник. — Ничего умнее Андрею в голову не пришло, на язык не попросилось. Не тем была душа занята. — Значит, Огольцов, дашь показания на Синякова. Все, что знаешь.

— Ты себе враг, Ратников, — рассудил Огольцов. — А я — нет. Я себя люблю. Очень сильно.

Андрей резко свернул к обочине. Машина стала на пустом шоссе. Глухо шумел лес по обе стороны дороги. По асфальту сухими змейками мела поземка.

Андрей отстегнул наручники.

— Выходи. Иди в лес, по нужде.

— Не пойду! — Огольцов забился в угол салона.

— Когда ты засветился возле дома Звонаревой, — медленно проговорил Андрей, — я понял, что в живых вы ее в любом случае не оставите. Выходи! — и он достал из кармана пистолет. — Я и без тебя дорогу знаю.

По лесной дороге проехали немного. Остаток пути шли пешком. Перед избушкой Андрей пристегнул правую руку Огольцова через дырку в кармане бушлата к его ремню. С одной рукой он не опасен.

— Сдурим хоть малость — первая пуля твоя, — пообещал сквозь зубы.

— Вот не дают дураки жить, — простонал Огольцов. — Ни себе, ни людям.

— Пошел!

Огольцов потопал на крыльце, крикнул:

— Сизый! Это я! Отворяй! Сдавай бабу!

Звякнуло за дверью, она приотворилась. Выглянул сонный парень.

— Чего? Все, что ль?

— Все, все, — Андрей оттолкнул Огольцова и, оттеснив парня, решительно вошел в избу.

— А ты кто такой? — тупо нахмурился тот.

— Свой он, свой, — успокоил его Огольцов. И подмигнул.

Не помогло. Ратников уже занял удобную позицию. И с этой позиции ахнул парня в висок пистолетом. Огольцов,

ожидая и для себя чего-то подобного, вскинул, защищаясь, левую руку. Андрей брезгливо усмехнулся:

— Тащи его в дом.

В комнате сумрачно. Затхло. Мигая, коптит и еле светит на столе желтым язычком керосиновая лампа. Вокруг нее — пустые и полупустые водочные бутылки, грязные тарелки, испорченные консервные банки. Рядом со столом широкая лавка, застланная каким-то тряпьем. В дальнем углу, совсем в полумраке, железная кровать. На ней, под драным ковриком, Тамара. Одна рука ее, закинута за голову, пристегнута к спинке кровати. Бледное лицо. Черные глаза. Слабая улыбка.

— Ты чего примчался? — прошептала.

— Соскучился, — ответил Андрей, освобождая ее руку. — До машины дойдешь?

Помог ей встать, усадил на скамью.

Огольцов тем временем втащил парня за ворот куртки.

— Все, Ратников, больше я ничего для тебя не сделаю.

— И я для тебя — тоже, — отозвался Андрей. — Клади его на кровать. И рядом ложись. Только бушлат сними.

— Я же замерзну, — смекнул Огольцов.

— Да и хрен с тобой.

Андрей перекинул наручники через прутья спинки, сцепил их руки:

— Отдыхайте, ребята.

— Отвечать придется, — припугнул Огольцов.

— Перед совестью джигита, — пробормотал Андрей, взваливая на плечо Тamarу и подхватывая свободной рукой добротный бушлат Огольцова.

Добравшись до машины, Андрей уложил Тamarу на заднее сиденье, укрыл ее бушлатом. Пошарил в «бардачке», нашел что нужно.

— Глотни-ка, Том. Не помешает. Вот и ладно. Поехали.

— А что с Колей? — приподнялась Тамара.

«Вот женщины!» — едва не всхлипнул Андрей.

— Ничего с Колей. Выписывается сегодня. Сейчас заедем к тебе: ванна, макияж, стопка и — на рынок за цветами. А завтра — ко мне, Новый год встречать. Знаешь, какая у меня елка! Пушистая, зеленая. Красивая, как девушка.

— Не видела я никогда зеленых девушек, — сонно пробормотала Тамара.

Ровно в двенадцать выехали на трассу. Ровно в двенадцать заодно пропел мобильник.

— Ну? Что скажешь, капитан?

Андрей оглянулся: Тамара крепко спала. И тогда он громко и отчетливо произнес:

— Пошел ты на ...!

Тихая Новогодняя ночь. Мерцает в углу пушистая зеленая елка. Красивая, как зеленая девушка.

Платонов и Тамара сидят в обнимку. Ратников подкладывает дрова в печь.

— Все подразделение в сборе, — говорит Тамара счастливым голосом. — Следак, околоточный, эксперт.

За окном — скрип полозьев, неясный шум.

— Дед Мороз, — объявляет Тамара, принимая к окну, затянутому ледяными узорами.

В сених стук и топот. Дверь распахивается, в клубах морозного пара — Дед Мороз Леший. Бухает на пол рюкзака.

— Кабанчика к столу добыл. С наступающим, люди добрые!

— Снегурки не хватает? — смеется Тамара.

— Как не хватает, — усмехается Леший, сдирая сосульки с усов и бороды. — Доставил.

В дверях — Катька. Со шкодливой рожицей и неуверенной улыбкой.

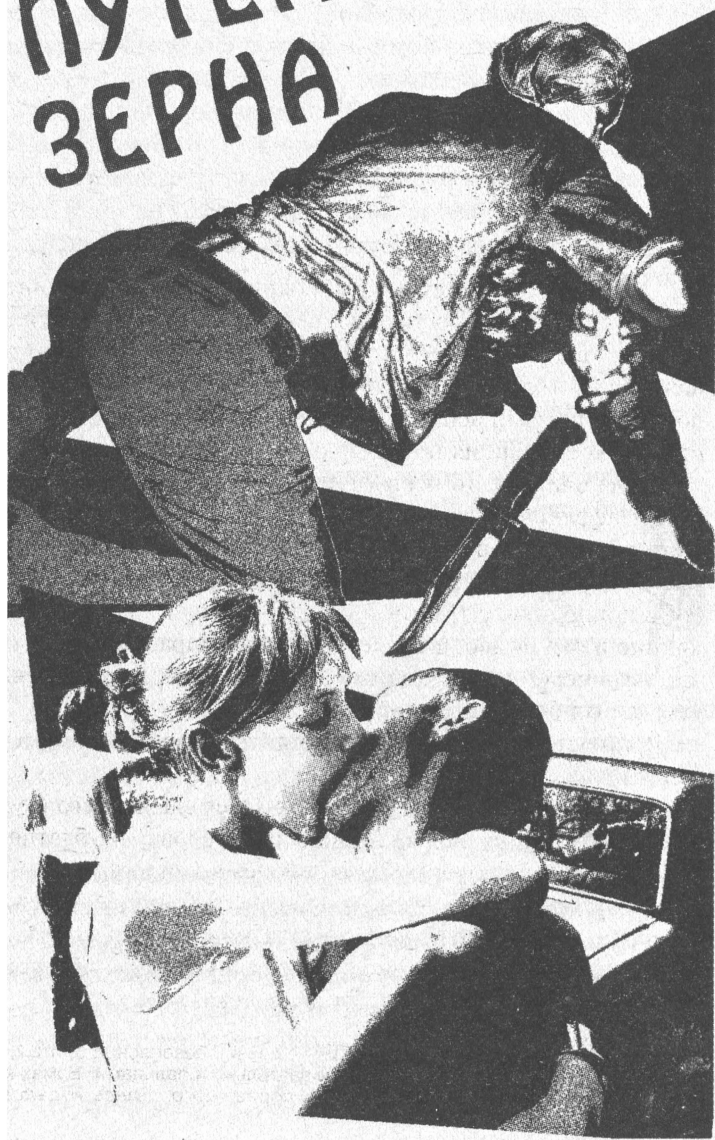
Новый год, словом.

Зимняя ночь. Спит участковый Ратников. Мирно, уютно сопит ему под мышку Катька. Она все поняла и со всем смирилась. Потому что муж ее — настоящий мент, для которого чужая боль, чужое горе — острее, чем собственная беда...

ИГОРЬ ШТОКМАН

ПУТЕМ ЗЕРНА

ПЕТРО-РАССКАЗ

Кощей ударил вроде бы лениво, с длинным потягом, но получилось сокрушительно, страшно... Олега отбросило на несколько метров, и он со всего маху впечатался в стенку дома, крепко приложившись головой о кирпичную кладку. В мозгу коротнуло, перед глазами вспыхнуло ослепительное белое пламя, и он на какое-то время потерял сознание.

Когда очнулся, то первым делом увидел на заплыванном сером асфальте лужицу крови... Его крови. Он лежал на тротуаре, прижавшись к нему щекой, и мог видеть сейчас только эту темно-красную лужицу да еще два окурка подле. Чуть приподнял, с трудом и болью, голову и увидел рядом, крупно и отчетливо, штиблеты Кощея, надраенные до блеска, узконосые, очень модные — последний писк... Кошей всегда был большой пижон.

Штиблеты неторопливо перетаптывались с каблука на носок.

Сверху донесся голос Кощея — Олег слышал его глухо, как сквозь толщу воды. Лениво цедя слова, по-блатному зашипывая концы фраз, Кошей небрежно спросил:

— Очухался?.. Это — задаток, урок на будущее. А теперь выбирай — дерьмо будешь жрать или мы тебя немного попишем*. Дерьмо мы тебе найдем, будь спок, Японец и Шнырь надыбают. Мне только слово сказать.

*Попишем — порежем. От «писки» — лезвия безопасной бритвы, которое зажимается между средним и указательным пальцами. Взмах кистью — и остается глубокий, опасный порез (арго. *Здесь и далее — примечания автора*).

Олег с болью приподнялся, сел, прислонился к стенке дома — очень уж унижительно было валяться под ногами у Кощея, рядом с надраенными и такими наглыми этими штиблетами! Облизав разбитые губы (они, похоже, уже начали опухать), сказал с трудом, но как мог твердо:

— Дерьмо я есть не буду, можешь не надеяться... Хочешь — скорми его своим адъютантам. Другого все равно не стоят! А насчет порезать... Блефуешь, Кощей! Тебе тогда тюряга светит, по полной программе — ты ведь не малолетка, колонией не отделаешься. Да и был ты в ней уже...

Он сразу понял, что сказанное попало, как надо, — в самое яблочко. Худое, костистое лицо Кощея, обтянутое серой, нездоровой кожей, резко побледнело. Японец и Шнырь, разом изобразив гнев и ярость, демонстративно рванулись к Олегу.

— Да мы тебя сейчас на ленточки распустим! Позволь, Кощей!

Тот резко и повелительно поднял руку, повел ладонью — лезвие «писки», зажатое в ней, блеснуло, пустило быстрый зайчик.

— Тихо! Назад... Очень смелый, да?... Рогом прешь? Зря — обломаю, не таких обламывал... Запоминай, крепко запоминай! Еще раз увижу здесь, одного ли, с марухой ли твоей — худо будет, живым не уйдешь. А девку твою прямо у тебя на глазах оприходуем. Японцу и Шнырю отдам — они это дело очень любят. Сам и мараться не стану... Пошли!

Он кивнул Шнырю и Японцу, и вся троица неспешно двинулась вдоль дома, мимо все еще сидящего Олега. Японец, проходя, попытался было пнуть носком ботинка в голень (очень болезненный удар, подлый!), но Олег был начеку, знал, с кем имеет дело, успел убрать ноги... Ушли, повернули за угол, скрылись.

Олег все сидел у стены, сплевывал подтекающую, набегавшую во рту кровь и думал... Было о чем! Ясно, что теперь у него только одна дорога, одна цель — сквитаться с Кошеем, одолеть его в честной драке один на один. А это непросто, ох как непросто! Ловок Кощей, увертлив, жилист; и удар у него, похоже, поставлен аховски — вон как шарахнул! Как лошадь копытом...

«Метра на два отбросило, не меньше, — отрешенно, совсем уж спокойно, словно и не с ним все это только что случилось, думал Олег. — А во мне все-таки как-никак шестьдесят пять килограммов... Силен, гад, силен, ничего не скажешь! Но сквитываться надо... Обязательно! Иначе не жизнь. Себя перестать уважать, помнить все время стенку эту проклятую — затылок-то как ломит! — кровь свою на асфальте, окурки вот эти... Нет уж, дудки! Да и Женька еще... Ведь поди все видела».

...Так началась для Олега вся эта история.

Все мы в молодости часто идем сходной дорогой, более всего доверяясь сердцу своему, его горячей молодой жизни, зову, требовательности и стойкой упрямой чести, честности. Мы жаждем тогда — более всего на свете! — верности себе, внутренней своей сути, и часто, очень часто мир и жизнь испытывают нас на прочность, на неподатливость. На излом пробуют, на разрыв...

Сколько сил и стойкости нужно, чтобы не растерять, не утратить свое! Как надо любить молодой свет своей души, чтобы не погас он, не иссяк втуне...

«Береги платье снову, а честь смолоду»... Верно сказано, верно и очень точно. То, что отстоял в себе с молодых лет, сберег, сохранил, ляжет основой, замковым камнем характера — с этим и в жизнь войдешь. Судьбой это сделается, сутью твоей, а закладывалось, определялось — во-о-он, оказывается, еще когда, в те, ныне давние и молодые твои годы.

Олег с трудом, кряхтя и постанывая, встал. Сделал первый шаг, и его повело, шатнуло... С трудом удержался на ногах, оперся, чтобы не упасть, о стенку дома. «Здорово вломил, гад! — снова подумал он. — Никак прийти в себя не могу... Сотрясения мозга не было бы — то-то будет радость!»

Но идти было надо — не до вечера же здесь сидеть, да и Женька, наверное, где-то неподалеку. Доковылял кое-как до угла, повернул... Здесь! Стоит-дожидается...

Кинулась к нему, высокая, гибкая; в голубых больших глазах — тревога и слезы. Пытается сморгнуть, скрыть, но заметно все-таки...

— Как ты, Олежек? Здорово они тебя?.. Ой, а губы-то, губы — как у негра! Зубы-то целы?

— Целы, целы, не тарахти! Пойдем отсюда потихоньку...

Они пошли медленно, и Женька держала его под руку, старательно и бережно держала, подлаживая свой обычно стремительный и легкий шаг к его нынешнему, трудному и медленному. А голова у Олега плыла, мутилась, и он все крепче опирался на Женькину руку...

Женька появилась в его жизни недавно. В девятом классе... Из РОНО по осени пришло вдруг распоряжение — слить мужские и женские школы, и в классе появились девчонки.

Их восприняли на первых порах как досадную неизбежность, как помеху и балласт. Они плохо вписывались в прежний мир и прежнюю жизнь класса мужской их школы, эту суровую, жесткую, но тем и прекрасную бурсу с ее законами, нравами, играми и обычаями. О чем, как с девчонками разговаривать, как общаться, чего от них ждать? Все это было темно и непонятно.

Девчонки поначалу держались особняком, шушукались на переменах, сбившись тесной стайкой, но потом освоились, осмелели, стали искоса поглядывать на них, прежних и полновластных хозяев класса, с какими-то непонятными улыбочками, и задевающими, и тревожащими, и волнующими остро... Было это все, было, чего скрывать!

Улыбочки эти, шушуканье и смешки за спиной, словечки, брошенные словно бы походя — и не поймешь, всерьез или в шутку, — сделали в конце концов свое извечное, лукавое и всесильное женское дело. Класс раскололся, разбился — в нем появились парочки, и их все прибывало, все рос им счет.

Олег держался дольше всех... У него были книги, был спорт — легкая атлетика на плющихинском «Красном Знамени» и волейбол два раза в неделю. Дни были забиты плотно, и Олег долго, упорно не обращал внимания на появившихся в классе девчонок, ни на одну. Все они казались ему существами словно бы с другой планеты, доселе незнакомой и совершенно чужой. Во дворе, его дворе, девчонки, конечно, тоже были, жили с Олегом в одном доме, но они — совсем другое дело! Рядом, вместе с ними прошли детство, все игры, санки-горки, и они для Олега мало чем отличались от дворовых пацанов-сверстни-

ков. Пол не имел тут (и долго!) почти никакого значения. А эти... Как с неба свалились — здрасьте вам! Ну их в болото...

Но потом появилась Женька, счастье и мучение его... Их парты были рядом, через проход — у Олега во втором ряду, у Женьки в третьем, — и часто, очень часто стал он ловить, засекать на уроках хитрый голубой глаз, скошенный в его сторону, подглядывающий и будто бы поддразнивающий, ждущий. Чего же, мол, ты; я же здесь, рядом!

Олег крепился, отворачивался демонстративно, делал равнодушное лицо, но как-то после уроков, когда класс уже почти опустел, все разошлись, Женька подловила его, просто врасплох застала... Подошла вдруг, сама подошла, помахивая маленьким своим, будто детским, портфельчиком, встала рядом, вплотную почти, подняла длиннющие ресницы, обожгла голубым и спросила, смущаясь и краснея:

— Ты не проводишь меня сегодня?

— С каких это бубликов? — буркнул он, и ошеломленный, и взволнованный радостно этим вопросом, этим предложением. — Белый день на дворе, чего бояться?

— Да ребята там у нас... Привязался один, проходу не дает.

Про то, что привязался и проходу не дает, чистым враньем, конечно, оказалось — Олег это очень быстро понял. Но тогда поверил — захотелось поверить, чего уж скрывать...

Он колебался для виду, словно бы раздумывая, соглашаться или отказать, но потом — а сердце уж взволновалось, стало беспокойно! — кивнул:

— Ладно, пошли!

Она жила на Фрунзенской набережной, во дворе старого приземистого дома за Академией Генерального штаба, минут двадцать неспешного шага от школы... Шли, болтали о том о сем, о всякой ерунде, но пустой, легкомысленный этот треп был лишь истоком большой реки, в которой пришлось плыть им обоим дальше. Олег остро и как-то сразу осознал, почувствовал это. Он понял, что провожание это — не просто так, не случайность пустая, а начало, исток того, чего пока не было в его жизни.

Женька сумела, исхитрилась прорасти в нем, во всей жизни его, постепенно отвоевывая в ней для себя все больше и больше места. Скоро, очень скоро она одна в ней и осталась... Как это случилось, он и не заметил даже. Просто в один из дней почувствовал, торопясь в школу, что спешит туда совсем не так, как раньше, — иначе. Там была Женька, ее гибкость и стройность, ее ярко-голубые глаза в тени густых ресниц, ее голос, смех, взгляд...

И покатилося, пошло и поехало... И долгие прогулки по набережной, до самого Каменного моста, до Кремля, и каток в Парке Горького уже не с ребятами, а только с ней, с Женькой, и кино вдвоем, и ее рука в его ладони во время сеанса... Женька первая сделала это — пальцы были такие горячие! — и Олег потом почти и не видел того, что на экране, только пальцы эти, только нежную и горячую эту ладонь чувствовал, держа ее робко и бережно, как птенца.

Ему открылось с Женькой то, что бывает у каждого в жизни лишь раз, единственный и неповторимый раз, когда приходит первое чувство, и робкое, и жадное одновременно, неопытное и такое ранимое... От всеохватного, вздох счастья до неутешного, непоправимого, как казалось тогда, горя — лишь один маленький шаг! Все в жизни Олега стало зависеть от Женьки, от ее слов и поступков. Она выросла в него...

Как светилось ее лицо в белом мороке густых и неспешных московских снегопадов, какие нескончаемые километры отмеривали они в своих прогулках, не чувствуя ни бега времени (а оно не шло — оно летело!), ни усталости!.. Как трудно, долго и обреченно стали прощаться подле ее подъезда, будто навек расставаясь, словно и не встретиться им завтра поутру в школе, в классе... Колдовство, одурь, и был Олег счастлив вздох, и не стало для него в целом мире силы сильнее ее, Женькиной, ее могущества и власти над ним!

Женька, конечно, знала об этой своей власти над ним, понимала ее, чувствовала и потому, не боясь ничего, могла позволить себе временами и капризы, и резкие, всегда вдруг, сломы настроения, делаясь надменной, холодной и ядовито-насмешливой. Они ссорились тогда, бурно, безу-

держно ссорились, несколько дней, видясь в классе, словно и не замечали друг друга, и Олег очень страдал, и молчаливо мучился от этих размолвок. Все валилось из рук, ему не спалось, даже книги не радовали... На тренировках он был вял, апатичен и рассеян, и тренер по легкой атлетике Виктор Павлович, высокий, сухопарый, с наголо бритым черепом, вечно прикрытым вязаной лыжной шапочкой, начинал орать на него, потеряв, видно, последнюю выдержку, не желая уж более сдерживаться:

— Да что с тобой происходит, в конце концов?! Ты можешь мне объяснить? Какое время стал показывать — у новичков лучше... Выгоню к чертовой матери, не посмотрю на твои способности и все прежние заслуги!

Палыч был прав в праведном гневе своем, совершенно прав... И что мог сказать ему Олег, как объяснить все, что с ним теперь происходит!

Он держался, как мог, стискивая зубы, и никогда (хоть это ему пока еще удавалось!) не подходил первым, храня остатки самолюбия... Женька, лукавая Женька, похоже, понимала, что хоть в этом-то надо ему уступить, и устраивала свой маленький театр, разыгрывала коронный свой номер. «Смотрите и оценивайте! Я первой делаю шаг к примирению, я мудра и великодушна!»

Она подходила к Олегу, виновато и старательно потупясь, быстро, легко проводила ладонью по его щеке, тихо и быстро говорила:

— Ну ладно, хватит-хватит... Ничего ведь и не было, правда? Перестань дуться!

И он мгновенно оттаивал, все прощал, счастливый, и забывал...

Он любил в ней все — и узкое черное пальтишко с небольшим меховым воротничком, и маленький, снежно-белый пушистый платок из козьей шерсти... Пальтишко туго, ладно обтягивало ее фигуру, подчеркивало нежную выпуклость груди, такую близкую, рядом совсем, так отчетливо видную! Это будоражило, волновало остро, но долго, очень долго Олег не позволял себе перейти запретную черту... Ни наяву, ни в снах.

А сны меж тем были, приходили все чаще — горячие, стыдные и волнующие... В них были какие-то другие, иные

женщины, которых Олег и не знал-то раньше никогда, не встречал нигде. Женщины из этих снов, такие смелые, доступные, звали, манили, суля многое, пока незнакомое и остро желанное, и Женьки никогда, ни разу не было среди них... Женька была вне всего этого, за чертой и охранным барьером его первого обожания. Чистейшей прелести чистейший образец, святыня...

Позже Олег понял, что Женька, похоже, часто ждала от него иного, хотела, чтобы переступил он, наконец, черту, по-мужски, по-мужицки пересек бы ее, чтобы кончилось, исчезло восторженное его обожание и началось бы совсем иное.

А он все медлил упорно, упрямо, все не хотел расставаться с прелестью своего обожания, его новизной, будто хорошо и твердо знал: переступи он черту — все рухнет, пропадет и сделается совсем другим. Он хотел длить и хранить как можно дольше то, чем владел сейчас, и Женька со всем своим женским лукавством и хитростью ничего пока не могла изменить. Но хотела, очень хотела...

Потому и злилась и раздражалась все чаще, делаясь вдруг резкой, вульгарной и грубой, совсем не такой, какую он любил.

Слишком многое было у них разным — в самих семьях, его и ее, домашнем их укладе. Не в материальном достатке тут было дело — после войны почти все жили скромно и бедновато, в основном, в коммуналках. Олег вместе с мамой и бабушкой тоже жил в такой — семь семей и семнадцать человек народу в ней было. Но Женькин дом, барак, в сущности!.. Длинный тускло освещенный коридор, комнатки-клетушки по обе стороны, густая, застоявшаяся вонь от скверной еды, от корыт и выварок, в которых на общей здоровенной кухне вечно кисли, замачивались и кипятились какие-то тряпки; растрепанные, полуголые, распаренные бабы с зычными и наглыми голосами:

— Женька! Выдь быстрее — твой пришел...

Откровенная и бесцеремонная прямота этих людей раздражала Олега. Он был из интеллигентной, что называется, семьи. Уже умерший отец — инженер-химик. Мама — тоже химик, работающая в одном из московских вузов. Олег был для нее, растившей его без отца, лишь вместе с

мамой своей, учительницей (сорок лет проработала она в школе, и царской, дореволюционной еще, и в советской), главной целью всей жизни, единственным светом в окне... В доме у Олега так, как в Женькином бараке, никогда не разговаривали, другой был у них стиль, и Олег привык к нему, единственно возможным и считал. А в Женькином бараке... Не видеть бы и не слышать!

Семья Женькина тоже была для Олега не подарок, мало было ему радости от общения с ней.

Мать ее, маленькая, сухонькая, рано увядшая, всегда плохо, бедно одетая, измотанная полумойной своей работой (она была уборщицей в каких-то конторах, сразу нескольких). Брат, учившийся в «ремеслухе», здоровенный, весь какой-то мясистый — то, что он был немного похож на Женьку лицом, яркой голубизной глаз, — лишь раздражало и оскорбляло Олега. Отвращало еще и то, что брат был груб с Женькой, подчеркнуто и нагло груб, показывая, надо полагать, что он — единственный мужик в этой семье... Отца у них не было, Женька говорила, что он погиб на войне, но очень скоро стало Олегу известно, что это вовсе не так — просто бросил их, ушел куда-то на сторону.

Расчетливость, жалкая, суетная расчетливость давней, привычной бедности жила в этой семье, сквозила во всем. Мать Женьки, вообще-то, как казалось Олегу, почти и не обращавшая на него внимания, спросила однажды, остро и цепко глянув:

— Женька говорила, ты в институт собираешься поступать... Кем же будешь-то?

Олег, немного удивившись этому вопросу, этому, вдруг возникшему к его персоне интересу, ответил.

— И сколько же получать станешь, когда выучишься?

Он, пожав плечами, назвал средний инженерский оклад, не бог весть какие деньги, и увидел, как подобрело сразу, разгладилось и будто даже помолодело на миг ее обычно жесткое лицо.

— Может, поешь с нами, хоть чаю попьешь?

Была еще у Женьки и маленькая сестренка, лет четырех, бледненькая, как картофельный росток, болезненная, но очень живая и озорная. «Нагульная», говорили про нее в том же барачном коридоре...

Потом, годы спустя, вспоминая все это, он подумал вдруг, что явное и все более настойчивое Женькино стремление к их близости, которому он упрямо и стойко не поддавался, росло из того же корня, из того же интереса и вопроса ее матери о будущем Олега, — о его заработках. Женька хотела укрепиться, навсегда уйти из проклятой барачной жизни, начав другую и — с чистого листа. И с кем же, как не с Олегом, верным, влюбленным в нее по уши и столь по-мальчишески еще доверчивым?!

Однажды она почти преуспела в этом... Все было на грани, очень близко было, да сорвалось. «Бог спас!» — думал потом повзрослевший Олег, и был прав, конечно... Но тогда-то, в той ситуации, в мгновении этом, жарком, острым и опасном, спасли Олега, как ни странно, чувство долга и обязательность — они всегда были присущи ему.

Он пришел в тот день к Женьке домой после школы, ближе к вечеру, и они не договаривались об этом. Прошел знакомым гнусным коридором, толкнул дверь их комнатенки — было не заперто. Вошел... Темновато и никого, кроме Женьки, — она спала. Он присел рядом, осторожно коснулся губами волос, ласково и бережно, чуть касаясь, провел ладонью по щеке.

Она спала крепко, проснулась не сразу, а когда открыла глаза и увидела рядом, близко лицо Олега, то порывисто обняла его за шею, притянула к себе, прижавшись тесно... На ней не было ничего, кроме легкого халатика, и скоро, очень скоро в этом объятии рука Олега случайно, без умысла, коснулась в первый раз ее груди. Его как током ударило, замерла на мгновение и Женька, и тут же, забормотав, зашептав что-то горячо и жарко, начала расстегивать пуговицы его рубашки.

Все было на грани, все могло произойти тут же, немедленно, и в этот момент уже плывущий неудержимо в горячий морок Олег вдруг дернулся внутренне и застыл...

Уже почти потеряв контроль над собой и чувствуя только Женькины руки, губы, близкое горячее тело ее под халатиком, он вспомнил вдруг, внутренне ахнув, что сегодня их с мамой черед по уборке в их коммуналке... С тринадцати лет, с шестого класса это была его обязанность, только его, он твердо, раз и навсегда отстранил от тяжелого

и нудного этого поломоиства и маму, и бабушку... Разные люди жили в их коммуналке, и был бы грандиозный, бурлящий скандал вечером на общей кухне. Один раз уж случилось такое, хватит, до сих пор противно и стыдно вспоминать!

Он бережно, но настойчиво расцепил Женькины руки, отстранился, сел на кровати, стал застегивать рубашку...

— Погоди, Женя... Я, — он замялся, понимая, как глупо и нелепо все выглядит. — В общем, я сейчас должен идти... Есть тут одно неотложное дело, я только сейчас вспомнил.

Она сперва не поверила, потом долго (и куда вся гордость подевалась!) упрасивала его не уходить, остаться и наконец увязалась его провожать... Она дошла с ним почти до самого его дома и все выпытывала, постепенно злясь и делаясь все грубее, что же случилось-то, в конце концов, что за дело такое неотложное и почему он так сорвался, несется куда-то, забыв о ней, обо всем, что только что у них было. Олег то отмалчивался, то отшучивался, пытался перевести разговор на что-нибудь другое — все было тщетно. Женька в него впиалась, как клещ, со своими расспросами, голубые ее глаза потемнели от гнева, и голос временами почти звенел.

Наконец, когда до его дома оставалось всего ничего Олег, остановившись, твердо сказал, что дальше он пойдет один, а она, мол, пусть возвращается.

Женька посмотрела на него в упор, закусила губу и сказала мстительно и зло:

— Дурак ты, Олег, хоть и умный... Лопух! Попомнишь ты еще, икнется тебе!

Резко повернулась и ушла... Она оказалась права — икнулось, да еще как!

Кошей увидел их с Женькой первый раз, когда шли они к ее дому... Не один был Кошей, как и всегда, — Японец и Шнырь, верные его «шестерки», были рядом. Олег видел эту троицу не раз, но рассмотрел толком, когда забрели они как-то в их двор, мимо дома, наверное, шли, вот и завернули в их арку с Зубовского. Кто-то из ребят с их двора тогда, помнится, еще сказал: «Смотрите-ка, Кошей со своими корешками пожаловал! Чего ему здесь надо?»

Олег взгляделся — поразили худоба и рост Кощея, длинные, как у гориллы, руки, с большими, тяжелыми даже на вид кистями, серый, нездоровый цвет лица... В сознании осталось острое, отчетливое чувство опасности, близкой, решительной и скорой на расправу жестокости. Кощей смердел хищником, зверем от него пахло. С таким, схлестнувшись, по-хорошему не разойтись, подумал тогда Олег. Ощущение это, память о нем долго потом еще жили в Олеге, не забывались, и каждый раз, вспомнив о Кошее, он невольно передергивался брезгливо, и под ложечкой возникала вдруг противная, сосущая пустота... Как перед тяжелой, неизбежной и очень опасной дракой.

С тех пор и не сталкивался больше ни разу, а теперь вот — снова они, вся эта троица! И Женька, как назло, рядом...

— Гляньте, ребя, какая цыпа! — услышал Олег за спиной, когда уж мимо с Женькой прошли, разминулись. — Какие ножки, а гудок* какой! Везет же некоторым...

Олег напрягся, дернулся, хотел повернуться, но Женькины пальцы сделались вдруг будто железными, и она, схватив за руку, потащила его, упирающегося, дальше, вперед...

— С ума сошел! Это же Кощей с Японцем и Шнырем! Их вся набережная знает, все боятся, Кощей уж и в колонии сидел...

Так и утащила, как ни дергался он, и раздался за ними, в спину уже, наглый, издевательский свист и смех...

Потом, месяца через два Кощей со своими друзьями снял с Олега часы. Получилось все очень быстро — Олег и опомниться не успел.

Он шел один по набережной, смотрел на тонкий, легкий силуэт Крымского моста, на нежно розовеющее закатное небо... Шел себе и шел, на свой Зубовский правился. Вечер был хорош, из Парка Горького на той стороне Москвы-реки уже слышалась музыка, и на душе у Олега было покойно, легко и счастливо.

Он думал о том, что, судя по слухам, скоро приедет в Москву знаменитый польский «Голубой джаз», будет играть в Парке Горького в Зеленем театре, и надо бы обязательно достать билеты себе и Женьке.

*Гудок — зад (*argo*).

«Очередина будет еще та! — думал Олег. — Но придет-ся расстараться, не пожалеть времени — когда еще такой случай выпадет!»

И тут, во время этих его размышлений о «Голубом джазе», о билетах он напоролся на Кощея, Шныря и Японца... Навстречу шли они, широко разделившись, специально заняв почти весь тротуар.

Сблизились... Кошей, выплюнув окурок — падучей красной звездочкой канул он за парапет набережной, — спросил беззлобно, мирно этак спросил:

— Время не скажешь, пацан?

Олег, подпернув манжет рубашки на левой руке, ответил и хотел уж было дальше идти, но Кошей цепко обхватил его за кисть... Японец и Шнырь тут же стали по бокам, рядом.

— погоди, куда торопишься? — все так же мирно спросил Кошей. — Дай на котлы* взглянуть...

Часы были совсем недавние, новые — мамин подарок. Сколько она на них копила из небогатой своей зарплаты — представить трудно!.. «Победа», с белым циферблатом, золоченым ободком, четкими циферками и тонкого рисунка, тоже золочеными стрелками. Они очень нравились Олегу... Вообще это были первые в его жизни часы! И ходили к тому же очень точно.

И вот теперь Кошей лапает их своей клешней, прищуривается оценивающе!

— Купить, что ли, хочешь? — зло, уже не сдерживаясь, спросил Олег. — Так не продам! Подарок...

— Зачем купить? — усмехнулся Кошей. — Так возьму!

Моментально в его руках появилась откуда-то «писка», и он, оттянув ремешок часов, быстро резанул его. Олег и опомниться не успел, как «Победа» была уже в кармане пиджака Кощея, и тот, ухмыляясь, растянув в улыбке тонкие губы, протягивал ему перерезанный ремешок, как раз ту его часть, где застежка.

— На!.. Это тебе на память! Чтоб ушами не хлопал, когда незнакомые дяди время спрашивают.

Веселился, гад, шутки шутил!

Олег пришел к себе на Зубовский во двор сам не свой от злости и обиды... Были вечерние, обычные танцы под

* Котлы — часы (*argo*).

радиолу, шаркали по асфальту пары, сладко пахло от клумбы матиолой, но Олегу было ни до чего, белый свет не мил.

Он сидел на скамеечке возле стола для пинг-понга, курил, ни с кем не разговаривал и все вертел в пальцах обрезанный ремешок, тупо смотрел на него...

«Что теперь маме сказать? Как объяснить?.. Двух месяцев не носил, нарадоваться не мог! И Женьке нравились...»

И тут подошел Иска, Искандер, парень из их двора... Он был из тех, кого знали все блатные Хамовников. И приводы в их 107 отделение милиции у него были и не раз, и ларек на Крымской он с приятелями уже успел ломануть, разбомбил, и в колонии побывал... Теперь вот вернулся, жил пока тихо, а дальше... Кто знает? Но парень он был, в общем-то, незлобный, добрый даже... Олег знал его хорошо — в одной ведь школе учились, и когда-то он даже помогал Иске с уроками, натаскивал, тот домой к нему приходил.

Иска весело хлопнул Олега по плечу:

— Ты чего такой смурной? Что за печаль-кручина?

И тут же заметил в руке у Олега обрезанный ремешок — не успел спрятать...

— Та-а-ак! — с растяжкой сказал Иска. — И кто же? Где и когда?

Олег попытался закрыться наглухо:

— Тебе-то что?.. Ну да, сняли! Были — и нету! Мое это дело, только мое...

Иска прищурился, улыбка сошла с его лица, глаза смотрели теперь жестко и зло... Будто другой совсем человек глядел сейчас на Олега, почти незнакомый и даже опасный.

— Твое, говоришь? — сказал Иска. — Только твое?.. Ошибаешься! Ты еще зеленый, ничего не знаешь и не понимаешь. Потому объясню. Тебе (*он подчеркнул это «тебе»*) объясню — другому бы не стал... Ты мне не кент*, конечно, но ты — парень из нашего двора, а здесь я масть** держу... Держу и за все отвечаю — иначе меня уважать перестанут, с круга сойду. Понял?.. Потому спрашиваю в последний раз: кто, где и когда? И ремень, кстати, отдай — нужен будет.

*Кент — друган, дружок (*argo*).

** «Масть» в данном случае — власть, первенство (*argo*).

И Олег, подчинившись, сказал Иске, кто, где и когда, и обрезанный ремешок тоже отдал...

Через два дня, опять на вечерних танцах во дворе, Иска подошел к Олегу, отозвал в сторонку. Полез в карман, вытащил «Победу», с которой Олег внутренне уже простился вчистую, и сунул ему в ладонь.

— Держи! Ремешок только придется купить новый... А лучше браслет заведи — и снять труднее, а уж обрезать — дудочки!

Улыбнулся широко, снова не злой и не страшный, а прежний, привычный и знакомый еще по совместным дворовым играм Иска, стрельнул закурить и пошел к арке, на Зубовский. Обернулся на полпути и негромко, только для Олега, вдруг сказал:

— А этого... Ну, сам знаешь! Теперь лучше стороной обходи, не связывайся. Он — не простит, запомнит... Паренек опасный, да и дружки у него те еще!

Какое-то время Олегу везло — не попадался ему больше Кощей, да кончилось это везение, не могло не кончиться. Ведь они с Женькой постоянно гуляли по набережной, это был уже привычный и самый любимый их маршрут, и Кощей по нему же хаживал, его это было место, и тут он держал, являл всем остальным-прочим свои власть и могущество.

Почти у самого Женькиного дома повстречались они опять: Олег с Женькой и уже знакомая троица... Внезапно вывернули из-за угла, словно ждали, и понял Олег, что пройти мимо никак нельзя, как ни упиралась, ни тащила прочь Женька. Он просто оттолкнул ее, грубо почти оттолкнул — нервы были на пределе! — и повернулся, пошел к ним.

— Чего тебя надо, Кощей? Чего ты нас отслеживаешь? В провожатые метишь? Не надо — не нуждаюсь...

— Смотри-ка, и кличку знает! — протянул Кощей. — И смелый, похоже... Это хорошо! Интересно даже...

Вытащил пачку «Казбека», форсисто так, с шиком вынул. Открыл приглашающе:

— Закуришь?

— Нет!

— Здоровье, значит, бережешь... Правильно, оно тебе в больничке пригодится. Я ведь два раза не бью — одного обычно хватает.

И тут же врезал... С правой, с длинным, будто ленивым потягом. Вырубил, начисто вырубил!.. И весь мир, вся Олегова жизнь свелись после этого только к одному. К драке с Кощеем один на один, к победе в ней, чего бы это ни стоило. Только после нее можно будет опять считать себя человеком и ходить, с Женькой ли, без Женьки, где угодно и когда угодно.

Но к схватке этой нужно быть полностью готовым. Второй не будет, это Олег хорошо понимал — Кощей шутить не станет.

А пока, что ж... Пока он стал таскать в кармане кастет, тяжелый, с массивными кольцами и шипами. Страшная штука и подлая, конечно, но для Кощея — в самый раз... Нечего с ним церемониться, и нужно что-то иметь в руках, коль снова дорогу перейдет.

До кастета, слава богу, не дошло, не встречался отчего-то долгое время Кощей, словно нужное, так нужное Олегу время подарил, и Олег не стал тратить его попусту... Он словно вступил в другую, начисто иную, полосу жизни своей, где были только он и Кощей. Где-то там, впереди, на узенькой дорожке, где вдвоем — не разойтись. Все будто ушло куда-то, исчезло, даже Женька, и остались только этот путь и эта цель. Олег был с ними один на один, и что-то начало в нем неуловимо, но неуклонно меняться.

...У каждого из нас, наверное, было такое в юности. Что-то вдруг наваливалось, подступало ново и грозно, требуя осмысления, осознания и — выбора, поступка. Ах, как важен этот первый искус, первый толчок, первый шаг, когда душе предстоит осилить нешуточное, трудное испытание!..

Все начинается с этого мига, этого момента, когда каждый решает для себя, идет ли он наперекор случившемуся, опасно и грозно сложившейся ситуации или виляет трусливо, уходит в сторону. Виляет — и в итоге отказывается от себя, от самого дорогого и важного во внутренней жизни своей, изменив ей, предав ее... Навсегда уже предав.

Здесь, на этой развилке, когда, как в древней былине русской, «Направо пойдешь... налево пойдешь...», все и определяется, и с этого часа либо начинается во многом новый, мужественный и гордый человек, либо прахом рассыпается, исчезает все лучшее, что было в нем.

Мир словно сузился, ужался, оставив только Кощея и то, что Олегу еще предстояло. Все остальное отодвинулось виделось, теперь словно боковым и беглым, невнимательным зрением — размытое, несфокусированное и не больно-то важное... Даже Женька.

Она быстро заметила эту перемену в Олеге. Подошла, сама подошла, забыв и о гордости своей, и о той последней и серьезной размолвке, когда обозвала «лопухом» и пообещала, что икнется, дескать, ему еще.

— Что с тобой, Олег? — глаза ее смотрели тревожно, серьезно. Ни смешинки, ни лукавства, вечного Женькиного лукавства не было сейчас в них. — Ты стал какой-то совсем другой...

Сердце Олега дрогнуло, знакомо и сладко дрогнуло, остро захотелось все рассказать, объяснить, но он тут же опомнился, одернул себя.

«Нет уж!.. Не ее это дело. Да и не поймет наверняка, не сумеет. Не для них эти игры — это только мое и Кощея, будь он проклят!»

Потому только вздохнул глубоко и трудно, как после длинного, опасно затянувшегося нырка, сказал намеренно легко и этак беззаботно:

— Да нет, Женя, все в порядке... Просто у меня сейчас полоса такая.

— Какая?

— Ну, другая... Я не могу тебе объяснить, да и не поймешь ты, наверное. Мы теперь будем реже видаться, может быть, и совсем нечасто. У меня очень туго со временем будет.

Женька прищурилась зло и сказала недоверчиво:

— И чем же это ты так занят будешь, можно поинтересоваться?

— Поинтересоваться можно, да только я не скажу. Извини... Такое уж дело.

— Ты у нас теперь какой-нибудь шпион, секретный агент?.. И на кого работаешь? Сколько платят и в какой валюте?

Женька злилась уже не на шутку, ее просто несло, не в силах она была остановиться, отвергнутая, в неудержимом гневном порыве.

Олегу вдруг стало почему-то смешно... Он даже не обиделся ни капли. Господи, какая она еще маленькая при всех своих женских штучках и чарах! Что у нее в жизни? Ну, школа, Олег, барак этот еще проклятый, где она живет, и он давно ей опостылел, не чаёт, как вырваться. Вот и все, вся цель, и не такая уж трудная, вполне достижимая... Не с Олегом, так с кем-то другим. Мало их вокруг, что ли?

Он в первый раз вот так вдруг подумал про Женьку — отстраненно и взвешенно спокойно, по-взрослому как-то подумал и тут же сам засек, поймал себя на этих мыслях.

«И впрямь — что это со мной? Вон куда метнуло! Раньше бы — ни-ни! Ничего подобного... Вот, оказывается, чем Кощей наделил, хотел того или не хотел. Интересно, очень интересно!»

Новые, совсем новые были эти мысли для Олега, но Женька стояла рядом, злая, даже подурневшая от гнева, и надо было как-то кончать этот разговор, договориться до чего-то, чтоб не возник он потом снова. Тут уж Олег за себя не ручался, мог бы и сорваться.

Потому, как мог, спокойно и ласково сказал, словно ребенка уговаривал:

— Ты глупости сейчас говоришь, Женя, и сама это наверняка знаешь... Какой шпион, какая валюта? Чего ты не-сешь? Просто у меня сейчас пойдет совсем другая жизнь, и когда она кончится, — я еще не знаю, не могу сказать... Времени свободного будет совсем мало, а может, и вообще не будет. Это я тебе уже сказал. Так что потерпи уж, пожалуйста!

— А если я не захочу терпеть?! — Женька даже губу закусил, на щеках появились красные пятна. — Ты что думаешь — ты один такой распрекрасный на свете? Принц...

— Ничего я не думаю, — устало вздохнул Олег. Этот разговор изматывал его. — Делай что хочешь и как считаешь

нужным. Ты — свободный человек и к тому же — красивая девочка... Очень красивая!

— Спасибо! — фыркнула Женька. — Очень тебе признательна за комплимент! Значит, отпускаешь?... Сам отпускаешь: иди, дескать, Женечка, на все четыре, делай, что угодно... Так?

— Да хоть на сорок четыре! — обозлился наконец Олег, не выдержав. — Мне сейчас — не до тебя, понятно? Вот и все! Большого сказать не могу.

— И не надо! Ты и так уже много сказал... Только локти потом не кусай!

Ушла, не обернувшись даже...

Олег стоял весь какой-то пустой, вымотанный, будто тяжеленный воз на гору впер... Поговорили, называется! Ну что ж, по-другому он не мог, и пусть будет как будет.

С того дня, с того разговора Женька словно ушла из него. Постепенно ушла, не сразу и с болью, конечно... Он спокойно видел теперь ее в школе, в классе, кивал (она отворачивалась), и душа его оставалась при этом ровна, почти спокойна.

Хуже было по ночам... Женька стала сниться часто, всегда в какой-то беде, он рвался к ней на помощь, спешил изо всех сил, но ноги плохо слушались его, были ватными, все получалось медленно, очень медленно, и когда он, наконец, добегал до нее, то всегда вокруг Женьки появлялись вдруг какие-то похабные, мерзкие хари с салными улыбочками, с жадными длинными руками... Он добегал, наконец, и вдруг видел, явственно и пораженно видел, что Женьке хорошо среди этих харь, что нравится ей быть с ними и привлекать их жадное внимание.

Но были ведь еще и дни, с их ясной простотой, с возможностью решений и поступков. Тут уж Олегу никто не мог помешать...

Он начисто забросил волейбол, легкую атлетику и записался в секцию бокса в «Крылья Советов», в «Крылышки».

В боксерском тренировочном зале все было непривычно для Олега. Все не так, как в волейбольном или на плющихинском, с детства знакомом «Красном Знамени». Ни тебе стадионной шири, пахнувшей прогретой солнцем травой футбольного поля, ни гулкой высокой просторности волей-

больного зала, звонко и четко, как щелчок курка, отзывающейся на первый стук мяча о паркет. Все, все было здесь иным...

Много специальных боксерских приспособлений для тренажа — большие мешки на подвесках, пневматические груши, сухо и четко отбивающие дробь о крепежный свой круг, когда на них отрабатывают серии. Квадрат ринга в центре, огороженный канатами, чистый, ярко освещенный — сердце этого зала.

Шведские стенки, штанги, гири, гантели, несколько больших зеркал для боя с отражением... И много, густо народу, причем видно, сразу как-то видно, что все, вроде бы, вместе, но каждый сам по себе, со своим делом и занятием. Крепкий, настоявшийся запах пота, мелькание голых мускулистых торсов, глухие, тяжкие удары в тренировочные мешки, сухой дробный треск груш, шлепанье по полу скакалок. В двух-трех местах — тренировочный или разминочный спарринг — с «лапой» ли плоской, большой, или в массивных, пухлых тренажных, не бойцовых перчатках... Что-то напряженное и суровое сразу чувствовалось в этом зале! Здесь учились бою, учились бить и защищаться, учились молча, сосредоточенно, не теряя попусту ни минуты, потому что от этого зависела дальнейшая и главная судьба там, в центре зала, в сердце его, где белел канатами квадрат ринга.

Суровый зал, серьезный, очень серьезный спорт, и тем, кто этого не понимает, делать здесь нечего... Тренер так сразу и сказал Олегу, когда тот подошел представиться.

— Поздно, поздно ты появился, — добавил тренер. — К нам лучше приходить еще пацаном, мальчишкой, чтобы характер здесь уже окреп и сформировался. В боксе характер — все, без него никуда, как ни потей на тренировках... У тебя есть характер?

— Да есть вроде, — смутился Олег, огорошенный прямой такой вопроса.

— Вроде... «Вроде» тут не годится. Здесь не спрячешься, очки никому не вотрешь и на одной технике не вылезешь. Характер, характер нужен! — повторил он. Потом вдруг глянул цепко:

— Ты вообще для чего в этот зал-то пришел? Ведь и так здоровый парень, спортом, похоже, занимался. Чего тебя в бокс-то вдруг потянуло? Поквитаться, что ли, с кем-то всерьез надо?

Вопрос был задан точно, точнее некуда, и Олег только кивнул молча.

Тренер помолчал немного, потом взял Олега за подбородок, резко поднял голову, внимательно посмотрел в глаза.

— Не врешь... Это уже хорошо. Либо не хочешь, либо не умеешь... Так вот учти, Олег, мы здесь не драться учим — это, пожалуйста, на улице, в любой подворотне! Мы тут из вас мужчин делаем. Мужчин — понятно? А мужчина — это, брат... Тут придется себя не жалеть, боли не бояться, синяков, ссадин и прочих наших прелестей не считать и думать только о честной мужской победе... Честной, понял? Тебе, я думаю, придется нелегко — в глазах что-то этакое, романтическое... Книжник?

Олег снова молча кивнул и вдруг обозлился. Что за вопросы такие, в самом деле!

— А это что — плохо? — спросил с вызовом.

Тренер хмыкнул:

— Нет, почему же? Это хорошо... Только трудно таким в боксе, знаю — я ведь многих повидал. А характер-то, кажется, есть — вон как вскинулся, когда я про книжника сказал... Есть, похоже! Ну, давай! — он хлопнул Олега по спине. — Сейчас я тебя со своим помощником познакомлю, он тебе скажет, что к чему, с ним и начнешь, благословясь.

И Олег начал... Ему и вправду пришлось нелегко, очень нелегко — тренер оказался прав. Все, все было в этом зале непривычно, строго и сурово, и все время торчало занозой в сознании, обдавало внутренне знобящим холодком — а что же там-то будет, в центре зала, на ринге, когда дойдет до него черед? Олег, занимаясь, часто посматривал туда искоса и тревожно, на четкий этот квадрат, опоясанный белыми канатами.

Тренировки тоже были для него непривычны — все здесь было не так, как раньше... На первом же занятии тренер поставил Олега спиной к шведской стенке, велел прижаться к ней плотно и вытянуться, распрямиться во весь рост.

— Сутуловат ты, — сказал он. — Волейбол твой сказывается. А для боксера другая осанка нужна, спина прямой должна быть...

И торчал Олег застывшим истуканом, прижавшись к поперечинам шведской стенки, пока все остальные в зале занимались делом. Было в этом что-то нелепое, даже унижительное (будто в угол за провинность, как маленького, поставили!), но никто, похоже, не обращал на него никакого внимания. Видно, не с ним первым так...

На стенку ушло два дня... Наконец ему позволили от нее отлепиться. Тренер глянул, хмыкнул удовлетворенно.

— Другое дело... Но о спине помни, помни все время, держи осанку! Давай теперь в зал, вместе со всеми...

И Олег наконец-то по-настоящему влился в этот новый для себя зал, в общий тренаж... Первым делом он учился приставному шагу. Стоишь, повернувшись вперед левым плечом (обычная стойка для «правши» — «левой» Олег не был), левая нога четко, мерно выдвигается вперед, и правая тут же, мгновенно приставляется к ней. Все они, вся длинная их цепочка, двигалась по периметру зала — скользящим мерным этим шагом, выдвигая вперед левую ногу, и тренер четко отсчитывал такт: «Раз-два! Раз-два!»

— На ринге — только так! Только таким шагом. Никаких прыжков и скачков!

Потом ходьба спиной вперед («Держать баланс, держать, не оглядываться, головой не вертеть!», ходьба зигзагом и змейкой — опять тем же приставным шагом. Гусиный шаг... Как же потом болели от него мышцы ног, и на бедрах, и в икрах!

Удары на ходу — по тридцать два на каждый из четырех основных — прямой, длинный сбоку, короткий сбоку, снизу.

С ударами вообще было все не просто... Едва приступили к ним, к их разучиванию, тренер подвел всех к мешку, висящему на подвеске.

— Ну, давайте! Все по очереди...

Каждый вмазал по разу от души... Мешок тяжело качался от каждого удара, скрипела подвеска.

— Все? — спросил тренер. — Ну, а теперь смотрите!

Он стремительно шагнул к мешку, коротко и резко пробил по нему. Мешок почти не шелохнулся на подвеске, только обшивка пискнула жалобно.

— Ясно? — спросил тренер. — Не тычок — от него никакого проку! Нужен удар, резкий удар, и он должен словно взрываться на поверхности мешка, мгновенно взрываться!

И все (и Олег тоже) начали учить и ставить удар... Это была какая-то теоретическая механика, а может, физика — пойди-разбери!.. Оказалось, что правильный удар должен идти вместе с поворотом корпуса, движением вперед плеча и предплечья. Обязательно (это — главное!) надо перенести тяжесть тела с одной ноги на другую, «вложиться»... Корпус при этом не наклонять, держать вертикально! Рука при ударе должна идти так, сказал тренер, чтобы локоть пришел на то же место, где был при исходном положении бьющий кулак... С ума сойти — целая наука, и кто думал обо всем этом в дворовых стычках, где махались, как выйдет, как получится!

— Это — как в притче про сороконожку! — сказал рыжий Витек, тоже ходивший в секцию, на два месяца раньше Олега он в ней появился. — Она себе прекрасно ползала, пока ей не сказали, как же именно это нужно делать, чтобы все было правильно, по науке... Тут-то сразу и разучилась — ни с места! Ну, ничего, освоишь... У меня-то уже немного получается. Хочешь, будем на пару?

Олег кивнул благодарно — ему очень был нужен в этом зале кто-то свой, близкий. Витек, открытый, бесхитростный, не зажимающий ничего из того, чем уже успел овладеть, и стал для Олега таким.

Вместе учили они удары: прямой левый в голову, когда противник на расстоянии вытянутой руки; длинный и короткий сбоку в голову, удар снизу. Обоим, когда тренер, наконец, позволил им легкий тренировочный спарринг, особенно нравился хитрый, техничный кросс в голову. Ты специально, будто забывшись, приоткрываешь защиту головы, противник, купившись, бьет... Он бьет, а ты, мгновенно отклонив влево голову, чтоб перчатка его прошла, промелькнула черным ядром над правым твоим плечом, наносишь справа удар — через его бьющую руку! — в голову...

Классный удар, эффектный, но и опасный — можно нарваться на встречный, да какой! Ведь ты «вложился», он — тоже, все множится на два. Эффект тогда получается сокрушительный, и не раз побывал Олег в нокдауне от Витьки, пока учили они, шлифовали старательно этот самый «кросс в голову»! Но однажды Олег и сам достал Витьку встречным, достал неожиданно, вдруг... Тот поднялся не сразу, а когда встал, сказал серьезно, почти торжественно:

— Слушай, а у тебя, оказывается, есть «плюха»! Пошел удар, пошел.

Олег отзанимался в секции почти год... Он полюбил сами тренировки, их строгий, неукоснительный распорядок, заведенный раз и навсегда. Разминка, несколько раундов с тенью и на «лапах», работа с мешком (удар по нему теперь у Олега тоже взрывался, ушли, пропали безвозвратно «тычки»!), с грушей, со скакалкой, три-четыре раунда спарринга, массаж и душ... На все — три часа.

Было тяжело, трудно, особенно поначалу. Болели все мышцы, каждая клеточка измученного тела просила отдыха, передышки, но Олег помнил о Кощее, и не пропустил ни одной тренировки.

Уже и бои у него начались, пошли, — и неплохо... Он не был «файтером»* — нокауты получались у него редко, и чаще он выигрывал по очкам за счет хорошей, грамотной защиты и хитрого, закрученного кружева атаки с неожиданным для противника ударом. Выручали ноги, подготовленные, «накачанные» легкой атлетикой, хорошая природная реакция и длинные руки, позволяющие вести дальний бой, держа противника на расстоянии левой, прямого ее удара... Своей левой Олег легко сдерживал и гасил атаки противников — недаром боксеры называют этот удар «стоп!»...

У него хорошо шли «тройки»: левая-левая-правая, но никогда Олег не усердствовал правой, завершая эту свою любимую серию — не был он ни зол, ни жесток. Так, наконец, и заработал этим «фехтованием», чистой и красивой техникой, свой второй юношеский.

*«Файтер» — боксер, выигрывающий за счет мощного, хорошо поставленного удара. Обычно не очень техничен и мало восприимчив к боли, хорошо «держит» удар.

— Олег у нас рыцарь, — говорил иногда тренер. — Ему не нокаут важен, ему переиграть хочется, техникой переждать. Что ж, так тоже можно... Только вот нарвешься когда-нибудь!

— На кого, Николай Сергеевич?

— Да на другого, совсем на тебя не похожего. На «файтера», на зверя...

— А что, все «файтеры» — звери?

— Да не все, конечно... Но есть, попадаютсЯ. Пожалеешь тогда, что нокаута, считай, у тебя и нет. Со зверем — только нокаутом, ему твои «тройки» любимые — как слону дробина. Ты бы «двойку» освоил: прямой левый в солнечное сплетение — правой хук* в челюсть. Сокрушительный хук, безжалостный... Так один знаменитый боксер работал. Его так и звали: «Раз-два». И почти всегда — нокаут. Правда, у него вес другой, да и вообще он был мужик, а ты еще юноша, масса не та...

«Двойку» Олег, послушавшись, освоил, но в завершающий ее хук все же полностью не вкладывался, бил вполсилы... Помнилась, оставалась в памяти та кирпичная стенка, в которую он впечатался головой после страшного удара Кощея, и такого Олег не желал никому.

— Романтик, рыцарь! — говорил ему после очередного боя тренер. — Я ведь сразу понял, что ты за птица, лишь только в глаза посмотрел... И характер есть, и старательность, и технику приличную, года не прошло, наработал. А все-таки не рожден ты для бокса, уйдешь, в конце концов. Своего зверя все равно не минуешь, встретитесь когда-нибудь. Он тебя сломает, и ты уйдешь.

Олег лишь кивал тренеру, улыбался, да не больно верил... Напрасно. Тренер, как всегда, оказался прав.

Но пока, на протяжении всего этого года, Олегу и без «зверя» хватало под завязку, особенно в первых боях. Бутылочки со свинцовой примочкой не переводились в его шкафчике в раздевалке, дома он делал компрессы из бадяги — они хорошо рассасывали гематомы... Как часто, добираясь домой после очередного боя, с рассеченными губа-

*Хук (он же крюк) — удар согнутой в локте рукой. Один из самых сильных и эффективных.

ми, с наплывающим свежим бланшем*, чувствовал Олег, как тяжело, смертельно он устал!

Особенно это стало почему-то заметно по весне, в апреле, в конце его, в прозрачных, ласковых и нежных вечерах. Олег шел по своему Zubовскому к дому; липы, уже брызнувшие яркой первой зеленью, накрывали легкой, еще совсем прозрачной и сквозной тенью идущие под ними парочки, и часто ловил, засекал Олег, как завидев его, избитого, с начинающими распухать губами, делали эти парочки крюк, старательно обходили стороной.

Он усмехался: давно ли он сам ходил точно так же с Женькой! Ходил по набережной, ходил этим же бульваром... Как далеко все ушло, как изменилось! Память о Женьке лежала где-то глубоко, в дальнем, ненужном и запретном пока сознании. Не время, не время, потом! Все это будет лишь тогда, когда доберется он до нынешней цели своей, где только он и Кощей, их последний и все решающий бой. В том, что схватка эта будет только такой, Олег не сомневался...

В классе давно знали, что он ходит в секцию бокса, привыкли к его синякам, рассеченным, вспухшим губам, относились к этому сочувственно и с уважением — настоящий мужской спорт, не для слабаков!

Одна лишь Женька фыркала презрительно, когда появлялся он в классе со свежим бланшем, надменно вскидывала подбородок и демонстративно отворачивалась... Она вообще как будто не замечала теперь Олега, подчеркнуто и старательно не замечала.

Временами это задевало его, болезненно задевало. Что же это выходит — все начисто забыто, что ли? Но он тут же гасил в себе и обиду и чуть растерянное удивление свое — не до Женьки пока было, не до выяснения отношений с ней. Все это он оставлял на тот день и час, когда будет готов выйти с Кошеем один на один, подловив его где-нибудь...

Чей будет верх, он и сейчас не знал, не был в себе до конца уверен. Секция — секцией, бокс, конечно, много ему дал, но Кощей — это Кощей, и там не будет судьи, разводя-

*Бланш — синяк, кровоподтек (*apro*).

щего, в случае чего, по углам. И секунданта не будет, чтоб полотенце бросил*...

А слухи про Женьку меж тем ходили самые разные, и все больше нехорошие... Говорили, что она крутит теперь напропалую то с одним, то с другим, и однажды Колька Ильюшин, классный, от бога, легкоатлет, знакомый Олегу еще по «Красному Знамени» и сосед Женьки по дому, сказал, что она, мол, совсем сбилась с круга.

— Прямо как ошалела!.. День, два — смотришь: уже с другим по набережной вышагивает. А теперь и вовсе (тут Колька внимательно и сочувственно глянул Олегу в глаза) у нее курсантики да офицерики молоденькие появились. А это, брат, публика та еще, особенная... Люди военные, быстрота и натиск, рассусоливать не будут!

Олег лишь кивнул, не сказал в ответ ничего, но на душе стало нехорошо: тяжело и муторно. Он понял — Женька пускала по ветру, в распыл все, что у них было, и, видно, очень старалась. То ли ему досадить хотела, то ли судорожно, спешно искала подходящую замену, и уходила от него, уходила... Это было обидно, больно было, но Олег жил теперь другим, оставив Женьку, все разговоры и разбирательства с ней «на потом».

Новая эта жизнь что-то меняла в нем, меняла постепенно, не враз, но властно и неотвратно. Женька перестала сниться, да и Кощей почему-то тоже, и теперь в своих снах Олег часто видел ровную, длинную дорогу. Он шел по ней всегда один, стремясь к урезу горизонта, и красное, большое закатное солнце медленно заваливалось за него...

Годы спустя, пройдя уже армию, вступив в зрелую, взрослую жизнь, Олег часто вспоминал те дни юности своей, когда пропало, ушло от него многое, чем юность его была и дорога и любима... Путем зерна ушло, когда оно, набухшее, истлевшее, растворяется в почве, и прорастает, выбрасывает ввысь побег, все твердеющий день ото дня. набирающий силу и несгибаемую упрямую крепость, стойкость.

Он так, наверное, и не понял бы сам до конца, по какому пути, какой дороге идет сейчас, но тут один его приятель дал на несколько дней пухлую папку машинописных лис-

*Полотенце на ринг бросают, прекращая бой, в случае явного и опасного преимущества одного из боксеров.

тов... Отец приятеля был дипломат и японист, подолгу жил в этой стране, переводил что-то. Он и привез в Москву эту папку.

— Смотри, не потеряй ни листочка! — сказал приятель. — Это знаешь, какая штука — закачаешься! Японцы эти... Ладно, чего там — сам прочтешь! Не пожалейшь... Может, когда-нибудь и книгой издадут, а пока прочти хоть в машинописи.

Книга и вправду вышла много лет спустя, и Олег тут же купил ее... «Книга самурая» называлась она, и даже в самом ее облике, оформлении было что-то притягательное, завораживающее: черный строгий переплет, два крупных красных иероглифа, сделанных в фольге, — кровью отливала, бликовала она, тревожным алым цветом!.. Но это — потом, много позже, а пока перед Олегом была пухлая кипа машинописных страниц, большие куски, фрагменты из «Будосёсинсю» и «Хагакурэ». Это было, по сути, изложение «Бусидо» — «Пути воина»... Ведь «Будосёсинсю» означает по-японски именно это: напутствие вступающему на Путь воина. Все это Олег прочел в авторском предисловии переводчика и дальше уже не мог оторваться, читая. Он даже выписал себе кое-что и потом часто перечитывал, чувствуя каждый раз, как нужно ему это, как мудро, емко и замечательно точно все сказано.

«Если человек не достиг цели и продолжает жить, он проявляет малодушие».

«На пути воина нужна только одержимость».

«Воистину нет ничего, кроме подлинной цели настоящего мгновения».

«Те, у кого нет чувства долга, не дорожат своей честью».

«Воин должен готовиться ко всему заранее. Даже в повседневных делах проявляется глубина души».

«Человек ничего не стоит, если он не понимает, что «сейчас» и «то самое время» — это одно и то же».

«Знамена имеют место лишь в глазах смотрящего».

И наконец — как сталь меча, как настоящее боевое оружие, в котором нет, быть не может ничего лишнего:

«Поединок не может оставаться незаконченным».

...Олег читал и чувствовал, как холодеют у него ладони — от волнения, от восторга! Все было — про него,

про нынешнюю его жизнь, которую он сам выбрал, которой следовал, не вдумываясь глубоко и, уж конечно, никак не формулируя. За него это, оказывается, сделали другие, там, в далекой и неведомой Японии в конце семнадцатого—начале восемнадцатого веков... Каждая мысль, каждая фраза дышали строгой, точной мудростью, и в них рдели, горели негаснущим углем гордость и спокойные, уверенные в себе, твердые, тверже камня, отвага и бесстрашие!

Олег был ошеломлен и покорен прочитанным... Все, все стало незамутненно ясным и предельно нужным, дорогим — эти листки наконец-то объяснили ему его самого.

«Знамения имеют место лишь в глазах смотрящего» и — «Поединок не может оставаться незаконченным»... «Хагакурэ», выдержки, выписки из него дали Олегу не меньше, чем боксерский зал, чем все его тренировки и проведенные уже бои. Они принесли даже больше: все стало осмысленным, каким-то объемным и законченно, справедливо цельным. Олег понял, убедился, что он сейчас живет и действует абсолютно правильно, так, как и нужно.

И еще он понял, наконец, что дело вовсе не в Кошее, которому он должен наконец отомстить, сквитаться. Что Кошей? Мелочь и мразь, грязь под ногами... Главное — в нем самом, в его движении и пути к себе новому, другому, не такому, как прежде. Если идти по этой дороге, только по ней, строго выверяя каждый шаг, не поддаваясь слабости и соблазнам, то краснеть уже никогда не придется. Ведь сказано же в «Будосёсинсю»: «В свершении правильного и доблести нет иного начала, кроме чувства стыда». Стыда, чувства его нужно бояться пуще всего на свете — это Олег понял и запомнил накрепко. Скоро ему это понадобилось...

Тренер оказался прав, напророчил — как в воду глядел... Олег встретился все же со своим «зверем», о котором сказал как-то Николай Сергеевич, посетовав, что нет, мол, у Олега нокаута, почти нет, а со «зверем» только нокаутом и можно справиться...

Весной, в начале мая, по приглашению Спорткомитета в Москву приехала юношеская сборная боксеров из Ленинграда. Встреча планировалась товарищеская, знакомства ради

перед 'Спартакиадой народов СССР и должна была проходить в «Крылышках».

Была одна совместная тренировка (так, видно, задумали и решили тренеры), и на ней Олегу показали его будущего противника... Карасев была его фамилия, и прозвище, соответственно, Карась — так его все питерские и звали.

Был он ниже Олега примерно на полголовы, но кряжистее, массивнее — крепкий, очень крепкий паренек... Олег посмотрел, как он работает в спарринге. Руки Карась держал низко, о защите особенно не беспокоился и явно ставил все на удар, тяжелый и сокрушительный. Типичный «файтер»... Ноги у него были тяжеловаты, двигался он на ринге не больно-то быстро и маневренно, и Олег решил, что в предстоящем поединке станет придерживаться обычной своей манеры: дальний бой, надежная защита, хорошо подготовленные атаки с неожиданным ударом. «Попасть в него нетрудно... По очкам выиграю», — спокойно решил Олег.

Он сидел в своем углу, ждал, когда вызовут к центру ринга... Руки были уже в проштемпелеванных бинтах*, в боевых перчатках. Теперь только — «Боксеры — на середину!», традиционное прикосновение перчатками и бой. Все — вызвали... Витек, секундант Олега, быстро сунул ему в рот капу**. Олег еще раз потоптался в ящичке с канифолью*** и пошел к центру ринга. На душе было спокойно.

Едва коснулись перчатками в приветствии, Карась тут же попер вперед, могуче и неуклонно. Олег попытался сдержать, связать его свингами**** — тщетно... Карась словно не чувствовал ударов и настырно лез вперед, навязывая ближний бой. Вот он развернулся в хуке, Олег ушел в нырке и, распрямившись, провел четкую, красивую «двойку» — левой — в печень, правой, хуком — в челюсть Карася. Тот только головой мотнул и продолжал наступать.

*После того, как кисти рук уже забинтованы, на них ставится штемпель и после перебинтовывать уже нельзя. Это делается для того, чтоб не засунули под бинт какой-нибудь металл, свинец.

** Капа — резиновый загубник.

*** Канифолью перед поединком натирают боксерки, их подошвы, чтоб не скользили.

****Свинг — прямой удар, применяемый в дистанционном бою.

Несколько раз он доставал Олега джебами* в корпус, мощно доставал — дыхание сразу сбилось. Захотелось даже выплюнуть капю, чтобы схватить побольше воздуха, но Олег сдержался: это уж последнее дело и плохой признак, настораживающий, судьи заметят и оценят.

Олег финтил как мог, уходил нырками, уходил корпусом — все было тщетно... Карась, наконец, зажал его в угол и принялся методично обрабатывать: в корпус, в голову, в корпус, в голову. Олег подставлял плечи, уходил в глухую защиту, но многие — почти все — удары Карася все же достигали цели.

Перед глазами поплыли круги, дыхание сбилось начисто, и Олег почувствовал, что вот-вот будет «грогги»**, он поплывет... Оставалось одно: войти в клинч, пластырем прилипнуть к Карасю и виснуть на нем, приходя в себя, пока не растащат. Он так и сделал, и тут прозвучал гонг — кончился первый раунд.

Витек выжал на него губку, вертел, как пропеллером, полотенцем и тревожно смотрел на Олега.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально...

— Кой черт нормально? Ты же видишь — это машина. Ему свинги, «двойки» твои — тьфу!.. Его только нокаутом можно взять, а ты и в нокдаун его ни разу пока не послал.

— Не успел! — усмехнулся Олег и встал, потому что уже прозвучал гонг... Второй раунд. «Переломный, — подумал Олег. — Бой нужно делать в нем, в нем ломать».

Он решил сменить тактику и с первых же секунд раунда сам пошел в атаку. В маленьких светлых глазах Карася мелькнуло удивление. Не ожидал...

Олег бил со всех дистанций, с каких только мог, бил свингами, джебами и наконец, дорвавшись до Карася, дорвавшись почти вплотную, обманув ложным выпадом, резко влепил, от пояса вверх апперкот***, вложив в него все, что мог.

*Джеб — короткий прямой удар, применяемый на близком расстоянии.

** «Грогги» — состояние, когда боксер начинает «плыть», терять сознание (профессиональный боксерский сленг).

***Апперкот — удар снизу вверх, в подбородок. Применяется в ближнем бою.

Карась рухнул. Он встал при счете «семь», встал с трудом и сразу же ушел в глухую защиту. Ему явно надо было прийти в себя — апперкот у Олега вышел что надо. Но только...

Не знал, не знал Карась, что после затяжной, настырной этой атаки, после завершившего ее апперкота сил у Олега почти не осталось... Он глянул на светящееся табло, отмечающее секунды, — до конца раунда оставалось около минуты. Сейчас бы дожать, добить, но он почти исчерпал себя в этом раунде — поставить точку было нечем...

Олег, правда, продолжал наступать, сумел загнать Караса в угол, выдавал серии своих любимых «двоек» и «троек», но все удары эти (он сам это чувствовал!) были лишены резкости, мощи... Лишь очки они ему давали, лишь привычные, любимые очки. Карась, держась в глухой защите, подставляя перчатки, плечи, похоже, почти их и не чувствовал и с ударом гонга, возвестившего о конце второго раунда, пошел в свой угол вполне бодро, свежий, совсем оправившийся.

«Файтер чертов! — думал Олег, сидя в своем углу, пока Витек хлопотал над ним. — Как удар, сволочь, держит, хоть из пушки в него стреляй!»

А Витек был доволен...

— Этот раунд — твой! — говорил он, счастливо и широко улыбаясь. — Как ты на него попер — я даже не ожидал... А апперкот! Класс... Молодец, Олег! Теперь — концовочку, и все будет в порядке.

«Концовочку!» — думал про себя Олег, машинально улыбаясь Витьку. — Где на нее силы взять? Я, похоже, спекся уже, весь выложился».

Гонг... Олег еще раз прополоскал рот, всунул капу и пошел навстречу Карасю.

Тот уже не пер танком, как в первом раунде, помнил, видно, про апперкот. Какое-то время они настороженно кружили в центре ринга, делая ложные выпады, готовя удар. Наконец Олег решился... Сделав двойной ложный выпад левой, он послал Карасю в голову стремительный, бешеный свинг.

Того отбросило назад, шатнуло, и тут же он, словно сигнал получив, попер в атаку... Тяжелую, некрасивую, но

очень мощную. Он несколько раз сильно пробил в корпус, Олегу снова стало не хватать воздуха, он хотел было войти в клинч, и тут Карась, резко отступив, поймав нужную дистанцию, вплепил ему с правой сокрушительный хук... Ринг словно выдернуло из-под ног Олега, перед глазами вспыхнула ослепительная белая вспышка, и очнулся он лишь при счете «шесть».

Он встал на одно колено, касаясь ринга перчаткой... Перед глазами плыли клочья белого тумана, все лица в зале были размыты, словно не в фокусе, и только Карася видел Олег отчетливо. Тот стоял рядом, в двух шагах, и рефери, ведя счет, положил руку ему на плечо, придерживая.

Олег понимал, что после такого нокдауна ни о какой победе по очкам не может быть и речи — Карась добьет его, добьет непременно... Но встать было нужно, обязательно! Иначе — позор, стыд... Ни за что!

Он взял от счета все, пытаясь восстановиться, и оторвал колено от пола только тогда, когда рефери произнес «девять»... Оторвал, считался теперь уже на ногах, и бой мог быть продолжен.

Рефери, оттолкнув легонько Карася, быстро подошел к Олегу, внимательно глянул ему в зрачки. Олег, весь собравшись, кивнул: все, мол, в порядке, могу...

«Бой!» — сказал рефери, и Карась, не теряя ни секунды, пошел в атаку. Он теперь, похоже, совсем не думал о защите, держал руки очень низко и явно хотел только одного — добить!

Через несколько секунд он снова послал Олега в нокдаун, и Олег снова встал, опять дождавшись предельного возгласа «девять». С трудом, но встал...

Он взглянул в свой угол — Витек почти висел на канатах, он был бледен, и в руках у него было полотенце. Приготовился... «За явным преимуществом...». Олег отрицательно мотнул головой и медленно, выверяя каждое движение и с трудом восстанавливаясь, начал кружить вокруг Карася, угрожая левой. До конца раунда оставалось тридцать пять секунд. Только бы продержаться! Ему-то ясно, что он проиграл, проиграл вчистую, но что там по очкам? Ведь он немало их нахватал во втором раунде, а два последних нокдауна Карася — это всего лишь очки, всего лишь... Только бы без нокаута, без...

Он не успел додумать до конца, потому что Карась кинулся в атаку. Не пошел — именно кинулся! Он тоже видел, сколько осталось времени до конца раунда, конца боя и жаждал теперь только одного — нокаута.

Он снова зажал Олега в углу, как и в первом раунде. Олег пытался остановить его свингами, бил джебами, когда Карась был уже близко, — все тщетно, все бесполезно! Тот словно вовсе не чувствовал ударов и рвался, одержимо, яростно рвался к своей главной цели — к нокауту.

Он снова принялся за свое: в голову — в корпус, в голову — в корпус... Тщательно и методично, словно по мешку в боксерском зале.

Олег плыл, временами он почти уже и не видел Карася, чувствуя только боль, ее багровые вспышки. И вдруг — как удар молотом и глухая, полная тьма. Очнулся он уже только в раздевалке — его отнесли туда на руках.

Витек говорил потом:

— Я уже полотенце собрался кинуть, хоть и мотнул ты перед этим головой: запрещаю, мол... Смотреть на это, Олег, было просто страшно! Он протаскивал* тебя, протаскивал, как хотел. Не знаю, на чем ты держался, чудом каким-то... А потом эта сволочь, зверь этот, отступил на шаг и влепил «двойку»: левой — в печень и правой — хук в голову, в челюсть. Ты, как оглушенный, рухнул, и, пока шел счет, даже не пошевелился. В раздевалке и то не сразу очнулся...

Пришел Николай Сергеевич. Он был явно встревожен:

— Как ты, Олег? Не тошнит?

— Да нет, вроде... Пока нет.

— Лишь бы сотрясения мозга не было! Челюсть-то, похоже, цела, как ни странно... Но вообще, ты — молодец! Боец... Показал характер, выдержал. С таким файтером, таким зверем! Я ведь тебя предупреждал...

— Я помню, Николай Сергеевич! Что поделаешь, — нет у меня, видно, нокаута. Я ведь в тот апперкот, во втором раунде, все вложил, да Карась оклемался. А то, что продержался, что ж... Не мог я по-другому. В доблести ведь нет ничего, кроме чувства стыда. Так еще древние японцы говорили... Вот я стыда и не хотел.

*Протаскивать — бить, не переставая, имея явное и уже необратимое преимущество (профессиональный боксерский сленг).

— Опять за свое! — сказал с досадой Николай Сергеевич. — Книжник... Лучше бы нокаут наработал... — И ушел.

Но Олег не стал ничего зарабатывать... Две недели ему были начисто запрещены все тренировки, а потом он и вообще ушел из секции. Он понял: ту часть новой своей жизни, что была связана с секцией, с боксом, он исчерпал, прошел. Прошел честно, не вилляя, не прячась... Стыдиться ему было нечего, и можно было идти дальше. Впереди еще оставался Кошей, о котором он думал теперь почти равнодушно, отстраненно, спокойно, как о давно решенном, — лишь поставленная и уже привычная цель, лишь она. Ничего более... Но оставалась еще Женька. Тут все было и сложнее и тоньше, непонятно пока было.

Она сперва и слышать ничего не хотела, была холодно и зло неприступна.

— Чего ты хочешь, Олег? — спросила она, когда он дождался ее возле школы после уроков. — Что тебе от меня надо?

— Поговорить...

— О чем? Где ты раньше был? Мы год почти с тобой не встречались. У тебя какая-то своя жизнь была, бокс твой дурацкий, приходил в класс такой красивый, в синяках, губы вспухшие... Все на тебя паялились — как же, герой, представитель мужественного спорта! А обо мне ты это время думал? Как я, что, какая у меня жизнь?

— Да ты, вроде не скучала, — усмехнулся Олег и тут же понял, что зря он это сказал, — он не хотел ссоры...

— Ага, донесли! — зло сощурилась Женька, голубые глаза ее потемнели. — А ты что же думал — я тебя вечно буду ждать, пока ты свои дела таинственные решаешь? Сидеть у окошечка, как царевна в тереме, и ждать-дождаться, когда же мой распрекрасный Олег снова появится, осчастливит... Ведь год почти прошел, год!

Олег чувствовал, что пока все вглухую, все тщетно — словно другая Женька стояла сейчас перед ним, совсем чужая, незнакомая. Но ведь не могла же она начисто переродиться!.. И он, вздохнув, начал все сызнова.

— Послушай, Женя... Я ведь тогда тебе еще сказал, что у меня другая полоса в жизни началась. Что, как, я, правда, не объяснял, да и сейчас не буду — не все еще решено, не все сделано. Просто я помню тебя, помню, как все было у нас... Что ты делала этот год, как жила, меня, в общем-то, не касается — я и права на это не имею. Но в тебе-то хоть что-то осталось от нашего прошлого? Скажи прямо...

Женькины глаза наполнились вдруг слезами. Но она справилась, сморгнула — ни слезинки не пролилось.

— Осталось — не осталось... Какая теперь разница? Раньше нужно было, Олег, раньше! Хоть бы раз подошел, спросил о чем-нибудь, хоть о ерунде какой... Так нет же — у тебя, видишь ли, другая полоса в жизни пошла! Эгоист, боксер хренов!..

Этот «боксер хренов» пронял Олега, почти расстрогал его... Господи, какая она еще маленькая и глупая!

Он обхватил Женьку, прижал к груди... Она вырывалась сначала, потом затихла, обняла его за шею и наконец заревела безудержно.

Он гладил ее по плечу, успокаивая, потом приподнял ее голову за подбородок.

Женька отворачивалась, прятала лицо.

— Не смотри на меня! Я сейчас страшная, зареванная... — она все еще хлюпала носом, дышала трудно — никак не могла успокоиться.

Олег достал платок, вытер ей нос, бережно промокнул глаза.

— Ну что, Жень, встретимся сегодня вечером? Там, где и всегда, под часами на Крымской. Давно ведь этого не было... Место не забыла?

— Дурак! — буркнула Женька. — Сам ты все забыл... Встретимся, в шесть.

И ушла, провожать себя не позволила...

Олег шел домой, и на душе у него было как-то беспокойно... Вроде сделал все, как хотел, даже встретятся они сегодня вечером, как и раньше, но что-то саднило, беспокоило. Что-то было не так, а что именно — он никак поймать, уловить не мог. Было такое чувство, что он пережал, переиграл Женьку в этом разговоре, навязав ей свою волю,

свое решение, и ей просто некуда было деться. «Ладно, вечером видно будет, разберемся», — подумал Олег.

Он пришел к часам без пяти шесть. Вдруг подумалось: может, цветов купить, но потом решил — не надо! Слишком торжественно и как-то театрально, фальшью пахнет.

Крымская площадь жила обычной своей вечерней весенней жизнью — конец мая был на дворе... Вечер плыл, ласковый, теплый, с той особенной и нежной прозрачностью, которая бывает в Москве только по весне. Неслись по Зубовскому машины, народ, выходящий, спешащий из павильона метро «Парк культуры», обтекал Олега, стоящего под часами, и сладко пахло из близкого сквера уже облетающей, отцветающей черемухой, густо усыпавшей асфальт белыми своими лепестками.

Стрелки на электрических часах над головой Олега перепрыгивали с деления на деление, время шло, тянулось томительно, а Женьки все не было...

Он прождал ее сорок пять минут, понял, что не придет, и решил пойти на набережную. Он был почему-то уверен, твердо уверен, что встретит ее там.

Ушел с Крымской, спустился к Москве-реке и пошел вдоль парапета к Окружному мосту, мимо Генерального штаба, мимо Женькиного дома. Дошел до Окружного, вернулся к Крымскому, снова пошел к Окружному... И тут, на обратном этом пути они встретились.

Навстречу ему, вдоль парапета, шли Женька и Галька Щербатова из их же класса. Была Галька невысока росточком, со складной фигуркой и очень смазливый личиком. Что-то от кошечки, ухоженной, лукаво-хитрой было в ней, и прозвище в классе у нее было «Китти». Китти крутила с мальчишками давно, наверное, с женской своей еще школы, была очень кокетлива и уверена в своей неотразимости. Они с Женькой, сколько помнил Олег, подругами никогда не были, но вот, пожалуйста, — вместе! И не одни — двое молоденьких офицеров были с ними, ладных, подтянутых... Две парочки! У Китти — свой; у Женьки — тоже. Поделили!

Олег почувствовал, как сбилось вдруг дыхание, во рту стало сухо и горько... Он шел прямо на них, расстояние

постепенно сокращалось, и все отчетливее было видно ему, как оживленна и возбужденна Женька, как, не переставая, не умолкая, говорит все время что-то своему офицеру, наклонив голову, подавшись к нему (он был пониже ее ростом), заглядывая в глаза, то и дело улыбаясь... Что-то старательное, подлаживающееся, почти заискивающее, засек Олег в этих Женькиных улыбочках, в наклоне ее головы, в старательном заглядывании в глаза.

Они сблизились наконец. Китти первая заметила Олега, толкнула Женьку, та подняла голову... Рот ее округлился, в глазах мелькнули растерянность, даже испуг, и щеки, только что горевшие жарким румянцем (волновал ее офицерик, явно волновал!), начала заливать бледность.

— Отойдем на минутку, Женя! — сказал Олег, и голос его прозвучал глухо, непривычно как-то прозвучал.

Женька растерянно посмотрела на своего офицера... «Две звездочки, — глянув на погоны, определил Олег. — Лейтенант свежеиспеченный». Лейтенант шагнул к Олегу, сделал строгое, взыскующее лицо.

— В чем дело, молодой человек?

— Дело у меня к вашей барышне... Личное дело. Вы идите себе потихоньку, она вас догонит.

Олег произнес все это ровно, спокойно, и сам поразился: будто кто-то другой за него говорит, все сейчас делает и решает.

Этот «кто-то», наверное, был очень убедителен... Лейтенант растерянно оглянулся на своего напарника (тот старательно и независимо смотрел в сторону), на Женьку.

Та вдруг вся как-то засуетилась, улыбнулась ему жалко и заискивающе:

— Ничего... Это ничего! Вы и вправду идите себе, а мы сейчас переговорим только, и я вас догоню. Идите, идите!..

Лейтенант холодно кивнул, и вся троица пошла не спеша дальше, к Крымскому мосту.

Они стояли рядом, друг против друга и молчали, просто молчали какое-то время. Потом Олег, поняв, что Женька первой не произнесет ни слова, спросил:

— Что же ты делаешь, Женя? Объясни...

Он сказал это очень спокойно, почти миролюбиво и потому был просто поражен реакцией Женьки.

Губы ее растянулись вдруг в злой и хищной какой-то улыбке, почти ощерилась Женька, и по лицу ее, сменив бледность, пошли красные пятна.

— А ты что думал?! — почти выкрикнула она, с ненавистью глядя на Олега. — Поманил, позвал сегодня, приласкал, слезки вытер, и я — вот она, рядышком? Умный больно... На тебя надежды нету, очень сложный ты у нас, непредсказуемый... А мне жить! Сопляк...

Олег не обиделся, нет... Потрясение то было, а может, — прозрение. Он понял — в секунду, в мгновение — в Женьке такое, что впору было зажмуриться брезгливо... Холодную и расчетливую охотницу увидел он вдруг в ней, хищницу с цепкой, капканной хваткой, когда главное — взять, урвать свое, не упустить и быть всегда наверху, подчинять, требовать. Мурашки пробежали по спине волной — Олег яснее ясного увидел Женьку будущую, иную, через много лет, пробросившись туда мысленно... Наглую, неистребимо вульгарную и убойно, таранно нахрапистую. Жуткая и предельно четкая была эта картина!.. Словно распахнулись ставни на знакомом окне, и вместо привычного милого лица выглянула вдруг оттуда мерзкая, отвратная физиономия, искаженная злобой.

Он даже отступил на шаг — противно стало стоять рядом. Глянул на нее — на прощание уже глянул...

— Что ты несешь, Женька? — только и сказал он. — Сама бы слышала... Беги, догоняй своего лейтенантика, а то упустишь!

Он шел домой весь какой-то пустой, словно душу из него вынули, шел, никого и ничего не видя... «Встретились, — бормотал он. — Познакомились, наконец... Ах ты, дрянь, злобная, расчетливая дрянь, хищница!»

С Женькой было все кончено. Навсегда...

...Почему всегда, почти всегда (редки, очень редки исключения!) вянет-пропадает первая наша любовь, гибнет, не расцветши?! Отчего осыпается, увянув, голубой цветок первой и такой бережной, трепетной нежности, который воспел еще Новалис, осыпается, полня нашу душу неутолимой печалью?

А душа-то еще так молода, так чиста и ранима... Она была чуткой и бережной, она так много и жадно хотела,

отдавая себя в чувстве своем полностью, без остатка, до капельки.

Может, в этом-то как раз все и дело... Слишком сильно и требовательно любим мы в первый свой раз, слишком многого хотим от своих любимых, наделяя их, близоруко и опрометчиво, своим чувством, своей жизнью сердца. Нам, еще молодым и неопытным, мнится тогда, что любовь наша, коль она такая, не может не найти ответного и точно такого же чувства, захлебывающегося, горячего и ничего, кроме себя, не берущего в расчет!

Притираться внутренне, прощать и понимать — это все лишь потом, в иной, взрослой жизни... В первой нашей любви, в первом глубоком чувстве — все на грани, все на кону. «Все иль ничего — вот мой закон!»

Так мыслил, считал ибсеновский Бранд, не нашедший в итоге ни понимания, ни счастья... Точно так же и мой Олег любил свою Женьку, придирчиво, строго ища в ней свое продолжение, свой отзвук.

Юность — пора потерь, прощаний с дорогим и близким. Это больно, но без этого нет пути к себе новому, ибо нет иного пути у зерна, которое дает новый росток, всход, лишь погибнув и истлев.

Они встретились наконец... В августе это было, на излете его. В эту пору в парке Горького всегда был традиционный карнавал, и Олег пошел на него.

При входе в Парк продавали маски — без них на карнавал не пускали. Картонные, пахнущие клеем... Зверушечьи морды, волки, зайчики, лисички и простые полумаски, только глаза прикрыть. Олег взял такую, черную, в каких-то блестках. Крутя за резинку на пальце, вошел в парк и начал спокойно, методично его обходить, разыскивая Кощея. Он знал, твердо почему-то был уверен, что найдет его сегодня, встретятся они, наконец.

Он зашел на ближний пруд возле спортивного комплекса, возле волейбольных площадок...

По черной, уже ночной глади пруда скользили лодки. Их было много, в них было весело, народ гулял напропалую, но Олегу было не до праздника: он искал Кощея, охотником и ловцом был он сейчас...

Он пошел по аллеям, напялив свою полумасочку. Вокруг было тесно от людей, несколько раз какие-то веселые компании приглашали его куда-то, звали... Ряженая под цыганку, высокая, стройная и тоже в черной полумаске хлопнула веером по плечу:

— Не меня ли ищешь, золотой-дорогой?

Он махнул рукой — нет, не тебя, к сожалению... «А жаль!.. — подумалось ему. — Как здорово было бы сейчас пошататься по парку с этой цыганочкой, болтать легко и шутливо о чем угодно, что в голову взбредет, а потом, в какой-нибудь темной, укромной аллееке обнять, найти губы...»

Размечтался, одернул он себя... Успеешь, будут еще карнавалы, не последний! Сперва Кощея найди.

А если... Тут он даже остановился, встал столбом, мешая всем проходящим, пораженный простой и холодной ясностью пришедшей вдруг мысли. А если и вправду этот праздник, этот карнавал — последний для него?! Кощей ведь способен на всякое — бритву, «писку» он, помнится, у него уже видел... Так отчего же не быть финке? И что тогда?

Олег стоял, оглушенный этой мыслью, пришедшей неожиданно, вдруг... Раньше он почему-то об этом никогда не думал, просто знал, что встретятся они когда-нибудь с Кошеем, с которым он должен, обязан сквитаться за тот страшный удар, за ту памятную кирпичную стенку. Он хотел этой встречи, он стремился к ней, но отчего же не принимал в расчет, в мыслях не держал такой вот поворот дела?! А ведь может, очень даже может, случиться такое, дойдет вдруг до ножа, с Кощей станется, и что тогда?

Первый раз в жизни подумал Олег о возможной смерти своей... Да что там «возможной» — близкой, вот на этом же карнавале, пока он идет, шумит, брызжет весельем...

Мысль была простая и страшная... Олег почувствовал, как пробил его холодный пот, мурашки пробежали по спине. Умирать совсем не хотелось... Хотелось жить, догнать ту цыганочку — цветастое, яркое ее платье мелькало еще в конце аллеи! Хотелось быть дальше, долго еще быть — много он, что ли, в жизни своей видел! Так, кусочек, краешек, она вся еще впереди... А тут Кощей, нож этот — Олег уже видел мысленно, как блеснет лезвие в руке Кощей, страшно и холодно блеснет!

Он пошел вперед, медленно пошел, уже не ища Кощея, думая не о нем, а об этом, простом и страшном... И тут вдруг черное ночное небо разорвалось над ним с треском, взмыли разноцветные ракеты, огненные столбы, шутихи — начался фейерверк! Кусты, деревья вспыхивали, загорались недолгим огнем, светом — то малиновым, то ярко-красным, то зеленым... И когда полыхнуло вдруг белой вспышкой, фосфорной какой-то, безжалостно яркой, высветившей всю аллею, всю древесную листву до последнего листочка, так же слепяще и мгновенно, как этот сполох, мелькнула, молотом ударила в сознание Олега любимая, наиважнейшая для него строчка из «Хагакурэ», из «Пути воина» «Поединок не может оставаться незаконченным».

Олег остановился, перевел дух... Да, конечно — не может, не должен! И пусть будет как будет — по крайней мере, он теперь внутренне готов и к такому... Он быстро пошел вперед — он снова искал Кощея, но не так, как до этого, а спокойно, почти не волнуясь. Теперь он шел, готовый ко всему, весь собранный, какой-то будто пустой внутри, и в пустоте этой жило только одно — их с Кошеем поединок должен быть, наконец, кончен, раз и навсегда кончен...

Он нашел их, всю троицу, Кощея, Японца и Шныря, уже в самом конце парковой набережной, возле Зеленого театра. Дальше уже начинался, вел к Воробьевым горам Нескучный сад, старый, глухой и почти всегда малолюдный.

Олег узнал их еще издали, по силуэтам — две фигуры пониже, Японец и Шнырь, и посередке — высокая, сутуловатая, с длинными, как у гориллы, руками... Кошей!

Олег обогнал немного, глянул сбоку. Точно... Они! В масках все трое были — Японец и Шнырь натянули серые волчьи морды, а Кошей... Этот всегда любил поюродствовать, дешевый театр устроить — заячья маска, симпатичная, умильная, для малых детишек на новогодней елке, была на Кошее.

Олег чуть отстал, потом быстро, решительно догнал, положил сзади руку на плечо Кощея, ласково почти положил. Тот обернулся быстро, глянул, ничего пока не понимая, — все еще в полумаске своей был Олег.

Он быстро ее сдернул, улыбнулся, пристально и цепко глядя в глазные косые прорези заячьей мордочки:

— Здорово, зайчик!.. Не ожидал?

Кошей все не снимал маску, медлил чего-то...

— Не узнаешь, что ли? Как же так... Давно знакомы! Ты еще, помнится, хотел меня заставить дерьмо есть. А не стану — «пиской» на кусочки, на ленточки! Вспомнил?

Кошей наконец сдернул заячью свою маску, и Олег теперь близко, в двух шагах видел его лицо. Что-то мелькнуло в глазах Кошей, не страх, нет, а какая-то растерянность. «Врасплох застал! — удовлетворенно подумал Олег. — Не ждал, не гадал и не думал... Это хорошо!»

— Чего ты хочешь? — сказал Кошей и быстро зыркнул по сторонам, на Шныря и Японца: рядом ли?

Они стояли, как и до этого, справа и слева от него, ни на шаг не отошли, только волчьи свои маски сдернули и пялились теперь на Олега, явно стараясь вспомнить.

«Неужто боится? — подумал с удивлением Олег, когда засек эту быструю оглядку Кошей на верных корешков и адъютантов своих. — Вряд ли... Да и трое их. Но это уж дудки — один на один будем!»

Ему вдруг стало очень легко и почти спокойно... Он чувствовал, хорошо и точно чувствовал, что пока все — в его руках, в его воле.

И потому сказал спокойно и небрежно, почти наслаждаясь этой властью своей, только что остро осознанной.

— Чего хочу, спрашиваешь? Да так, ерунда, мелочь... Поговорить бы надо. По душам... Один на один.

Кошей облизал губы. «Какие же они у него тонкие!» — подумал Олег.

— Да не время сейчас, — произнес наконец Кошей. — Гуляем! Карнавал, девочки, то, се... Может, потом? Отложим...

«Боится! — удовлетворенно подумал Олег. — Время тянет... Нет уж, откладывать не будем, я и так долго ждал!»

— Нет, Кошей, никакого потом не будет... Я сейчас хочу... Хочу — ты понял?!

Кошей поколебался немного, чуть-чуть совсем, но понял, видно, что вильнуть не удастся... Да и Шнырь с Японцем смотрят, все у них на глазах!

— Что ж... Если тебе так загорелось... Так не терпится, — медленно, с угрожающими паузами произнес Кошей... Очень старался, страху нагонял! — Куда пойдем?

— Да недалеко, в Нескучный... Рукой подать! Чего тебе себя утруждать? — Олег произнес это с ухмылкой, будто шутливо, и тут же себя одернул: «Что-то я больно развеселился... Ни к чему это!»

И потому уже серьезно, совсем серьезно, с нажимом добавил:

— Но только один на один, Кошей! Японец и Шнырь в деле не участвуют... Понял?

— Пошли!

Они дошли рядом, все четверо, до Зеленого театра, завернули за него, вошли в Нескучный, в темноту и глушь его, стали подниматься по крутой аллейке в горку. Олег внимательно глядел по сторонам — он хотел выбрать место сам, и только то, которое ему подойдет, понравится.

Вот оно! Небольшая, метров десять в поперечнике, полянка на взлобке горы; в стороне — какая-то аллейка, и пробивается оттуда свет одинокого фонаря, неплохо видно на полянке... Здесь!

— Стоп, Кошей! — сказал Олег. — Пришли, тут беседовать будем.

Кошей остановился, огляделся, и Шнырь с Японцем тоже враз тормознули, как по команде.

— Что ж, здесь так здесь... Место неплохое. — Кошей подошел к краю полянки, снял пиджак, небрежно кинул его на кусты.

— Рядом будете, — бросил он Шнырю и Японцу. — Если что...

Он сказал это негромко, только для них, но Олег расслышал — недалеко ведь стоял.

«Вот, значит, как... «Если что»! Неужто со всей троицей придется? Это — перебор; на это я не рассчитывал. Но теперь — все равно уж, как будет, так и будет!»

И с мыслью этой, не сняв куртку — она была вполне просторной, движениям не мешала, — Олег вышел к центру полянки, как на ринге вышел. Полумасочку свою зашвырнул в кусты — больше сегодня не понадобится, кончился для него карнавал... На сегодня кончился!

Кошей ударил первым... Ударил, как и тогда, с длинным, будто ленивым потягом — видно, то «коронка» его была, он на нее и надеялся и ставил. Олег легко ушел в нырке и сразу переместился вправо быстрым приставным шагом, как на ринге... Трава на полянке была короткой, редкой и не мешала движениям.

Он оказался сбоку от Кошей, и, пока тот поворачивался, влепил четкий двойной джеб в голову Кошей... Как на тренировке в зале, как по мешку влепил! Влепил и тут же почувствовал, что вышло хорошо, классно вышло.

Кошей шатнуло, ноги его согнулись в коленях, но он справился, устоял... Отскочил, закрылся, как мог, и начал кружить вокруг Олега, восстанавливаясь и готовя атаку.

Олег не стал его ждать — надо было развивать успешное, пока успешное, начало! Боковым, скошенным зрением он быстро проверил Японца и Шныря — те пока стояли спокойно, на помощь не спешили. Значит, пока — один на один... Хорошо!

Он сделал ложный-выпад левой, Кошей купился («Не ходил ты в боксерский зал, никогда, похоже, не ходил!»), бросил на отбив правую, приоткрыл на секунду челюсть... С той же левой — она снова уже была у предплечья, готова была! — Олег пробил ему в челюсть, чуть выше подбородка. Кошей отбросило, швырнуло на кусты.

Пока он выбирался, треща ветками и матерясь, Олег стоял и ждал. Просто ждал и восстанавливал дыхание...

Кошей вылез наконец, кинулся к Олегу и вдруг, не добежав несколько шагов, рыбкой нырнул ему в ноги... За щиколотки хотел схватить, дернуть на себя и повалить. Этого Олег никак не ожидал, еле-еле (реакция спасла!) успел отскочить.

Кошей тут же вскочил, хрипя и задыхаясь... Он, похоже, уже плохо контролировал себя, схватку и потому попер, как в простой уличной драке, размашисто, с плеча разворачиваясь и то и дело открываясь.

Олег воспользовался, не упустил момента — два удара по корпусу и хороший, четкий свинг в голову. «Есть очки!» — мелькнуло...

Но тут был не боксерский зал, и Кошей — это Кошей... Он быстро сунул руку за голенище (в «прохорях»* был

*Прохоря — сапоги (*apru*).

сегодня Кощей, как специально надел!), и в тусклом свете фонаря увидел Олег, как блеснуло лезвие.

«Значит, все-таки нож! — мелькнуло. — Все-таки... Ладно, посмотрим!»

Кощей приближался, надвигался, держа финку лезвием вверх, рассекая воздух резкими, вправо-влево, полукружьями взмахов. Олег уходил корпусом, все время перемещался, чтобы сбить Кощея с толку, не стать мешком и мишенью.

Ноги стали уставать, дыхание сбивалось все больше, и вдруг он зацепился носком ботинка за какую-то кочку, на секунду потерял равновесие и чуть не клюнул носом.

Кощей резко бросился вперед... Он целил в шею, но в последнюю секунду диким, звериным каким-то финтом Олег ушел от смерти, уклонился, как мог, и финка ткнула в левое предплечье, обожгла... Под курткой стало горячо и мокро. Шнырь и Японец заорали в кустах победно, запрыгали!

— Добью, сука! — прохрипел Кощей и сделал резкий выпад... Добил бы, запросто добил, но Олег, понимая, что все — на кону и жизнь его — на волоске, сумел ударить носком ботинка ему в кисть, финка вылетела птичкой, и Кощей растерялся на секунду, две ли... Иххватило Олегу.

Совершенно озверев, помня лишь о том, что его хотели убить (и убили бы!), он поймал, не чувствуя в горячке боли раненного предплечья, в захват правую руку Кощея, резко вывернул ее кистью вверх и смаху сломал об колено... Хруст был слышен явственно, отвратительный хруст, Кощей завизжал и мешком рухнул в траву, потеряв от боли сознание.

Олег не мог уже остановиться... Он помнил об одном: его пытались, хотели убить, вот эта сволочь хотела, что валяется сейчас у него в ногах со сломанной рукой... Он бил Кощея ногами куда попало, не целясь и не примериваясь: в голову, по ребрам, в живот. Он, наверное, забил бы его до смерти, но тут подбежали Шнырь и Японец.

Олег подумал, что они хотят кинуться на него, и мгновенно повернулся к ним, перемазанный кровью, страшный в своей ярости, ее необузданности, готовый на все...

— Назад! — прохрипел он, и они тут же, мгновенно и послушно, остановились... Эта безропотность, эта покорность отрезвили Олега.

«Что со мной? — мелькнуло. — Ведь убить же мог, убил бы!»

Всхлипнув горлом, схватив как можно больше воздуха, он кивнул им на лежащее в траве неподвижное тело Кошея.

— Забирайте! В больницу, что ли, везите, «скорую» вызывайте... А то сдохнет, не успеете.

И тут же забыв про них, про Кошея, опустился обессиленно на траву, зажал, наконец, проколотое предплечье — кровь текла, шла сильно...

Он не слышал, как ушли Шнырь и Японец, унесли Кошея... Трава была мокрой от ночной росы, приятно холодила. «Надо встать, — подумал Олег, уплывая куда-то. — В больницу какую-нибудь, до «скорой» добраться. Кровь-то все идет... Вот полежу еще чуть-чуть и встану».

Близкая, крупная и яркая звезда стояла одиноко над ним, слепила глаза... Он закрылся ладонью, та была в его крови, звезда стала красной и теплой.

Олег был спокоен, совсем спокоен... Он твердо знал, что встанет в конце концов и уйдет отсюда, найдет «скорую», будет, непременно будет жить дальше! Все кончено, черта подведена...

Кошей, схватка эта, Женька... Все было для него теперь в одном ряду, близко, союзно было, и Олег отчего-то совсем не удивился этому. Все уже не имело никакого значения.

...Вот и сделал мой герой все, что должен был. Он прошел свой путь, начавшийся тогда, когда появились в жизни его и Женька и Кошей. Ненависть и любовь шли рядом с Олегом, рука об руку, неразрывны были они, смешались и переплелись.

Он знал сейчас одно. Он прошел свой путь, прошел то, что был должен! Прошел до конца.

Теперь словно боевой сокол незримо и плотно сидел на его плече...

С давними друзьями «Подвига», Валерием ГУСЕВЫМ и Игорем ШТОКМАНОМ, беседует Михаил КРУПИН.

ШПАГУ ПИСАТЕЛЮ ГУСЕВУ

- Валерий Борисович, вы один из наиболее маститых авторов, сотрудничающих с «Подвигом». И к теме «сельского участкового» вы обращаетесь не в первый раз. Что это - дань моде, после успеха сериала «Участок», или дань, быть может, душе? Вы, вообще, сельский житель по жизни или убежденный горожанин?

- Я - горожанин по рождению. Вне мегаполиса себя не мыслю, как и не могу без дачи, без деревенского ландшафта. Я ведь даже заканчивал так называемый «Институт инженеров сельскохозяйственного производства им. В. П. Горячкина». Затем преподавал в родном институте, выезжая на село только по сентяблям «на картошку».

- А что же подтолкнуло вас к художественному слову?

- А я вскоре начал сотрудничать в «Международном сельскохозяйственном журнале», сначала консультантом, а потом редактором. В этот период (семидесятые) и написал свою первую повесть «Шпагу князю Оболенскому». Повесть переиздавалась раз двадцать...

- А всего сколько книг вышло у вас по сю пору?

- «Послужной список» - не менее полста книг. Может, и шестьдесят наберется. Уже не считаю. Последнее дело - доказывать себе, знаменит ты или еще не особенно. Кстати, многие мои вещи переведены на иностранные языки, на немецкий, чешский, болгарский, еще там какие-то.

- Поди, и литературные премии вас не обошли?

- Разумеется, да что об этом говорить. Читатель за премиями у нас не следит. И правильно делает. Читать приходится не предписания о награждениях, а конкретные книги. И если книга скучна или лжива, никакие регалии автора не спасут от забвения. Но одной премией я все же горжусь. Получил ее еще от Союза писателей СССР и МВД СССР. Заявлено было 230 претендентов, а получил я. Формулировка так звучала: «За лучшее

произведение литературы и искусства о деятельности органов, подразделений и служб МВД, за создание положительного образа сотрудника милиции».

- Вы и сегодня создаете положительный образ этого сотрудника. А он в жизни есть?

- Без сомнения! Когда я работаю над книгами, очень тесно общаюсь с друзьями в погонах. А раньше при студии МВД официально работала группа специалистов, в обязанность которых входила подмога писателям. И это была никакая не цензура, а, действительно, очень компетентная и деликатная помощь. В сам замысел, в композицию, создание образов они совсем не вмешивались. Но едва улавливали несоответствие реальности в деталях, то есть технические промахи, тут же помечали карандашиком. А ведь именно точная деталь, скрупулезность отображения жизни создает впечатление правдивости текста, рождает доверие читателя. Сегодня этот институт взаимопомощи «героев» и авторов, пишущих об этих «героях», разрушен. Огромными тиражами коммерческие издания гонят такую мутоту, что мало-мальски разбирающийся человек выбрасывает с брезгливостью сразу. Это способны прочесть разве что домохозяйки и их недоразвитые чада. Видимо, на них у издателей и ставка. Но это же стыдно.

- Но вам-то помогают друзья из МВД до сих пор?

- Да, мне повезло. Помогают, причем, и в литературе и в жизни. Я дружу с ребятами из СОМа (специальный отряд милиции быстрого реагирования), езжу к ним на каждый День Милиции, это совсем другой мир. Очень честные и добросовестные люди. «Если где-то человек попал в беду...», - это про них. Вот попал я в беду: украли все документы, и паспорт, и документы на машину, а восстанавливать их - забегаешься по инстанциям, так вот, украли, потом позвонили и заломили приличную сумму. Я сразу ребятам из СОМа свое горе поведал, и в тот же день все документы были у меня на руках, а преступники - за решеткой.

- А сельские участковые - такие же молодцы? С ними вы дружите?

- Ну, разумеется. Вот послушайте. У меня есть домик в Можайском районе. И как-то раз местный алкаш навязал моему сыну «дискуссию». Мягко говоря. Я вышел с овчаркой, с ружьем. Алкаш-скандалист гордо изрек, что ружье у него тоже имеется, и прыг-скок к своему дому за оружием. Я, присев под окном на пол, стал ждать первого выстрела. Ведь я не имел права первым

стрелять - ни юридического права, ни морального. Но прошла пара часов, с той стороны ни гу-гу. Положение, признайтесь, дурацкое. Что ж, мы сообщили в милицию, и они взяли «моего врага» тепленьким, прямо в доме. Он спал в обнимку с ружьем, видимо, решив набраться сил перед решительной схваткой. Когда утром я приехал в участок, молодой дознаватель (парень только что из войск, служил в горячих точках) спрашивает: что будем с гадом делать? Посадить? Не советую. Вернется озлобленный, вот тут, действительно, вас может поджечь. Что делать? А давайте, говорит, я вас помирю. И ведь помирил, не мент, а золото! Выходим с «врагом» вместе на воздух, тот мне уже дружелюбно: «Сосед, до дому подбросишь?» Я-то на колесах. Ну, повез его. А он и говорит: «Теперь ты мне, сосед, бутылку всяко должен!» Ну, рассердился я, выкинул его из машины к чертовой матери. И с тех пор его не видел. Наверно, участковый объяснил доходчиво, на кого он хвост поднял.

- Да-а, Валерий Борисович, с вами лучше дружить. Обещаем и впредь публиковать все ваши замечательные повести.

- А куда ж вы денетесь?! (Смеется).

ОТЗВУК СОБСТВЕННОГО СЕРДЦА

- Игорь Георгиевич, есть подозрение, что предлагаемая нынче читателям «Подвига» повесть, автобиографична?

- Вы правы. Различие разве что в том, что я всерьез увлекся боксом, уже будучи студентом, а мой герой вышел на ринг еще школьником (кстати, более типичный случай). Но ощущение времени, жесткой и интересной Москвы 50-ых, конечно, мое. Думаю, оно совпадает с ностальгией всего моего поколения.

- Недаром один критик недавно назвал вас «писателем историческим».

- Да, имелось в виду, что тот мир (50-ых - 70-ых) уже «древен для нас, как древняя Греция». Это уже мир-легенда, он несказанно дорог нам, но уже безвозвратно потерян. Недавно в одном из московских издательств вышла моя книга «Дворы», книга рассказов - тоже посвященных преимущественно теме Времени в нашей судьбе. Книга достаточно отчетливо разделена на три части. Первая часть - рассказы о детстве и юности, «Зубовский бульвар», вторая - армейский «пласт», тоже очень важная тема моей жизни, и третья часть - перипетии уже нашего времени.

- Расскажите немножечко, как вам (все-таки именно вам, а не вашим героям) жилось в те «легендарные лета».

- Да что рассказывать. Очень хорошо помню послевоенную Москву, о ней и написал в своих рассказах, не цитировать же... По окончании школы в 56-ом году, поступил в Московский институт цветных металлов и золота... Но вскоре понял: это не мое. Как в песне поется...

- Золото не ваше?

- И золото тоже. Как в песне, говорю, поется: это не мое, это батюшкино... Стало быть, золото партии. Покинув этот институт, закончил я энергетический техникум, и распределился в Липецкую область, город Грязи. Да мне было все равно в какие Грязи, ведь через месяц в армию. Вот мы и подошли к важной вехе моего пути... Служил я три года (тогда все по три служили, кроме моряков, конечно, те - по четыре) на Кольском полуострове в «отдельном линейно-строительном батальоне связи». Вот там-то я и стал из городского мальчика мужчиной, настоящим русским мужиком, без ложной скромности скажу. Научился держать в руках пилу и топор, за три года (без отпуска) излазил вдоль и поперек весь Кольский полуостров. «Два рядовых заменяют одну лошадь», - так шутили наши офицеры. Рубил просеки, ямы и каналы копал, ставил столбы-изоляторы. В остальном работал, в принципе, по специальности - техник-электрик. Но все чаще, на северном ветру, приходила крамольная мысль: не хочу жизнь тратить на техническое поприще, откочевать бы в гуманитарную область. И, едва уволился из рядов вооруженных сил, поступил на журфак, на газетное отделение. До сих пор считаю: настоящий журналист прежде всего репортер, газетчик. Практику проходил в «Литературной газете», и по окончании учебы был приглашен в штат. (Это было невероятной удачей для начинающего журналиста!) В дальнейшем я возглавлял отдел критики журнала «Дружба народов», работал «в связке» с Львом Аннинским, потом позвали в ВТО (Всероссийское театральное общество). Но там вскоре произошла одна занимательная история. На очередную всесоюзную премию была выдвинута пьеса «На дне» в постановке Товстоногова. Ничуть не хочу приуменьшить достижения этого действительно выдающегося мастера, но там уже был Товстоногов «на излете», что же делать, все мы будем стариками (конечно, кому повезет), но зачем же превращать спокойную заслуженно-привилегированную старость в фарс? В общем, премию давали только «в знак уважения», и это действо оттирало в небытие,

оставляло незамеченными действительно талантливые, яркие работы молодых режиссеров. Я выступил против присуждения премии Товстоногову, меня поддержали, тайное голосование ВТО отдало премию другому. И тут поднялся страшный переполох в этом «театральном курятнике», спустили распоряжение переголосовать открыто, все грубо переиграло в пользу Товстоногова, а вашего покорного слугу из ВТО уволили. Что ж, я ушел с головой в литературную критику, защитил диссертацию. Издал несколько книг очерков и статей. Это «Я и мы», «Время и проза: 60-е - 90-е», «Леонид Бородин: слово и судьба», писал также о Василе Быкове, с которым был близко знаком, о Юрии Казакове, Константине Воробьеве, Евгении Носове, Юлии Киме... Но в последнее время я сознательно перестал заниматься литературной критикой. Почему? Да просто литература пошла такая, что «всех святых выноси» и сам уходи куда глаза глядят. И тут, когда настала вокруг тишина (потому что мои уши просто заткнуты от всей этой чернухи и попсы), я и услышал отзвук собственного сердца. Выяснилось, что и самому есть о чем миру рассказать в художественных образах, столько пережито, передумано... Вот и начал, сравнительно недавно, писать повести, рассказы, публикую их в «Литературке» и в журналах - «Нашем современнике», «Роман-газете», «Москве»... И, разумеется, в «Подвиге».

- Все журналы патристического толка.

- А это единственно возможный толк в нынешней ситуации. Я считаю, что сейчас долг честного русского писателя - способствовать формированию национального сознания, без этого сознания нет нации. Здесь первопричина и моего творчества, его «историчности» и ностальгии. Конечно, наивно было бы предполагать, что 70-е могут вернуться, да и не следовало бы, наверно, их «буквально» возвращать, но должна произойти реанимация лучших качеств русского и советского человека, совесть, честность, доброта... Только ради этого сейчас стоит трудиться писателю, пролагая свой галс поперек «коммерческого курса» большинства издательств. Не следует оглядываться и на правозащитный писк купленных Западом пост-модерн-политиканов от литературы.

- А «демократизатора» вы не боитесь?

- Чего?

- Валерий Гусев говорит, что русские менты, самые творческие люди на свете, так прозвали свою верную дубинку.

- Кстати, привет Валерию Борисовичу.

- И от него вам аналогично.

РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ С КАЗАНОВОЙ

Какой русский не любит быстрой езды! А какой русский не влюблен в Италию? В Риме Гоголь писал “Мертвые души”, а Иванов – “Явление Мессии народу”. Во Флоренции Чайковский за 44 дня создал “Пиковую даму”, а на Капри Бунин с такой же вдохновенной стремительностью закончил “Веселый двор”.

В будущем году “Кентавр” предлагает пуститься в полное приключений и неожиданных поворотов странствие по Италии, но не наших суетных дней, а той, средневековой и таинственной, когда над Римом еще не парил пышный микельанджеловский купол базилики св. Петра, а фонтан Треви не гремел с вельможной статью прозрачными римскими водами. Но в Болонье с ее университетом уже кипела бурная студенческая жизнь, на флорентийском Золотом мосту алчные ювелиры изумляли прохожих блеском изысканных драгоценностей из старого этрусского золота, а в полуразрушенном и полупустом римском Колизее городские разбойники вели охоту на беспечных зевак. Жизнь и смерть в “Вечном городе” эпохи первых крестовых походов и проповедей Франциска Ассизского, бродячих нищих вагантов и закованных в тяжелые латы кондотьеров, иступленных в творческом экстазе художников и грезящих о сокровищах Креза коварных дождей. Тайнами и событиями того далекого и сумрачного времени щедро насыщен роман о приключениях монахов-северян на итальянской земле.

Еще одного именитого итальянца навестит “Кентавр” в пыльной провинциальной Мантуе. Имя Джакомо Казановы знакомо даже тем, кто никогда не держал в руках ни написанных им мемуаров о бегстве из свинцовых венецианских застенков Дворца дождей, ни язвительных памфлетов против нечестивца Вольтера. Галантный покоритель дамских сердец будет застигнут не в пору своего расцвета, а на склоне лет, в заношенном камзоле, на

пороге обшарпанной гостиницы для проезжих комедиантов и разоренных дворян. Казалось бы, теперь его удел – авантюрная карточная игра да старческие воспоминания о былых успехах. Но старый король пик бьет молодую даму червей. За картами и бокалами с кроваво-пурпурным кьянти злой рок подстерегает неискушенные сердца. Искусство обольщения, увенчанное дуэлью с гибельной развязкой, в новелле о последней любовной победе стареющего Казановы.

Горящая земля Лангедока, где в скрипе голых ветвей столетних дубов посвященный в средневековые тайны странник расслышит скорбные жалобы поверженных файдитов. Горные пиренейские тропы, помнящие поступь святого Доминика, гонителя еретиков-альбигойцев. Зарево инквизиторских костров, каменная громада Монтсегюра, мятый рыцарский шлем из дамасской стали, снесенный массивным тулузским булыжником с головы грозного графа Симона де Монфора. Горы и пещеры, наполненные призраками былых сражений, в мистическом романе французского классика Мориса Магра.

Голубые изразцы мечетей, воздвигнутых по воле хромого Тамерлана. Арыки с гниющей черной водой, которая не может утолить жажду даже неприхотливых осликов, груженных контрабандными английскими ружьями. Зброшенные мавзолеи мусульманских праведников, где в многовековой пыли среди расколотых могильных камней находят ночной приют гонимые судьбой и недругами русские офицеры-странники. Империи крепнут и низвергаются в бездну у подножья Памира и Копетдага. Так было со времен Александра Македонского. Так продолжается разматываться роковая нить в пору правления последних русских царей. Шпионская драма близ легендарной колыбели человечества в романе о противоборстве России и Англии в древних и величественных среднеазиатских горах.

“Кентавр” не хватает звезд с неба. Они сами падают ему в руки. Пусть звездный блеск озарит и вашу жизнь. Для этого нужно самую малость – помнить наши подписные индексы, всего лишь несколько цифр, которые подобны магическим знакам с античных пергаментов, ближайшей духовной родни по мудрости и долголетию мифическому кентавру:

81161 “Кентавр. Исторический бестселлер”

81162 “Подвиг” + “Детективы СМ” + “Кентавр”

Дорогие читатели!

Издательство «Подвиг» объявляет о возможности заказа наложенным платежом предыдущих выпусков журналов «Подвиг», «Детективы «СМ» и «Кентавр», перечисленных ниже:

№ лота Наименование

ПОДВИГ

П 1 - 0403	Иоаннес М. Зиммель
В. Головачев	«Пятый угол»
«Мечи мира»
П 1 - 0404	А. Зотов
В. Дьяков	«Личный враг президента»
«Письмо»
П 1 - 0405	В. Шамшурин
В. Першанин	«Сталинский сокол»
«Побег из Дель-кро»
П 1 - 0408	А. Дышев
О. Дорсет	«Школа самоубийц»
«Уникальная сделка»

ДЕТЕКТИВЫ СМ

П 1 - 1404	П. Акимов
Г. Слизар	«Голая среди волков»
«День казни»
П 1 - 1405	Т. Соловьева
А. Дышев	«Чужая плоть»
«Приколист»
П 1 - 1407	Н. Вадченко
В. Седов	«Бог из машины»
«Мечь»
П 1 - 1408	А. Стец
В. Пронин	«Агентство «БМВ»
«Опять бомжара»

КЕНТАВР

П 1 - 2201	В.Иванов
О.Елисеева	«Ночь царя Петра»
«Камень власти»
П 1 - 2202	А.Ильченко
В.Короткевич	«Козацкому роду нет переводу»
«Огонь - девица»

П 1 - 2203	С.Плеханов В.Дегтев	«Заблудившийся всадник» «Гладиатор»
П 1 - 2303	Г.Гулиа В.Владимирцов	«Ганнибал» «Чингисхан»
П 1 - 2401	С. Минцлов Н. Тэффи	«Огненный путь» «Москва - Одесса»
П 1 - 2402	О. Елисеева И. Медведев	«Переворот» «Рыцарь Эльдорадо»
П 1 - 2403	Е. Крюкова А. Хейдок	«Тень стрелы» «Храм снов»
П 1 - 2404	Б. Пантелеймонов И. Сургучев	«Менделеев» «Детство императора»
П 1 - 2405	Е. Чекулаева А. Дубинина	«Бубен шамана» «Золото мое»

Для заказа любых из предложенных книг вы можете воспользоваться как бланком заказа, так и прислать заказ обычным письмом. Для этого четко и разборчиво впишите свои данные: **индекс, адрес, фамилию, название и лот журнала**. Заказ должен быть кратным 2. Нельзя заказать 1 или 3 экземпляра, можно заказать только 2 или 4 или 6 экземпляров и т. д. При этом не важно, какие это будут журналы, важно общее количество, т.е. можно заказать один экз. журнала «Подвиг» и один экз. журнала «Детективы «СМ», в итоге – 2. **Это сделано для удешевления стоимости.**

Цена одного экз. при данном условии составит, с учетом доставки, **45 руб.** за исключением почтового сбора за пересылку перевода наложенного платежа (приблизительно 10 % от стоимости заказа) и авиатарифа.

Заказы принимаются по адресу: 117168, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 14-1, Агентство «Книга-Сервис», также заказы принимаются по факсу (095) 129-01-54 и по электронной почте: public@akc.ru

Цена действительна до 01 марта 2005 года. Рассылка производится один раз в месяц не ранее чем через один месяц с даты публикации данного предложения.

Пожалуйста, оцените свои финансовые возможности и заказывайте только то количество книг, которое **вы точно сможете выкупить.**

БЛАНК ЗАКАЗА

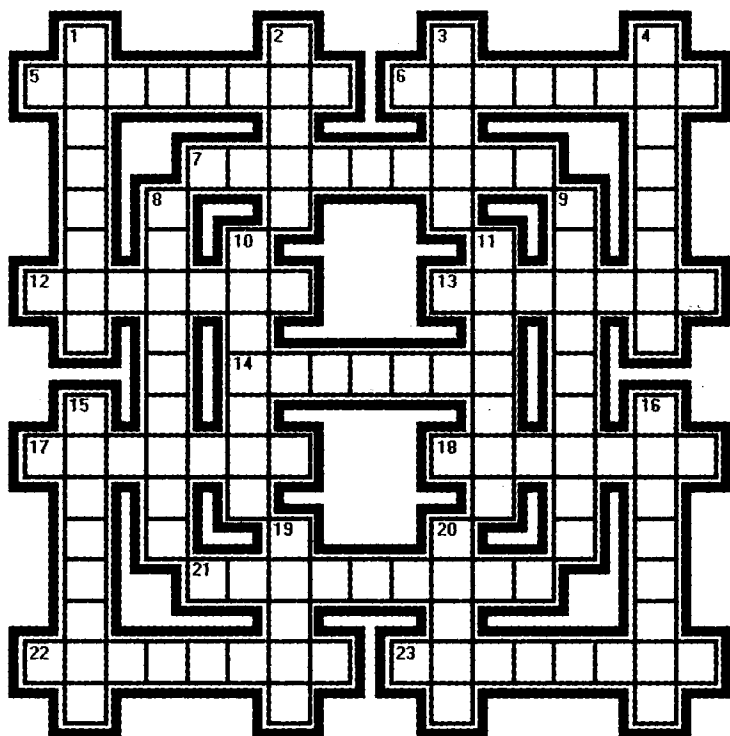
Адрес: _____
индекс _____

Ф.И.О.: _____

Я ЗАКАЗЫВАЮ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

[illegible]

КРИМИНАЛЬНЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Исполнитель главной роли в криминальном сериале “Бригада”. 6. То самое “вскрытие”, которое “покажет”. 7. “Любительница частного сыска” из произведений Дарьи Донцовой. 12. Голливудский Стивен из фильма “Подозрительные лица”. 13. Подельщик лисы Алисы. 14. Оскорбление на словах. 17. Яд, которым пытались отравить Виктора Ющенко. 18. Звезда фильма “Бег от смерти”. 21. Преступник на супружеской почве. 22. Логический метод Шерлока Холмса. 23. Иногда ... лжи используют при допросах.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. “Охранное агентство” Соединённых Штатов. 2. ... улика на месте происшествия. 3. Игрок, “сдающий из-под стола”. 4. Масштабное вредительство. 8. Звезда фильма “Ключи от бездны”. 9. Ходячая улика. 10. Звезда сериала “Русский транзит”. 11. Кто сыграл доктора-эмигранта в фильме “Чисто английское убийство”? 15. Огнестрельное оружие. 16. Звезда нашего кино из фильма “Воры в законе”. 19. Полковник из нашего классического детектива “Чёрный принц”. 20. Жертва Геракла.

Работа Олега ВАСИЛЬЕВА

ЗАО «Издательская компания «Подвиг»

Главный редактор
Алексей ШЕВЕЛЕВ

Литературный редактор
Михаил КРУПИН

Ответственный секретарь
Татьяна БАЛЯБИНА

Художник
Ольга АКУЛИНИНА

Компьютерная верстка
Алексей САЗОНОВ

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций.
Рег. № 012140

Формат 84x108 1/32 Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная Усл.печ.л. 9
Подписано в печать 28.12. 2004 г.
Тираж 16400 экз. Заказ 44829
Цена свободная

Телефоны редакции:

Отдел распространения - **979-6020**

Ильинская Елена Павловна
HelenaPavlovna@yandex.ru

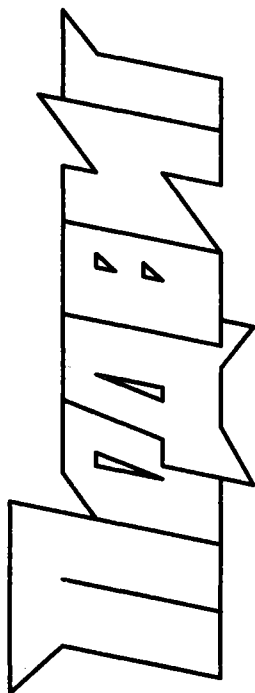
Секретариат - **787-3564**
podvig1950@mail.ru

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Полную информацию о жизни
«Подвига», «ДСМ» и «Кентавра»
читайте на сайте **www.hrono.ru**

Адрес редакции: 125015, Москва,
Новодмитровская ул., д. 5а

Типография АО «Молодая гвардия»
127994, Москва, Сущевская ул., 21

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Безрыков.
6. Аутопсия. 7. Васильева. 12. Болдин.
13. Базиллио. 14. Надёвка. 17. Дюккин.
18. Котёнов. 21. Двоежёнец. 22. Дедукция.
23. Детектор.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Пентагон. 2. Поиск.
3. Шюлер. 4. Диверсия. 8. Руденский. 9. Сви-
датель. 10. Сидихин. 11. Баталов. 15. Пино-
лет. 16. Щербakov. 19. Зорин. 20. Антей.

О. ВОЛОДАРСКАЯ
“УБИЙСТВО
В СТИЛЕ РЕТРО”

К сведению начинающих Золушек. Ищите принца с юридическим образованием. Иначе...

Ф. БРАУН
“СЛЕПОЙ
СВИДЕТЕЛЬ”

Совершено убийство. Единственный свидетель - слепой, старый товарищ убитого. Помогут ли его ощущения следствию?...

В. ПЕТРОВ
“КОЛУМБЫ РОССИЙСКИЕ”

Дикий Запад. Суровые будни первопроходцев. Военные пляски индейцев под завывания шаманов. Кровожадность охотников за человеческими черепами. Жизнь русских поселенцев на Аляске затмевает любой голливудский вестерн.

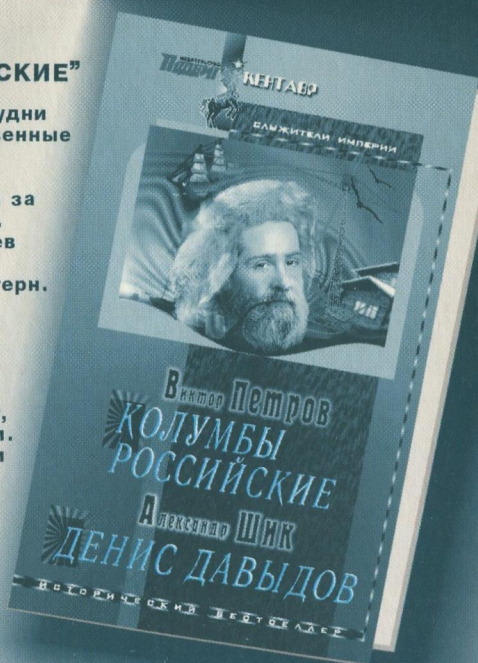
А. ШИК
“ДЕНИС ДАВЫДОВ”

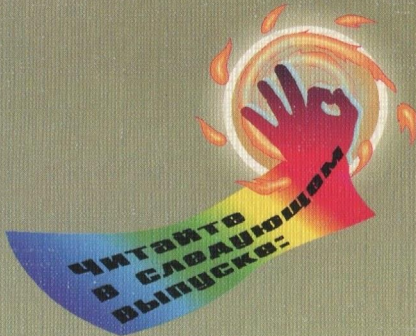
“Любовник брани” и поэт, чьи стихи пахнут биваком. Знаток гусарских пиров и заботливый семьянин. Гроза французов, прозванный Черным Капитаном. Он не кланялся вражеским пулям и не пятнал офицерской чести расстрелами пленных.

Ольга ВОЛОДАРСКАЯ
УБИЙСТВО
В СТИЛЕ РЕТРО

Фредерик БРАУН
СЛЕПОЙ СВИДЕТЕЛЬ

**Василий
ГОЛОВАЧЕВ
“ПРОЗРЕНИЕ”**

”И треснул мир
пополам”... Полвека
маг служил злу, не
догадываясь об этом.
Но рано или поздно
приходит прозрение.

**Владимир
ЖУКОВ
“КРЫШ”**

Уникальные способности
порой делают не только
человека, но и...
попугая объектом
чьей-то острой зависти
или вражды. Уцелеет ли
обладатель недюжинного
таланта в бандитском
притоне, где страсти
неподконтрольны
законам людским?!!

Подписные индексы Роспечать:

70814 “Подвиг”

71174 “Детективы СМ”

47703 “Подвиг” + “Детективы СМ”

81161 “Кентавр. Исторический бестселлер”

**81162 “Подвиг” + “Детективы СМ” +
”Кентавр”**

45443 Объединенный
44784 каталог
“Подписка-2005”

ISSN 0130-8149

9 770130 814006

0 5 0 0 1 >

